

НЕБЕСНЫЕ
ОВАЦИИ

Макс Лукадо

Макс Лукадо

НЕБЕСНЫЕ ОВАЦИИ

Перевод с английского

Max Lucado THE APPLAUSE OF HEAVEN

Originally published in English by THOMAS NELSON, Inc. Nashville, TN, USA.

All rights reserved. This Licensed Work published under license.

«Небесные овации» — книга-бестселлер, успевшая стать классикой, неоднократно переиздававшаяся, переведенная на многие языки. Ее автор обращается к заповедям блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа, предлагая по-новому взглянуть на хорошо знакомые христианам истины. Иисус обещал, что блаженны будут все, кто последует за Ним, — все, кто решит день за днем жить по Его примеру. Книга Макса Лукадо показывает нам, как жить такой жизнью и как иметь такую жизнь с избытком.

Published by <http://vk.com/maxlucado>

ISBN 978-0-8499-2123-0 (англ.) © Max Lucado, 1990, 1996, 1999

ISBN 978-5-94861-139-6 (рус.) © Издательство «Виссон», 2010

2012

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

С тех пор как книга «Небесные овалы» впервые вышла в свет осенью 1990 года, Макс Лукадо стал для христианской Америки поистине семейным автором. За это время его книги тронули сердца миллионов людей по всему миру. Восторженные отклики на «Небесные овалы» — в том числе множество рецензий в прессе — свидетельствуют, что она стала современной классикой. Это книга, которую будут ценить и следующие поколения.

На ее страницах читатель найдет глубокие, берущие за душу размышления о самой волнующей части учения Христа в Новом Завете. Впрочем, это не богословский трактат, а задушевная беседа. Предлагая неординарный подход к заповедям блаженства из Евангелия от Матфея, Лукадо позволяет нам увидеть старые истины с совершенно новой точки зрения. Это помогает лучше воспринять идеи и образы евангельского текста, которые мы вполне могли упустить из виду, хотя много раз читали прежде.

Под пером этого талантливого писателя обычные слова и фразы превращаются в предмет читательского восхищения и источник полета воображения. Приводимые Максом Лукадо примеры из реальной жизни, в том числе из собственной, раскрывают новые сокровенные грани библейского текста — разноцветные, искрящиеся. На каждой странице нас ждут россыпи таких самоцветов. Его книга заново знакомит нас с Божьей системой ценностей. Не приходится удивляться, что «Небесные овалы» стали одной из самых популярных христианских книг нашего времени.

Чтобы усилить общее впечатление от данного издания, мы подобрали восемнадцать фрагментов произведений великих мастеров, тем или иным образом раскрывающих темы и идеи соответствующих глав. Надеемся, вы согласитесь с нами, что эти иллюстрации при всем разнообразии их стилей и жанров как нельзя лучше передают широту и многогранность поэтического видения Макса Лукадо.

Макс Лукадо напоминает, что «глава 5 Евангелия от Матфея — это не набор пословиц, не ряд отдельных изречений, а последовательное, шаг за шагом, изложение процесса преобразования сердца верующего Богом».

В заповедях блаженства Иисус обещает, что блаженны будут все, кто последует за Ним, — все, кто решит день за днем жить по Его примеру. Данное издание «Небесных овалов» показывает нам, как жить такой жизнью и как иметь такую жизнь с избытком.

Издатель

ВСТУПЛЕНИЕ

Все великие слова в нашей жизни говорит Бог. И все же зачастую именно благодаря «малым» словам великое Слово Бога звучит, словно песнь. Макс Лукадо — это редкий и желанный талант, глубоко преданный Слову, ставшему плотью, но он также чеканщик тех завораживающих «малых» слов, которые способны украсить Слово Божье.

Впервые я открыл для себя Лукадо, когда случайно взял книгу «Ничего удивительного, что Его называют Спасителем» с магазинной полки. Но с того момента, как первая же его строчка приковала к себе мой взгляд, все остальное не было случайным. Лукадо стал популярен по двум причинам: он благоговеет перед Христом и любит окружающий мир. Эта двойная любовь захватывает наше воображение и побуждает внимательно следить, куда приведут его слова.

Именно потому, что Макс Лукадо любит Господа, он отходит от мутного, затертого языка, столь распространенного в наших церквях. Для Лукадо «Иисус» — не просто имя собственное, потускневшее от слишком частого употребления богословами. Нет, святые отношения достойны славы, и только лучший, самый выразительный язык способен рассказать о них. И писатель начинает ткать новую Туринскую плащаницу, не оставляя у нас сомнений, что эта прекрасная ткань касалась тела нашего Господа и ее подлинность навеки удостоверена благоговением Лукадо. Когда обычные слова бессильны, вот как он призывает нас познать Христа:

«Священная отрада порождается непреходящей радостью», — восклицает он.

«Если у вас есть время, чтобы читать эту главу, вам, наверное, это ни к чему», — обращается он к тем, кто считает себя слишком занятым для духовного саморазвития.

Снова и снова мы встречаем его мудрые мысли: «...укажите человеку на его пороки, но без Иисуса, и вы найдете результат этого усилия в придорожной канаве. Дайте человеку религию без напоминания о его мерзости, и итогом будет заносчивость, наряженная в костюм-тройку».

Он объясняет самонадеянным, что приближаться к Христу нужно так же, как входить в церковь Рождества Христова: «Эта дверь такая низкая, что с гордо поднятой головой в нее не войти».

Он укоряет озлобленных: «Ненависть — как бешеный пес, бросающийся на хозяина».

Эта книга начинается с заповедей блаженства, с которых открывается и Нагорная проповедь. Блаженства нисходят на нас, но в виде простых метафор из обыденной жизни. Так что вы встретите Христа, даже читая о танкере «Эксон Валдиз», который мартовской ночью 1989 года излил свою нефть на риф Блай на Аляске¹.

Христос придет к вам, когда вы познакомитесь с Гаяне Петросян, четырехлетней армянской девочкой, которая просила у матери дать ей свою кровь, чтобы выжить. И множество великих библейских персонажей пройдут перед нами на страницах этой книги, чтобы получилось достойное введение к великой Нагорной проповеди Иисуса.

¹ 24 марта 1989 г. танкер «Эксон Валдиз» натолкнулся на риф Блай в заливе Принца Уильяма. В результате аварии и море оказалось более 40 тыс. тонн нефти. Из-за нефтяного загрязнения пострадало более 2 тыс. км побережья, был причинен вред популяциям птиц, рыб и морских животных. — *Примеч. ред.*

Мы с Максом — друзья. Возможно, я понуждал его быть моим другом и поначалу дружба между нами была моей инициативой. Но, признаюсь, я хотел бы познать Христа так, как познал Его Макс. Я хотел бы почувствовать дуновение апрельского ветра на Голгофе так, как чувствует он. Я хотел бы, как Фома, пасть на колени перед Христом и воскликнуть: «Господь мой и Бог мой!» Мне нужно, чтобы Макс давал мне уроки послушания и духовной жажды.

Читайте эту книгу в тихом уголке, и вы сможете ощутить, как пронзенная ладонь легко касается вашего плеча. Не бойтесь той близости к Христу, которую почувствуете, и продолжайте двигаться от страницы к странице. Вы на опыте убедитесь, что Лукадо странствует по горным краям Галилеи сердца.

Кэлвин Миллер

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫ НАЧНЕТЕ ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

Придумать название для этой книги было едва ли не так же трудно, как написать ее. Мы заполняли возможными вариантами страницу за страницей. Были предложены и отвергнуты десятки названий. Кэрол Бартли, Дейв Моберг, покойный Кип Джордон и другие сотрудники издательства «Word Publishing» часами искали емкую фразу, которая выразила бы душу этой книги.

Чаша весов склонилась в пользу «Небесных оваций», когда мой редактор Кэрол пошла познакомить с отрывками из рукописи руководство «Word Publishing». Она прочитала ту часть книги, где говорится о нашем заключительном путешествии в град Божий. О жажде Бога увидеть Своих детей дома, о том, как Он будет рад приветствовать нас и, может быть, даже захлопает в ладоши, когда мы войдем во врата.

После того как Кэрол прочитала этот отрывок, она заметила, что один из руководителей смахнул слезу. Он объяснил, почему расчувствовался:

— Мне очень трудно представить, чтобы Бог мне аплодировал.

Присоединитесь ли вы к такому мнению?

Я — да. Некоторые вещи относительно Бога представить себе легко. Я могу вообразить, как Он создает вселенную и развешивает звезды. Я могу представить Его всемогущим, всеведущим, всевластным. Я в силах постичь Бога, Который знает меня, Который создал меня, могу даже постичь Бога, Который меня слышит. Но Бог, Который меня любит? Бог, Который меня обожает? Который мне аплодирует?

Однако об этом говорится в Библии. Наш Отец без усталости зовет Своих детей. Он призывает нас вернуться домой Своим Словом, открыв нам путь Своей кровью, и ждет не дождется нашего возвращения.

О любви Бога к Своим детям сказано в Библии. Об этом же речь идет и в моей книге.

Позвольте мне сейчас сказать «спасибо» друзьям, благодаря которым был завершен мой труд.

Прежде всего, это Кэлвин Миллер. В 1977 году один мой друг дал мне необычного формата книгу под названием «Певец» и настоятельно рекомендовал прочесть ее. Я прочитал ее... да не один раз. Я был восхищен. Я никогда не видел такой ювелирной работы над словом. Не встречал такой страстности. Эта книга все еще стоит у меня на полке. С загнутыми уголками страниц, вся потрепанная, с пятнами от пролитого кофе.

Но я никогда ее не выброшу. Ведь с ее помощью Кэлвин Миллер показал мне новое измерение писательского мастерства — плодотворное соединение веры и творчества.

Спасибо тебе, Кэлвин, за то, что ты сделал для тысяч читателей за последние два десятка лет. Спасибо, что терпеливо ждал, когда Бог откроет тебе, как по-новому изложить древнее повествование. И спасибо, что проводил известного тебе автора в сокровищницу новых возможностей.

И еще.

Спасибо Кипу Джордону и Байрону Уильямсону, дорогим моим братьям, которые помогали издательству «Word Publishing» заниматься не только бизнесом, но и служением.

Спасибо Эрни Оуэну, христианскому мудрецу, взирающему и на Бога, и на Его детей. Спасибо за советы.

Спасибо вам, Кэрол Бартли и Энн Кристиан Бьюкенен. Спасибо за то, что вы редактировали, и редактировали, и редактировали, и редактировали, и... Вы славно потрудились (пусть все мои ошибки будут нашим маленьким секретом, ладно?).

Спасибо тебе, Мэри Стейн. Благодаря твоим секретарским талантам и замечательной гибкости закончена еще одна рукопись. Крайне признателен.

Спасибо остальным служителям церкви «Oak Hills». Что бы я делал без таких друзей, как вы? Очень вам благодарен.

Спасибо вам, Тим Киммель и Джон Трент. Один разговор с вами, ребята, заряжает меня энергией на целый месяц.

Спасибо старейшинам и общине церкви «Oak Hills». Я и мечтать не мог о чести совершать служение вместе с семьей таких верных христиан. Благодарю Бога за то, что Он делает.

Спасибо Дейву Мобергу, Нэнси Гатри и Дейвиду Эдмонсону за то, что помогли мне выглядеть лучше, чем я есть.

Спасибо Майклу Карду, провозвестнику истины, чья душевность меня так тронула. И наконец, две особые благодарности.

Моей жене Деналин. Спасибо за то, что возвращение домой становилось для меня кульминацией всего дня.

И спасибо тебе, читатель, за то, что тратишь свое время и деньги в надежде найти Иисуса. Да откликнется Он на твое сердечное стремление.

Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Мф. 5:1-10

Блаженны...

Глава 1 **СВЯЩЕННАЯ ОТРАДА**

У нее есть все основания испытывать чувство горечи.

Несмотря на талант, она годами не могла добиться признания. Престижные оперные круги только плотнее смыкали ряды, когда она пыталась войти в них. Американская критика не слышала ее чарующего голоса. Ей постоянно отказывались давать роли, которые она могла бы исполнить с блеском. Только после того, как она отправилась в Старый Свет и покорила сердца взыскательных европейских меломаном, отечественные столпы общественной мнения пришили ее талант.

Не только ее профессиональная жизнь состоит из трудных битв, в личной жизни у нее тоже все непросто. Она — мать двоих детей-инвалидов, один из которых страдает серьезной задержкой умственного развития. Несколько лет назад, опасаясь от бешеных ритмов нью-йоркской жизни, она купила дом на острове Мартас-Виньярд. Дом сгорел дотла за два дня до намеченного переезда. Досадные помехи в профессиональной карьере. Сплошное невезение в остальном. Самая подходящая почва для семян горечи. Почва, готовая взрастить корень обиды на жизнь. Но в данном случае озлобленность не прижилась.

Друзья не считали ее озлобленной, они прозвали ее «Фонтанчик».

Беверли Силлс. Всемирно знаменитая оперная певица. Бывший директор Нью-Йоркской оперы.

Ее речи всегда сопровождала улыбка. Лицо ее лучилось безмятежностью. Взяв у нее интервью, Майкл Уоллас сказал: «Это одна из самых впечатляющих — если не самая впечатляющая — особа из всех, кого я интервьюировал».

Как может человек пережить такую дискриминацию в своей профессии, все эти личные невзгоды и все равно заслужить прозвище «Фонтанчик»?

«Я предпочитаю быть жизнерадостной, — говорит она. — Много лет назад я уже знала, что от меня практически не зависят моя профессиональная карьера, обстоятельства собственной жизни и даже счастье. Но я знала, что я могу решать, оставаться ли мне жизнерадостной».

* * *

— Мы молились об исцелении. Бог не дал нам его. Но Он благословил нас.

Глин говорит медленно. Отчасти из-за убежденности. Отчасти из-за болезни. Ее муж Дон сидит на стуле рядом с ней. Мы втроем собрались, чтобы составить план похорон — ее похорон. И теперь, когда песнопения выбраны и все распоряжения сделаны, Глин говорит:

— Он дал нам силы, о которых мы и не ведали.

— Он дал их, когда они нам понадобились, не раньше, — слова ее звучат глухо, но отчетливо. Глаза ее увлажнились, но в них уверенность.

Я задумываюсь, что было бы, если бы мне пришлось расставаться с жизнью в сорок пять лет. Я задумываюсь, каково мне было бы прощаться с детьми и с женой. Я задумываюсь, каково мне было бы стать свидетелем собственного умирания.

— Бог даровал нам в наших страданиях умиротворенность. Он все время укрывает нас. Даже когда мы теряем голову, Он здесь.

Прошел год с тех пор, как Глин и Дон узнали о ее болезни, — это боковой амиотрофический склероз, или болезнь Лу Герига. Причины ее и способы лечения остаются загадкой. Но не исход. Постепенно сила и подвижность мышц уходят, у человека сохраняются только разум и вера.

Именно проявления разума и веры Глин дали мне осознать, что происходит нечто большее, нежели составление плана похорон. Я смотрю на священные жемчужины, добытые Глин из бездны отчаяния.

— Любую трагедию мы можем превратить либо в камень преткновения, либо в ступеньку для подъема...

— Надеюсь, это не принесет мучения моим близким. Надеюсь, я стану примером того, что Бог и в лучшие наши времена, и в худшие ждет от нас веры. Ведь если мы не верим, когда нам трудно, значит мы вообще не верим.

Дон держит ее за руку. Он утирает ее слезы. Он утирает свои слезы.

«Кто они? — спрашиваю я сам себя, глядя, как он прикасается платком к ее щеке. — Кто они, если на берегу реки жизни могут смотреть вдаль с такой верой?»

Это был момент торжественный и щемящий. Я говорил мало. Самонадеянность неуместна в присутствии того, что свято.

* * *

— У меня есть все, что нужно для счастья, — сказал Роберт Рид.

«Поразительно», — подумал я.

Руки его скрючены, а ноги бездвижны. Он не в состоянии сам вымыться. Он не в состоянии сам поесть. Он не может сам почистить себе зубы, причесаться, натянуть на себя подштанники. Рубашки у него на «липучках». Его речь замедленна, словно звучание сильно изношенной аудиокассеты.

У Рида — церебральный паралич.

Болезнь не позволяет ему водить машину, кататься на велосипеде, даже сходить прогуляться. Но она не помешала ему окончить школу, а затем — Христианский университет в г. Абилин, где он специализировался на латыни. Церебральный паралич не мешает ему преподавать в колледже Сент-Луиса и не удержал от пяти миссионерских поездок за границу.

И болезнь Роберта не воспрепятствовала ему стать миссионером в Португалии.

Он поехал в Лиссабон — один — в 1972 году. Там он снял номер в гостинице и принялся учить португальский. Роберт познакомился с владельцем кафе, который стал кормить его с ложечки в часы затишья, и нашел учителя, помогшего освоить язык.

Роберт ежедневно располагался в парке, где раздавал брошюры о Христе. За шесть лет он привел к Господу семьдесят человек, одна из которых, Роза, стала его женой.

Недавно я слышал его проповедь. Я видел, как его внесли в инвалидной коляске на помост. Я видел, как ему положили на колени Библию. Я видел, как он непослушными пальцами перелистывал страницы. И я видел, как слушатели утирали с глаз слезы восторга. Роберт мог бы взывать к их симпатии или жалости, но он повел себя диаметрально противоположно. Воздевая скрюченную руку, он хвалил свою жизнь

— У меня есть все, что нужно для счастья.

Рубашки у него держатся на «липучках», но его жизнь держится на радости.

* * *

Никакой другой человек не имел столько оснований для скорби — и все же никакой другой человек не был таким жизнерадостным.

Его первым домом был дворец. Великое множество слуг находилось в полном его распоряжении. Щелкнув пальцами, он мог менять ход истории. Имя его было прославленным и перевозносимым. Он обладал всем — богатством, властью, почетом.

А потом у него не осталось ничего.

Исследователи до сих пор сидят в раздумьях над этим событием. Историки бьют к я над попытками объяснить его. Как мог царь в одно мгновение потерять все?

Только что он был монархом, и вот он стал нищим.

Постелью ему в лучшем случае служила одолженная на время циновка, — а чаще просто земля. В его скитаниях у него не было денег на транспорт, даже самый простой, ведь он жил только на подаяния. Иногда он бывал так голоден, что жевал зерна из колоска или сорванный с дерева плод. Он изведal уличный холод и проливные дожди. Он знал, каково это — когда у тебя нет своего угла.

На полах в его дворце не найти было и пятнышка — теперь он жил среди отбросов. Он не знал, что такое недомогание — теперь же его со всех сторон окружали болезни.

В его царстве перед ним благоговели — теперь над ним издевались. Однажды соседи попытались его линчевать. Кое-кто называл безумным. Родственники уже почти было решили держать его дома взаперти и не выпускать.

Если кто над ним и не смеялся, то лишь потому, что предпочитал его цинично использовать. Им нужны были зрелища. Им нужны были фокусы. А он стал сенсацией. Такие люди хотели, чтобы его видели в их обществе — пока он не вышел из моды. А потом они решили убить его.

Его обвинили в преступлении, которого он не совершал. Свидетелям заплатили за ложь. Суд стал фальсификацией. Сторона защиты на нем вообще отсутствовала. Судья, преследуя чисто политические цели, вынес ему смертный приговор.

Его убили.

Он уходил из жизни так же, как пришел в нее — без гроша. Похоронили его в чужом склепе, за похороны заплатили друзья. Хотя некогда он обладал всем, в день смерти у него не оказалось имущества.

Он должен был бы чувствовать себя несчастным. Он должен был бы горевать. У него были все основания кипеть от злости и возмущения. Но ничего такого с ним не происходило.

Он оставался жизнерадостным.

Ворчуны не привлекают последователей. Люди шли за ним, куда бы он ни направился.

Дети не любят сердитых взрослых. К нему же малышня так и льнула.

Люди не приходят, чтобы выслушивать печальные повести. На его проповеди собирались толпы.

Почему? Потому что он был жизнерадостным. Он оставался жизнерадостным в своей нищете. Он оставался жизнерадостным, когда от него все отвернулись. Он оставался жизнерадостным, когда его предали. Он оставался жизнерадостным, даже когда был прибит к пыточному кресту шестидюймовыми римскими гвоздями.

В Иисусе воплощена непреходящая радость. Радость, отказывающаяся сгибаться под суровыми ветрами трудных времен. Радость, которая противостоит боли. Радость, корни которой глубоко уходят в основания вечности.

Видимо, у Него научилась этому Беверли Силлс. Наверняка у Него научились этому Глин Джонсон и Роберт Рид. И у Него же можем научиться этому и мы.

Что это за радость? Что это за веселье, которое только знай себе подмигивает всяческим напастям?

Что это за птица, что поет о солнышке еще до рассвета? В чем источник такой безмятежности вопреки всем страданиям?

Я называю это священной отрадой.

Священная она потому, что неземная. Свято то, что принадлежит Богу. А эта отрада — Божья.

И отрада — потому что она чудесна и удивительна.

Отрада — это вифлеемские пастухи, пустившиеся в пляс около пещеры. Отрада — это Мария, нежно кормящая Бога. Отрада — это седовласый Симеон,

благословляющий Всевышнего, над Которым сейчас совершат обряд обрезания. Отрада — это Иосиф, учащий Творца вселенной забивать гвозди.

Отрада — это выражение лица Андрея, глядящего на короба с едой, которые совсем не опустели. Отрада — это гости на свадьбе, захмелевшие от вина, которое только что было водой. Отрада — это Иисус, идущий по волнам так же непринужденно, как вы ходите по ковру. Отрада — это прокаженный, видящий у себя здоровые пальцы на месте покрытых коростой обрубков... вдова, потчующая гостей едой, которая была приготовлена для похорон... паралитик, на радостях сделавший сальто. Отрада — это Иисус, Который совершает невозможное самым невероятным образом: то исцеляет слепого, помазав его слюной, то платит подать монетой, вынутой изо рта специально выловленной рыбы, то воскрешает из мертвых, прикидываясь садовником.

Что же это такое — священная отрада? Бог делает то, что другие боги могут делать только в самых невероятных снах — лежит, завернутый в пеленки, катается на осликах, омывает ноги ученикам, дремлет во время страшной бури. Отрада — это день, когда Бога обвинили в том, что Он слишком радуется жизни, слишком часто бывает на празднествах, слишком много времени проводит с теми, кто любит бесплатное угощение.

Отрада — это плата за полный день тем, кто работал только один час... отец, отирающий свиной навоз со спины вернувшегося сына... пастух, закативший пир, потому что нашлась одна жалкая овечка. Это найденная жемчужина, умножившиеся таланты, мытарь, который будет принят на небесах, разбойник, попавший в рай. Отрада это изумление на лицах уличных бродяг, которых позвали на царский пир.

Отрада — это самарянка, застывшая с широко раскрытыми глазами, прелюбодейка, уходящая с усыпанного камнями двора, полуодетый Петр, кинувшийся в холодную воду, чтобы быть ближе к Тому, от Кого отрекся.

Священная отрада — это хорошие вести, приходящие через заднюю дверь твоего сердца. То, о чем ты всегда мечтал, но на что не смел надеяться. Когда правдой становится то, что было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Это когда Бог отдувается вместо тебя, когда Он твой адвокат, твой Отец, твой главный приверженец и лучший друг. Когда Бог — на твоей стороне, в твоём сердце, когда Он перед тобой и прикрывает тебя со спины. Это надежда там, где ты меньше всего ожидал ее встретить, — это цветы на асфальте жизни.

Она священная, потому что только Бог может даровать ее. И *отрада*, ибо вызывает трепет радости. Поскольку она священная, никто не отнимет ее у тебя. А поскольку она так хороша, ты можешь мечтать о ней.

Именно эта радость прошла сквозь Чермное море. Это она трубила в трубы у стен Иерихона. Это тайна, о которой сложила песнь Мария. Сюрприз — в пасхальное утро началась вечная весна.

Это Божья радость. Священная отрада.

О ней Иисус говорит в Нагорной проповеди.

Девять раз Он дает обетование о ней. Обетование самым неожиданным людям:

- «Нищие духом». Нищие на раздаче Богом благотворительного супчика.

- «Плачущие». Анонимные грешники с их неизменным зачином: «Здравствуйте все, меня зовут имярек... Я грешу уже сорок лет».
- «Кроткие». На пианино из ломбарда играет Ван Клиберн (и так хорошо, что никто не замечает западающих клавиш).
- «Алчущие и жаждущие правды». Голодающие сироты, которые знают, чем отличается рождественский ужин от лапши быстрого приготовления.
- «Милостивые». Выиграли в лотерею миллион долларов и раздали деньги своим врагам.
- «Чистые сердцем». Врачи, которые любят прокаженных и не заражаются от них.
- «Миротворцы». Строители, возводящие мосты из древесины креста.
- «Изгнанные за правду». Те, кто способен поглядывать на небеса, проходя через ад на земле.

Этой-то компании бродяг Бог и пообещал особые благословения. Небесные радости. Священную отраду.

Но радость эта не достается просто так. То, что обещал Иисус, не имеет отношения к цирковым номерам, от которых мурашки ползут по коже, и к восторженному экстазу, до которого должна доводить болельщиков группа поддержки. Нет, в 5-й главе Евангелия от Матфея речь идет о полном преобразении нашего сердца Богом.

Уточним последовательность. Во-первых, мы признаем, что отчаянно нуждаемся (мы — нищие духом). Далее мы раскаиваемся в своей самодостаточности (плачем). Мы перестаем претендовать на самовластие и отдаем всю власть Богу (проявляем кротость). Мы так благодарны за Его присутствие с нами, что стремимся углубить наше общение с Ним (алчем и жаждем правды). Приближаясь к Нему, мы становимся больше похожи на Него. Мы прощаем других людей (становимся милостивыми). Мы изменяемся (облетаем чистое сердце). Мы любим других людей (творим мир). Мы претерпеваем множество несправедливостей (нас изгоняют за правду).

Совсем не случайно, что то же самое слово, которое входит в обетования Иисуса о священной отраде, Павел употребляет, говоря о Боге:

...По славному благовестию блаженного Бога...¹

...Блаженный и единый сильный Царь царей царствующих и Господь господствующих...²

Задумаемся о Божьей радости. Что может омрачить ее? Кто может ей воспрепятствовать? Кто может отнять ее у Бога? Разве Бог бывает в плохом настроении из-за скверной погоды? Раздражается ли Он из-за длинных очередей или пробок на дорогах? Отказывается ли вращать Землю по причине расстроенных чувств?

Нет. Его радость ничто не омрачит. Его безмятежность не могут нарушить никакие обстоятельства.

Есть чудесное наслаждение, исходящее от Бога. Святая радость. Священная отрада.

И она вам доступна. До отрады вам остался один решительный шаг.

Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.

Глава 2 **ЕГО ВЕРШИНА**

Если у вас есть время, чтобы читать эту главу, вам, наверное, это ни к чему.

Если вы читаете с ленцой, просто чтобы время не тянулось так долго... если час для чтения запланирован у вас после утренней прогулки по бульварам, чтобы побыстрее задремать... если список всех наших дел на сегодня был выполнен еще вчера... то можете смело переходить к следующей главе. Скорее всего, то, о чем говорится в этой, вы уже и так понимаете

Однако если вы читаете в машине, одним глазом поглядывая, когда же загорится зеленый или в аэропорту, одновременно прислушиваясь к объявлениям о начале посадки на рейсы... или в детской комнате, одной рукой покачивая колыбель или поздно вечером в кровати, вспоминая, что завтра рано вставать... тогда прочтите эту главу, друзья мои. Она как раз для вас и предназначена.

Вы в цейтноте. Вся Америка в цейтноте. Свободное время сильно подскочило в цене. А цена товара всегда определяется его дефицитностью. И время, которого раньше было в избытке, сейчас максимально подорожало.

Один человек во Флориде выставил своему офтальмологу счет на девяносто долларов за то, что тот заставил его ждать целый час.

Одна женщина в Калифорнии нанимает специально обученных людей, чтобы они делали за нее покупки — по пунктам из каталога.

За двадцать долларов можно нанять человека, который уберет в вашей комнате.

За полторы штуки баксов можно купить факс... для установки в машине.

Можно купить для своих детей открытки с готовыми поздравлениями, чтобы высказать им наилучшие пожелания, написать которые вам не хватило времени:

«Успешной тебе учебы» или «Как бы я хотел вырваться на минутку, чтобы лично тебя поздравить».

Америка — это страна быстрых путей и ускоренного обслуживания (мы — единственный на земле народ, назвавший одну из гор «Шевелись-ка»²).

«Время, — говорит социолог Льюис Харрис, — может стать самым ценным ресурсом в нашей стране».

У нас действительно стало меньше времени? Или это лишь плод нашего воображения?

В 1965 году эксперты заявляли сенатской подкомиссии, что будущее откроет самые радужные перспективы относительно времени досуга в Америке. К 1985 году, предсказывали они, американцы будут работать двадцать два часа в неделю и смогут выходить на пенсию в возрасте тридцати восьми лет.

Причины? Компьютерная эра принесет столько невероятных усовершенствований, что наша экономика стабилизируется, а работать за нас будут машины.

Возьмем, к примеру, ведение домашнего хозяйства, указывали они. Микроволновые печи, еда быстрого приготовления, кухонные комбайны откроют путь в беззаботное будущее. А в офисах? Вот вы знаете эти старые мимеографы? Их заменят ксероксы. А папки с документами? В будущем все папки окажутся в компьютерах. Электрические пишущие машинки? Не покупайте их, компьютеры с принтерами их вытеснят.

И теперь, спустя многие годы, мы получили все то, что было обещано в отчете. Компьютеры гудят, видеомэгафоны жужжат, факсы работают. Однако часы по-прежнему неумолимо тикают, а люди по-прежнему в цейтноте. Факты таковы, что средняя продолжительность свободного времени сократилась с 1973 года на 37 процентов. Рабочая неделя удлинилась в среднем с 41 часа до 47 часов (и ведь многим из нас 47-часовая рабочая неделя показалась бы еще не слишком напряженной)¹.

Почему же предсказания не сбылись? Что проглядели в комиссии? Недооцененной оказалась наша страсть к потребительству. По мере того, как индивидуализм шестидесятых переходил в прагматизм восьмидесятых, свободное время, принесенное нам техническим развитием, не давало нам отдохновения — оно лишь заставляло нас поднажать. Техника высвобождает время... а чем больше времени, тем больше можно заработать денег... а чтобы заработать еще больше денег, нужно еще больше времени... так все и раскручивается по спирали. Жизнь становится суетливой оттого, что растут потребности. А оттого, что растут потребности, жизнь все более ненасытна.

— У меня так много железа нагрето, что я не успеваю его ковать, — жаловался один молодой отец.

Можете с ним согласиться?

Когда мне было десять лет, мама заставляла меня учиться играть на пианино. Вообще-то, многие дети творят с этим инструментом настоящие чудеса. Но я не

² По-английски гора называется Rushmore — букв. «больше носись». Расположена в г. Рашмор в Южной Дакоте и известна гигантским горельефом четырех президентов. — *Примеч. пер.*

входил в их число. Ежедневные тридцать минут терзаний над клавиатурой были для меня мукой, сравнимой лишь с поеданием битого стекла. Метроном с леденящей неторопливостью отсчитывал секунду за секундой, прежде чем мне разрешалось вскочить и убежать.

Впрочем, я научился наслаждаться кое-чем из музыки. Я увлеченно дубасил по клавишам, когда встречал указание играть «стаккато». И раз за разом повторял короткие крещендо.

Гремящие финалы я играл как на литаврах. Но в нотах встречалось и другое указание, которое я никогда не мог выполнить так, чтобы это понравилось учительнице. Пауза. Зигзагообразный знак, велящий не делать ничего. Ничего! Какой в этом смысл? Почему я должен сидеть за пианино и зевать, если могу от души побарабанить по клавишам?

— Потому что, — терпеливо объясняла учительница, — музыка всегда звучит приятней после паузы.

В десять лет это казалось мне бессмыслицей. Но теперь, спустя несколько десятилетий, мне слышится в этих словах мудрость — божественная мудрость.

Собственно, слова моей учительницы напоминают мне о поведении другого Учителя.

«Увидев народ, Он взошел на гору...»

Не читайте эту фразу слишком быстро, не то упустите из виду ее парадоксальность. Матфей пишет не то, что вы могли бы ожидать. Этот стих не гласит: «Увидев толпу, Он встал посреди нее». Или: «Увидев толпу, Он стал исцелять страждущих». Или: «Увидев толпу, Он усадил всех и начал учить». В других случаях Он поступал так... но не в тот раз.

Прежде чем идти в массы, Он пошел в горы. Прежде чем ученики встретились с толпами, они встретились с Христом. И прежде чем общаться с людьми, они получили напоминание о том, что свято.

* * *

Я нередко пишу по ночам. Скорее не потому, что мне так хочется, а потому, что атмосферы здравомыслия в нашем доме можно дожидаться только после десятичасовых новостей.

С того момента, как я возвращаюсь домой ранним вечером, и до тех пор, когда я наконец сяду за компьютер часов через пять, круговорот семейной жизни безостановочна. Едва я войду в дверь, как через каких-то полминуты обе мои коленки атакованы двумя кричащими девчонками. А наверху мне в руки суют кудрявого младенца и дарят приветственный поцелуй.

— Конница прискакала, — объявляю я.

— И не слишком рано, — с милой улыбкой отвечает моя жена Деналин.

Следующие несколько часов заполнены вечным домашним шумом и гвалтом: крики, звон посуды, возня на полу, душераздирающие вопли из-за ушибленной коленки, плеск воды в ванной, грохот ссыпаемых в коробки игрушек. Разговоры настолько же нескончаемы, насколько и предсказуемы.

— Можно мне еще пирога?

— А Дженна взяла мою куклу!

- Можно мне подержать малыша?
- Дорогая, где у нас соска?
- Есть там на сушилке чистые платья?
- Девочки, вам пора баиньки.
- А еще одну песенку?

И наконец, вечерний ураган стихает, воцаряются мир и покой. Мама смотрит на папу. Дневной ущерб выявлен, восстановительные работы закончены. Мама засыпает, а папа садится в опустевшей детской за свой компьютер.

За ним-то я сейчас и сижу. Атмосферу безмятежности дополняют постукивание клавиш, аромат кофе, гудение посудомоечной машины. Полчаса назад здесь была игровая комната, а сейчас это мой кабинет. И этот кабинет может — ну, а вдруг — превратиться в святилище. То, что произойдет в ближайшие минуты, может коснуться того, что свято.

Спокойствие замедлит мой пульс, тишина обострит слух, и начнется нечто священное. Послышится звук — это шаги ног в сандалиях, пронзенная рука безмолвно меня поманит, и я пойду на зов.

Хотелось бы мне сказать, что это бывает каждую ночь — увы, нет. Иногда Он спрашивает, а я не слышу. Иногда Он зовет, а я не иду. Но в иные ночи я слышу Его вдохновенный шепот: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные...»², и прихожу. Забыв о неоплаченных счетах, делах и сроках, я по узкой тропе взбираюсь на гору вслед за Ним.

Вы там бывали. Поднимались от сыпучих песков долины к гранитной твердости Его скалы. Вы поворачивались спиной к мирскому шуму и вслушивались в Его зов. Уйдя от людской суеты, вы следовали за Наставником, ведущим вас по вьющейся тропе к вершине.

Его вершина. Чистый воздух. Ясная панорама. Свежий ветер. Шум ярмарки остался внизу, а здесь — вид с высоты.

Ваш Наставник ласково предлагает вам сесть на камень под деревьями и смотреть вместе с Ним на древние горы, которые никогда не поколеблются. «Все, что необходимо, по-прежнему незыблемо, — доверительно говорит Он. — Просто помни:

- завтра ты не придешь туда, где бы Я уже не побывал;
- истина все равно восторжествует;
- смерть все равно будет повержена;
- победа — твоя;
- и радость в одном решительном шаге от тебя — сделай его».

Священная вершина. Место постоянства в меняющемся мире.

Задумайтесь об окружающих вас людях. Можете назвать кого-то, кто побывал на Иго вершине? О, житейские проблемы у них точно такие же. И встречающиеся на их пути трудности ничуть не меньше. Но есть и постоянная ясность, их осеняющая. Уверенность в том, что в нашей жизни далеко не главным оказывается это наше вечное сведение концов с концами и пересадки с самолета на самолет. Безмятежность смягчает уголки их губ. Заразительное веселье светится в их глазах.

А в их сердцах властвует непоколебимая убежденность, что жизнь в долине можно выдержать, и даже с радостью, коль скоро лишь один решительный шаг отделяет тебя от вершины.

Недавно я читал о человеке, который дышал воздухом этой вершины. Его подъем на нее начался довольно рано и придавал ему сил до конца жизни. За несколько дней до его смерти к нему в больницу пришел священник. Войдя в палату, священник увидел пустой стул рядом с кроватью. Священник спросил больного, приходит ли к нему кто-нибудь. Старик улыбнулся:

— Я усаживаю сюда Иисуса, и мы с Ним разговариваем.

Священник был озадачен, и больной пояснил:

— Много лет назад один человек сказал мне, что молиться так же просто, как говорить с хорошим другом. И вот я каждый день придвигаю стул поближе, приглашаю Иисуса сесть, и мы беседуем.

Через несколько дней дочь этого человека пришла в церковь, чтобы сообщить священнику, что ее отец только что скончался.

— Он выглядел таким умиротворенным, — рассказала она, — и я на пару часов оставила его одного. Вернувшись в палату, я увидела, что он мертв. Однако я заметила странную вещь: он лежал головой не на подушке, а на стуле, стоявшем рядом с кроватью³.

Примем урок от этого человека со стулом возле кровати. Вспомним об учительнице музыки и паузах. Поднимемся вместе с Царем на горную вершину. Она в девственной чистоте, она безлюдна, она — вершина мира. Непреходящая радость начинается с глубокого вдоха там, на ее высоте, прежде чем вы спуститесь к этой нашей суете внизу.

Ой, кажется, я слышал, что там объявили ваш рейс...

Блаженны нищие духом...

Глава 3

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

Мы могли бы начать со смеха Сарры. Ее морщинистое лицо прикрыто костлявыми ладонями. Плечи трясутся. В легких — свисты и хрип. Она знает, что не должна смеяться — совсем не кошерно смеяться над словами Бога. Но, едва переведя дух и утерев слезы, она опять вспоминает сказанное, — и новый приступ хохота сгибает ее пополам.

Мы могли бы начать со взгляда Петра. Это удивленный взгляд. Глаза у него — как грейпфруты. Он забывает о рыбе, до колен заполнившей лодку, и о плещущей через борт воде. Он не слышит требовательных криков очнуться наконец и помогать остальным. Петр онемел, он поглощен одной мыслью — мыслью слишком нелепой, чтобы высказать ее вслух.

Мы могли бы начать с отдыха Павла. Три дня он боролся с собой, а теперь отдыхает. Он сидит на полу в углу комнаты. У него изможденный вид. В животе у него пусто.

Запекшиеся губы. Под невидящими глазами набрякли мешки. Но на лице проступает улыбка. В застойный пруд хлынул свежий поток, и воды его сладки.

Но давайте начнем не со всего этого. Начнем с другого.

Начнем со сделки, подготавливаемой одним новозаветным яппи.

Он богат. Итальянская обувь. Костюм от модного модельера. Его капитал надежно инвестирован. Даже пластиковая карточка у него платиновая. Все в его жизни — только класса «люкс».

Он молод. Усталость он смывает с себя в фитнес-клубе, а старость выбивает из себя на теннисном корте. Живот подтянутый, взгляд колющий. Энергичность — его девиз, а до смерти еще целая вечность.

Он очень влиятельный человек. Не верите — спросите его сами. У вас вопросы? У него — ответы. У вас проблемы? У него — решения. У вас загадки? У него — отгадки.

Он знает чего хочет и завтра этого добьется. Он из нового поколения. Поэтому старикам лучше не отставать, или им пора собирать вещички.

Он освоил азбуку яппи — Активность, Богатство, Власть. Он — богатый юноша из начальствующих¹.

До сегодняшнего дня жизнь его была легкой поездкой по залитой неоновыми огнями авеню. Но вот перед ним встал вопрос. Движет ли им чисто познавательный интерес или настоящий страх? Мы не знаем. Мы знаем только, что он пришел за советом.

Ему, настолько привыкшему обращаться с людьми покровительственно, обращаться за помощью к этому сыну плотника как-то неловко. При его положении в обществе советоваться с деревенщиной — далеко не обычный образ действий. Но и вопрос у него необычный.

— Учитель, — спрашивает он, — что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?

Сама формулировка вопроса свидетельствует о том, что он не понимает главного. Он думает, что сможет получить вечную жизнь так же, как получает все остальное — благодаря собственным усилиям.

«Что я должен сделать?»

Какие здесь требования, Иисус? Какой проходной балл? Обойдемся без лишних рассуждений. Перейдем сразу к общему итогу. Сколько и чего я должен вложить, чтобы быть уверенным в результате?

Ответ Иисуса должен был бы его огоршить.

— Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди.

Человек, хоть наполовину совестливый, только руками всплеснул бы, услышав такой ответ. «Соблуди заповеди? Соблуди заповеди? Да ты знаешь, сколько их? Давно ты последний раз перечитывал Закон? Я старался — честно, очень старался — но не смог».

Это и следовало бы сказать юноше, но он весьма далек от того, чтобы исповедоваться в грехах. Вместо того чтобы просить о помощи, он хватается за бумагу и ручку и просит диктовать помедленнее.

— Какие? — щелкнув ручкой, он приподнимает бровь.

Иисус идет ему навстречу:

— Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя.

«Отлично! — радуется яппи, дописывая строку. — Вопросы к экзамену у меня есть. Посмотрим, сдам ли я».

«Убийство? Разумеется, нет. Прелюбодеяние? Ну, ничего такого, чего не сделал бы любой другой нормальный человек. Воровство? Кой-какие махинации, но все в рамках закона. Лжесвидетельство? Гм-м... ладно, дальше. Почтение к родителям? Конечно, я вижусь с ними по праздникам. Любовь к ближнему?»

«Ха! — улыбается он. — Пара пустяков. Все это я соблюдал. Если уж на то пошло, я соблюдал это начиная с детского садика. — Чуть приосанившись, он просовывает большие пальцы под ремень. — Есть еще такие же легкие вопросы?»

Как Иисус удерживается от смеха — или от слез — выше моего разума. Вопросы, предназначенные для того, чтобы показать начальствующему, насколько он

ниже планки, лишь убедили его, насколько высоки его шансы. Это ребенок, с которого так и течет грязная вода, пока он пытается убедить маму, что вовсе не бегал по лужам.

Иисус переходит к сути:

— Если хочешь быть совершенным, пойдя, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах.

Это наставление обескураживает юношу и озадачивает учеников.

Их вопрос могли бы задать и мы:

— Так кто же может спастись?

Ответ Иисуса ошеломляет слушателей:

— Человекам это невозможно...

Невозможно.

Он не сказал: невероятно. Он не сказал: сомнительно. Он даже не сказал, что это было бы затруднительно. Он сказал: невозможно. Ни единого шанса. Ни одного способа. Ни одной лазейки. Никакой надежды. Невозможно. Невозможно переплыть Тихий океан. Невозможно долететь до Луны на воздушном змее. Невозможно взобраться на Эверест с одной лишь корзинкой для пикников и тросточкой для них же. И пока Кто-то что-то не изменит, вы не сможете попасть на небеса.

Не повеяло ли на вас смертельным холодом? Всю вашу жизнь вам давали награды за то, что вы сделали. Вы получали оценки в соответствии со своей успеваемостью. Вы слышали похвалы за свои достижения. Вы получали деньги за свою работу.

Именно поэтому богатый юноша думал, что от небес его отделяет всего лишь еще один взнос. Только в этом есть смысл. Честно работаешь, выполняешь обязанности и — хлоп! — твой счет полностью оплачен. Иисус говорит: не получится. То, чего ты хочешь, стоит намного дороже, чем ты можешь заплатить. Тебе нужна не система платежей, тебе нужен Искупитель. Тебе нужно не резюме, тебе нужен Спаситель. Ибо «невозможное человекам возможно Богу»².

Не упустите сути этого стиха — спасти себя сами вы не можете. Ничем — ни правильными обрядами, ни правильными доктринами, ни правильным служением, ни правильными мурашками по телу. Мысль Иисуса кристально ясна. Человеческим существам невозможно спастись самим.

Понимаете, в истории с богатым юношей дело было не в деньгах — дело было в его самодостаточности. Это был вопрос не собственности, а имиджа.

Не высокий курс доллара, а высоко задранный нос. «...Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!»³ Трудности возникают не только у богатых. Они также возникают у людей высокообразованных, у сильных, у красивых, у знаменитых, у религиозных. И у вас, если вы считаете, что в силу своей набожности или положения в обществе вы — верный кандидат на получение пропуска в Царство.

И если вам трудно переварить то, что Иисус сказал богатому юноше, то Его слова о дне суда застрянут у вас в горле.

Это пророческий образ последнего суда: «Многие скажут Мне в тот день: "Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?"»⁴.

Поразительно. Эти люди встали перед престолом Бога и еще чем-то хвастают. Прозвучал великий трубный глас, а они все еще дудят в свои дудочки. Вместо того

чтобы петь хвалу Ему, они хвалят сами себя. Вместо того чтобы поклониться Богу, они зачитывают свои резюме. Когда нужно благоговейно молчать, они разглагольствуют. Стоя в ореоле славы Царя, они приосаниваются. Что хуже — их самодовольство или их слепота?

Вы не сразите разработчиков космических челноков своим бумажным самолетиком. Нечего хвастаться своей акварелькой на выставке Пикассо. Вы не объявите себя равным Эйнштейну, потому что можете написать: $S = V \cdot t$.

И нечего хвалиться своими достоинствами в присутствии Совершенного Существа.

«И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"»⁵.

Заметьте это себе. Бог спасает нас не благодаря тому, что мы сделали. Только ничтожного Бога можно было бы подкупить десятиной. Только самовлюбленного Бога растрогали бы наши страдания. Только Бога с дурным характером можно было бы удовлетворить жертвоприношениями. Только бессердечный Бог продавал бы спасение тому, кто больше даст.

И только великий Бог делает для Своих детей то, чего они не могут сделать сами.

Об этом проповедует Павел: «Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего...»⁶

И в этом суть первого блаженства из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

Сокровище радости достается тем, кто нищ духом, а не богат⁷. Божье благоволение достается капитулировавшим, но не выплывается победителям. Первый шаг к радости — мольба о помощи, признание своей нравственной нищеты, своего внутреннего ничтожества. Те, кто ощутил присутствие Бога, объявляют о собственном духовном банкротстве и сознают свой кризис духовности. В их буфетах шаром покати. Их карманы пусты. Их возможности исчерпаны. Они давно перестали требовать правосудия, они умоляют о пощаде⁸.

Они не хвалятся — они выпрашивают.

Они просят Бога сделать для них то, чего не могут сделать без Него. Они видят, как свят Бог и как греховны они сами, и они согласны со словами Иисуса: «Спаستись невозможно».

О, эта парадоксальность Божьего благоволения — расцветающего на голодных землях нашей нищеты, а не на жирной почве наших достижений.

Это иной путь, для нас с вами непривычный. Нечасто расписываемся мы в своем бессилии. Признание поражения обычно не открывает дорогу к радости. За полной исповедью обычно не следует полное прощение. Но Бог ведь никогда не руководствовался тем, что обычно.

...Ибо их есть Царство Небесное.

Глава 4 **ЦАРСТВО АБСУРДА**

Царство Небесное. Его обитатели упиваются чудесами.

Рассмотрим случай Сары¹. Она уже в золотых своих годах, но Бог обещал ей сына. Сара взволновалась. Она отправилась в магазин для беременных и купила там несколько платьев. Она уже спланировала вечеринку по случаю положительного теста и переставила мебель в доме... но сына нет. Она несколько раз съедает свои именинные торты, задувает свечи... но сына все нет. Она сменяет десяток настенных календарей... нет сына.

Тогда Сара решает взять дело в собственные руки («Может быть, Бог хочет, чтобы я сама об этом позаботилась»).

Она убеждает Аврама, что время уходит («Согласись, Аврам, ты ведь тоже не молодеешь»). Она приказывает своей служанке Агари пойти в спальню Аврама и спросить, не нужно ли ему чего-нибудь («И чтобы все было исполнено, все!»). Агарь входит в спальню служанкой, а выходит будущей матерью. И начинаются проблемы.

Агарь заносчива. Сара ревнива. У Аврама уже голова идет кругом. А Бог называет младенца «диким ослом» — подходящее имя для того, кто рожден из упрямства и должен будет упрямо протаптывать себе путь в историю.

Это не тот семейный уют, какого хотелось бы Саре. И это не та тема, которую Авраму хотелось бы почаще обсуждать с Сарой за ужином.

Наконец, спустя четырнадцать лет, когда Авраму стукнуло сто годков, а Саре — девяносто... когда Аврам перестал слышать советы Сары, а Сара — их давать... когда обои в детской совсем выцвели, а мебель давно вышла из моды... когда любое напоминание об обещанном ребенке влекло за собой лишь вздохи и слезы и долгие взгляды в безмолвное небо... тогда Бог навещает их и говорит, что им пора выбирать имя для будущего сына.

Аврам и Сара отвечают одинаково — смехом. Смеются они отчасти из-за того, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, а отчасти — из-за того, что это все-таки

может ею оказаться. Они смеются, потому что оставили надежду, а вновь родившаяся мечта всегда радуется, пока не станет реальностью.

Они смеются над абсурдностью ситуации.

Аврам смотрит на Сару — беззубую, часто похрапывающую в своем кресле с запрокинутой головой и отвалившейся челюстью, такую же цветущую, как чернослив, и настолько же морщинистую. И хохочет. Он старался сдержаться, но не смог. Он всегда любил хорошую шутку.

Сара не менее довольна. Услышав известие, она не успела удержать вырвавшееся из груди кудахтанье. Она что-то бормочет о том, что ее мужу нужно бы кое-что побольше, и снова смеется.

Они смеются, потому что так всегда бывает, когда тебе обещают совершить невозможное. Они чуть-чуть смеются *над Богом*, но в основном *вместе с Богом* — ведь Бог тоже смеется. Затем, все еще с улыбкой на лице, Он начинает совершать лучшее из всего, что совершает, — то, чего не может быть.

Он кое-что меняет — прежде всего, их имена. Аврам, то есть «отец», теперь будет зваться Авраамом, «отцом множества». Сара, «бесплодная», станет Саррой, «матерью».

Но Бог меняет не только их имена. Он меняет их мысли. Он меняет их веру. Он меняет число полагающихся им налоговых льгот. Он меняет их понимание слова «невозможно».

Но главное, Он преображает способность Сарры доверяться Богу. Услышь она слова Иисуса о нищих духом, она бы засвидетельствовала: «Он прав. Я держала дело в своих руках — и получила головную боль. Передала Богу — и получила сына. Думайте сами. Мне известно только, что я первая женщина во всем городе, которая оплачивала услуги детского врача из своего пенсионного пособия».

* * *

Через две тысячи лет мы встречаем еще одно свидетельство²:

Меньше всего на свете в то утро меня тянуло ловить рыбу. Но именно этого захотел от нас Иисус. Мы забрасывали сети всю ночь. Руки болели. Глаза покраснели. Шею ломило. Все, чего мне хотелось, — пойти домой, чтобы жена растерла мне спину.

Ночь тянулась долго. Даже не знаю, сколько раз мы бросали сеть куда-то во тьму и слышали, как она шлепается в воду. Не знаю, сколько раз мы стравливали бечеву, опуская сеть на глубину. Всю ночь мы ждали этих рывков, этих толчков, которые подсказали бы нам, что пора вытаскивать улов... но так ничего и не дождались. К рассвету я готов был просто идти домой.

Сойдя на берег, я увидел толпу людей, направляющихся в нашу сторону. Они следовали за долговязым парнем, который шел враскачку, как моряк. Он окликнул меня по имени.

— Привет, Иисус! — отозвался я.

Хотя до него еще было с сотню ярдов, я разглядел его широкую улыбку.

— Ничего себе толпа, да? — крикнул он, показывая на идущую позади ораву.

Я кивнул и присел, чтобы посмотреть, что будет.

Остановившись у края воды, он начал говорить. Хотя я мало что слышал, я мог все видеть. Люди подходили еще и еще. Удивительно, как в этой толчее и давке Иисуса не опрокинули в воду. Уже стоя по колена в воде, он посмотрел на меня.

Я долго не раздумывал. Иисус залез в мою лодку, и мы с Иоанном вместе с ним. Мы немного оттолкнулись от берега. Я уселся на корме, а Иисус начал учить.

На берегу, кажется, собралось пол-Израиля. Мужчины оставили свою работу, женщины — свои домашние дела. Я даже узнал нескольких священников. Как они все слушали! Они почти не двигались, но глаза их жили своей жизнью, словно перед ними открывались какие-то новые возможности.

Когда Иисус договорил до конца, он повернулся ко мне. Я встал и начал вытаскивать якорь, но он сказал:

— Переберемся-ка на глубокое место, Петр. Давай порыбачим.

Я застонал. Оглянулся на Иоанна. Мы поняли друг друга без слов. Пока он только говорил с нашей лодки, все было в порядке. Но ловить на ней рыбу — это уже наше дело. Я принялся объяснять этому учителю из плотников, ты, мол, занимайся своими проповедями, а я — своей рыбной ловлей. Однако высказался повежливей:

— Мы ловили всю ночь. Не поймали ничего.

Он молча смотрел на меня. Я глянул на Иоанна. Иоанн ждал, как я решу...

Хотел бы я сказать, что согласился из любви. Хотел бы я сказать, что согласился из преданности. Но так сказать я не могу. Могу только сказать, что есть время сомневаться, а есть время помалкивать. И мы, не столько с молитвой, сколько с охами и ахами, взялись за весла.

Я греб и ворчал. Все время приговаривал: «Не выйдет. Не выйдет. Так не бывает. Может, я чего и не знаю, но уж рыбачить-то я умею. И все, с чем мы вернемся — так это с мокрыми сетями».

Шум на берегу отдалился от нас, и вскоре был слышен только плеск волн за кормой. Наконец, мы встали на якорь. Я поднял на грудь тяжеленную сеть и приготовился ее бросать. Тогда-то я краешком глаза и перехватил взгляд Иисуса. Увидев то, что читалось на его лице, я даже остановился.

Он перегнулся через борт, вглядываясь в воду в том месте, куда я собирался забросить сеть. И подумайте, он улыбался. На лице его гуляла мальчишеская улыбка, так что его круглые глаза превратились в два сияющих полумесяца — так улыбается пацан, когда дарит другу подарок и ждет, пока его развернут.

Он заметил, что я на него уставился, и попытался убрать с лица улыбку, но она никак не поддавалась. Она пряталась в уголках рта, пока все-таки снова не сверкнули зубы. Он приготовил мне подарок и никак не мог дождаться, когда я открою коробочку.

«Какое же его ждет разочарование!» — подумал я, забрасывая сеть. Она взлетела высоко, закрыв полнеба, потом плюхнулась на поверхность воды и

начала погружаться. Я обмотал бечеву вокруг запястья и уселся, приготовившись к долгому ожиданию.

Но ждать не пришлось. Провисшая бечева вдруг рывком натянулась, чуть не выдернув меня за борт. Упершись ногами в борт лодки, я стал звать подмогу. Иоанн и Иисус кинулись ко мне.

Мы вытащили сеть как раз перед тем, как она начала рваться. Никогда не видел такого богатого улова. Словно в лодку высыпали груды камней. Нас стало заливать волной. Иоанн крикнул рыбакам на второй лодке, чтобы пришли нам на помощь.

Вот это было зрелище: четыре рыбака в двух лодках, ногами по колена в рыбе, и один плотник сидит у нас на корме, наслаждаясь всей этой суматохой.

Тогда я понял, Кто Он. И тогда же я понял, кто я, — я один из тех, кто указывает Богу, что Он сможет сделать, а что не сможет!

— Оставь меня, Господи, я человек грешный, — больше мне нечего было сказать.

Не знаю, что Он во мне нашел, но Он меня не оставил. Может, Он подумал, что раз уж я не помешал Ему учить меня ловить рыбу, не помешаю Ему учить меня жить.

Подобные зрелища за следующую пару лет я видел много раз — на кладбищах с умершими, на холмах с проголодавшимися, в бушующем море с испугавшимися, на обочинах дорог с недужными. Участники менялись, но суть была все та же. Когда мы сказали бы: «Никто такого не сделает», Он говорил: «Я сделаю». Потом сомневавшиеся не знали, что делать со своим благословением. А Тот, Кто его дает, наслаждался сюрпризом.

* * *

«...Сила Моя совершается в немощи...»³

Бог произнес эти слова. Павел их записал. Бог сказал, что Его больше привлекают пустые сосуды, чем сильные мышцы. Павлом это доказано.

До встречи с Христом Павел был для фарисеев чем-то вроде героя. Можно сказать, это был их Уайт Эрп³. Он тоже охранял закон и порядок — вернее, чтит Закон и наводил порядок. Добропорядочные еврейские мамочки считали его образцом добропорядочного еврейского мальчика. Ему отводили почетное место на еженедельных ланчах иерусалимского «Клуба львов». На столе он держал сувениры от издания «Кто есть кто в иудаизме», а на выпускном курсе ему присудили звание «Мистер самый высокий шанс преуспеть в жизни». Он быстро утвердился в качестве наиболее вероятного преемника своего учителя Гамалиила.

Если существует такая вещь, как религиозное везение, у Павла оно было. То был духовный миллиардер, родившийся одной ногой на небесах, и он это знал:

...Хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена

³ Уайатт Эрп (1848-1929) — американский пионер, стрелок и страж порядка. — *Примеч. пер.*

Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению — фарисей, по ревности — гонитель Церкви Божией, по правде законной — непорочный⁴.

Этот юный фанатик с голубой кровью и неистовым взглядом был одержим идеей сохранить Царство в чистоте — что означало убереечь его от христиан. Он, словно главнокомандующий, маршем проходил по городам и весям, требуя, чтобы впавшие в ренегатство иудеи целовали флаг отчизны или навек распрощались со своими семьями и надеждами.

Однако всему этому пришел конец. На обочине большой дороги. Вооружившись кипой судебных повесток и наручниками, Павел в сопровождении народной милиции направлялся со своей короткой, но неоспоримой проповедью в Дамаск. И тут кто-то включил все юпитеры, а Павел услышал голос.

Когда он понял, Кому принадлежит этот голос, челюсть у него отвисла до земли, да и сам он не удержался на ногах. Он приготовился к худшему. Он понимал, что для него все кончено. Он уже почувствовал петлю у себя на шее. В нос ударил запах цветов его похоронного венка. Он молился, чтобы смерть была быстрой и безболезненной.

Но дождался он только молчания и начала новой, полной сюрпризов жизни.

Ошеломленный и растерянный, он опомнился в какой-то съемной комнате. Бог продержал его в ней несколько дней с такой густой пеленой на глазах, что разглядеть хоть что-то он мог лишь внутри себя. И то, что он видел, ему не нравилось.

Павел увидел себя таким, каким был в действительности, — по его собственным словам, худшим из грешников⁵. Законником. Убийцей всякой радости. Наглым хвастуном, заявлявшим, будто он овладел мерой Божьего суда. Раздатчиком справедливости, взвешивающим на своих весах дар спасения.

Тогда-то его и нашел Анания. Смотреть особенно было не на что — измученный и слабый после трех дней душевного смятения. Сара тоже не особенно хорошо выглядела, как и Петр. Но то, что у них троих было общего, рассказывает нам больше, чем целый том систематического богословия. Ведь когда все они сдались, пришел Бог, и в итоге они помчались, как на «американских горках», прямо в Царство.

Теперь Павел был на шаг впереди богатого юноши из начальствующих. Он понимал, что нельзя пытаться заключить сделку с Богом. Он не искал для себя оправданий — он просто молил о милосердии. В одиночестве той комнаты, с грехами на совести и с кровью на руках, он просил об очищении.

Наставление Анании Павлу стоит того, чтобы его прочитать: «Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса»⁶.

Павлу не нужно было говорить дважды. Законник Савл был похоронен, родился освободитель Павел. После этого он уже никогда не был прежним. Как не был прежним и мир.

Вдохновенные проповеди, преданные ученики и шесть тысяч миль путешествий. Когда его сандалии не взбивали пыль, занято было его перо. Когда он не разъяснял тайну благодати, он развивал богословие, предопределившее пути западной цивилизации.

Все его слова можно свести к одному высказыванию: «...мы проповедуем Христа распятого...»⁷ Дело не в том, чтобы ему не хватало других тем для проповедей — просто он не мог исчерпать эту.

Его вела сама абсурдность произошедшего. Иисус должен был бы покончить с ним на той дороге. Он должен был бы послать его в преисподнюю. Но Он этого не сделал. Он послал его к заблудшим.

Сам Павел называл это безумием. Да, он характеризовал это такими словами, как «соблазн» и «безумие», но в конечном счете назвал это «благодатью»⁸.

Свою неотступную верность он объяснял так: «...любовь Христова объемлет нас...»⁹

Павел не ходил на курсы миссионеров. Он никогда не сидел на собраниях комитетов. Не прочитал ни одной книги о развитии церкви. Он просто был вдохновлен Святым Духом и опьянен любовью, которая делает возможным невозможное — наше спасение.

Это заслуживающий всяческого внимания принцип: укажите человеку на его пороки, но без Иисуса, и вы найдете результат этого усилия в придорожной канаве. Дайте человеку религию без напоминания о его мерзости, и итогом будет заносчивость, наряженная в костюм-тройку. Но соедините то и другое в одном сердце — чтобы грех встретился со Спасителем и Спаситель встретился с грехом — и результатом может стать еще один фарисей, превратившийся в проповедника, который воспламенил мир.

* * *

Четыре человека: богатый юноша из начальствующих, Сарра, Петр и Павел. Любопытная нить связывает их воедино.

Последние трое получили новые имена: Сара стала Саррой, Симон — Петром, Савл — Павлом. И только первый, этот юный яппи, ни разу не упомянут по имени.

Возможно, это лучшее объяснение первой заповеди блаженства. Тот, кто сам себе делает имя, остается безымянным. Но тот, кто призывает имя Иисуса — и только Его имя, получит новое имя и, более того, новую жизнь.

Блаженны плачущие...

Глава 5 **УЗИЛИЩЕ ГОРДОСТИ**

Для бразильской тюремной камеры эта была не так уж плоха. На столе стоял вентилятор. На двух кроватях лежали тонкие матрасы и подушки. Имелись унитаз и раковина.

Нет, она была не слишком плоха. Нужно, правда, учесть, что я-то ведь мог в ней долго не засиживаться.

Не выпускали из нее Анибала. Это была его камера.

Этот человек был еще более странным, чем его имя. Якорь, вытатуированный на предплечье, мог бы символизировать его железный характер. Широкая грудь распирала рубашку. При легком движении рук бугрились бицепсы. Кожа лица по цвету и фактуре напоминала буйволиную. Взглядом он мог бы убить врага. А улыбкой — ослепить.

Сегодня, однако, взгляд потуплен, а улыбка скорее вымученная. Анибал уже не на улице, где был боссом, а в тюрьме, где он — арестант.

Он убил человека — «соседского панка», как охарактеризовал его Анибал, неугомонного подростка, продававшего уличным ребятишкам марихуану и своим длинным языком постоянно наживавшего себе неприятности. Однажды вечером язык у юного наркодилера опять развязался, и Анибал решил его укоротить. Выйдя из переполненного бара, где они повздорили, Анибал сходил домой, вынул из ящика стола пистолет и вернулся в бар. Встав в дверях, Анибал окликнул юнца. Едва тот успел обернуться, как получил пулю в сердце.

Анибал был виновен. И точка. Единственная надежда — если судья согласится, что Анибал оказал обществу услугу, избавив его от одной проблемы. До приговора оставался примерно месяц.

С Анибалом я познакомился через моего христианского собрата Даниэля. Анибал приходил поднимать тяжести в спортзал Даниэля. Даниэль дал Анибалу Библию и несколько раз навещал его. В этот раз Даниэль взял меня с собой, чтобы рассказать Анибалу об Иисусе.

Наша беседа шла на тему распятия. Мы поговорили о грехе. Мы поговорили о прощении. Взгляд убийцы потеплел при мысли о том, что Тот, Кто лучше всех его знает, больше всех его любит. Сердце его тронул разговор о небесах, о надежде, которую не отнимет у него никакая казнь.

Но когда речь пошла об обращении в веру, лицо Анибала стало мрачнеть. Он уже не тянул ко мне с интересом шею, а настороженно откинулся назад. Анибалу не понравились мои слова о том, что первый шаг к Богу — это признание своей вины. Ему плохо давались такие фразы, как «я виноват» и «простите меня». Извинения вообще были не в его характере. Он в жизни никому не уступал и не хотел делать это сейчас — даже если речь шла о Боге.

В последней попытке пробиться через его гордость я спросил:

— Так вы хотите попасть на небеса?

— Конечно, — буркнул он.

— А вы готовы?

Раньше он мог бы из гордости сказать, что готов, но теперь... Он уже услышал слишком много библейских истин. Он понимал, в чем для него загвоздка.

Он долго глядел в бетонный пол, размышляя. Я подумал было, что его каменное сердце смягчилось. Целую секунду мне казалось, что непоколебимый Анибал может впервые в жизни признать свою неправоту.

Но я ошибся. Поднятые навстречу моему взгляду глаза не были наполнены слезами — в них сквозило сердитое упрямство. Это были не глаза раскаявшегося блудного сына, а глаза озлобленного арестанта.

— Ладно, — пожал он плечами, — я стану одним из этих ваших христиан. Только не думайте, что теперь я буду жить по-другому.

Напрашивающийся ответ отдавал горечью.

— Вы ведь не можете оговаривать условия, — сказал я ему. — Это не контракт, который вы обсуждаете перед тем, как подписать. Это дар — совершенно незаслуженный дар! Но чтобы его получить, вы должны признать, что нуждаетесь в нем.

— Ладно. — Порывшись толстыми пальцами в своей шевелюре, он встал. — Но не ждите меня в церкви по воскресеньям.

Я вздохнул. Сколько еще жизнь должна бить его по голове, чтобы он попросил о помощи?

Глядя, как Анибал расхаживает от стены к стене в тесной камере, я понял, что подлинная его натура — не железобетон, а гордость. Он дважды в узах. Один раз из-за своего преступления, а второй раз — из-за своего упрямства. Один раз его приговорил закон его страны, а второй раз — он сам.

* * *

Узилище гордости. Для большинства из нас оно оказывается не таким осязаемым, как для Анибала, но в остальном мы с ним похожи. Так же упрямо поджаты губы. Подбородок вечно задран, и сердце такое же ожесточенное.

Узилище гордости наполнено самостоятельно пробивающимися в жизни людьми, которые полны решимости идти своим путем, даже если при этом плюхнутся в лужу.

Не имеет значения, что они делают, с кем они это делают, к чему все это приведет; главное — «будет по-моему».

Вы встречали таких узников. Вам знаком алкоголик, не желающий признавать проблему своего пристрастия. Вам знакома женщина, отвергающая саму мысль о том, чтобы обсудить с кем-то свои страхи. Вам знаком бизнесмен, наотрез отказывающийся от помощи, даже если его мечты пошли прахом.

Возможно, чтобы увидеть пример такого узника, вам достаточно посмотреть в зеркало.

«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен...»¹ Не может ли величайшим словом в Писании оказаться это короткое «если»? Ведь именно от исповедания греха — признания своей вины — отказываются узники гордости.

Вы слышали эту присказку:

«Да, я не подарок, но я лучше, чем Гитлер, и уж всяко лучше Иди Амина!»

«Я грешен? Да, конечно, я частенько могу что-нибудь отчебучить, но я же свой парень».

«Послушайте, я ничем не хуже других. Я плачу налоги. Я тренер в детской бейсбольной лиге. Я даже жертвую для Красного Креста. Да Бог, наверное, гордится, что я у Него в команде».

Оправдания. Отговорки. Сравнения. Все эти зэковские штучки. Это звучит хорошо. Привычно. Даже как-то очень по-американски. Но в Его Царстве это звучит фальшиво.

«Блаженны плачущие...»

Плач о своей греховности — это естественное проявление нищеты духа. Второе блаженство должно следовать за первым. Но так бывает не всегда. Многие отрицают свои недостатки. Многие знают, что они плохие, но притворяются хорошими. В итоге они так и не знают, какова на вкус печаль раскаяния.

Из всех путей к радости этот, должно быть, самый странный. Истинное блаженство, говорит Иисус, начинается с глубочайшей печали.

«Благословенны те, кто знает, что их дело плохо, и кому хватает духу признать это»².

* * *

Радость сквозь слезы? Все права благодаря отказу от них? Освобождение благодаря признанию вины?

Хотите пример? Извольте.

Он был как нитроглицерин. Неосторожно тронешь — взорвется. На жизнь он зарабатывал своими руками, а на орехи — своим распущенным языком. В каком-то отношении у него было много общего с Анибалом. Если бы он сделал себе татуировку, это был бы огромный черный якорь на предплечье. А если бы тогда существовали наклейки на бамперы, он бы выбрал: «Это я еду нормально, а не ты».

Среди галилейских рыбаков он был видным мужчиной. Родственники звали его Симоном, учитель назвал «Камнем». А вам он известен под именем Петр.

И хотя он, может быть, плохо разбирался в искусстве самоконтроля, он хорошо знал, как рыбачить на Галилейском море. Не такой он был дурак, чтобы рыбачить в шторм...

И в эту ночь Петр понимал, что дела совсем плохи.

Ветер свистал по Галилейскому морю, как пикирующий на добычу ястреб. Зигзаги молний пронзали черное небо. Облака сотрясались раскатами грома. Дождь сначала накрапывал, потом лил, а под конец ливень сек палубу рыбацкой лодки так, что все промокли и дрожали от холода. Трехметровые волны вздымали лодку и снова бросали ее вниз с ошеломляющей силой.

Эти промокшие люди не выглядели как синклит апостолов, которые в следующие десять лет навсегда преобразят мир. Они не выглядели той ратью, которая дойдет до самого края земли и изменит ход истории. Они не выглядели как компания первопроходцев, которые вскоре перевернут мир. Нет, они больше были похожи на горсточку дрожащих рыбаков, боящихся, что следующая волна станет для них последней.

И вы можете быть уверены в одном. Самые большие глаза были у обладателя самых больших бицепсов — у Петра. Он навидался таких бурь. Он видел кораблекрушения и прибитые к берегу тела утопленников. Он знал, на что способно неистовство ветра и волн. И он понимал, что такое время — совсем не подходящее, чтобы делать себе имя. Время призывать имя Божье.

Именно поэтому, увидев Иисуса, шедшего по волнам к лодке, он первый воззвал: «Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде»³.

Знаете, иногда говорят, что это была просто проверка с целью установления личности. Петру, мол, нужны были доказательства, что перед ним в самом деле Иисус, а не кто-то еще — мало ли кому вздумается среди ночи разгуливать по волнам бушующего моря (сами понимаете, предосторожности лишними не бывают).

То есть Петр сверился со своими записями, сдвинул очки на лоб, откашлялся и, как заправский юрист, задал юридически грамотный вопрос: «Господин Иисус, а не затруднит ли вас продемонстрировать нам Свое могущество и доказать Свою божественную природу, позволив мне подойти к вам по воде? Я был бы вам крайне признателен».

Меня это не убеждает. Не думаю, что Петру нужны были такие выяснения, — по-моему, ему просто хотелось уцелеть. Он ясно сознавал два факта: лодка тонет, а Иисус держится на воде. И ему не понадобилось долго размышлять, чтобы решить, где ему лучше очутиться.

Возможно, лучшим толкованием его слов было бы такое: «Го-о-споди Иисусе! Если это Ты, так вытащи меня отсюда!»

«Иди», — последовало приглашение.

И Петр не нуждался в повторении. Не каждый день расхаживаешь по воде среди волн выше твоего роста. Но, поставленный перед выбором — верная смерть или возможность выжить, Петр понял, что больше ему ничего не остается.

Первые несколько шагов прошли на «ура». Но еще через пару метров Петр забыл, что смотреть-то нужно на Того, Кто, собственно, и держит его на воде, так что он начал тонуть.

И в этот момент мы видим главное отличие Петра от Анибала — отличие человека, признающего свои проблемы, от человека, их отрицающего.

Анибал больше озабочен тем, чтобы сохранить лицо, а не голову на плечах. Он предпочел бы утонуть, только бы никто не услышал, что он взывает о помощи. Он лучше погибнет на своих путях, чем спасется на путях Божьих.

Петр же, напротив, не так глуп, чтобы смотреть дареному коню в зубы. И он не пес, чтобы кусать руку Дающего. Может быть, его поведению не хватает гламурности — не попасть ему на глянцевую обложку «Gentleman's Quarterly» и даже «Sports Illustrated» — зато он будет спасен.

«Господи! спаси меня!»

И поскольку Петр предпочитает проглотить собственную гордость, а не пару ведер воды, сквозь бурю протягивается спасающая его десница.

Суть ясна.

Пока Иисус остается лишь одной из многих возможностей, никаких возможностей у вас нет. Пока вы можете тащить свое бремя в одиночку, вам не нужен

Тот, Кто его понесет. Пока ваша жизнь не доведет вас до слез, вы не получите утешения. И пока вы можете прийти к Нему или уйти от Него, для вас это все равно, что уйти, ибо к Нему нельзя прийти наполовину.

Но когда вы плачете, когда вы скорбите о своих грехах, когда вы признаете, что нет у вас другого выбора, кроме как возложить все свои печали на Него, и когда действительно не останется другого имени, которое вы сможете призывать, — тогда возложите все ваши печали на Него, ибо Он ждет вас посреди бури.

...Ибо они утешатся.

Глава 6 **НЕЖНОЕ КАСАНИЕ**

Побыть родителем бывает важнее, чем прослушать курс богословия.

Вчера два десятилетних оболтуса подошли в автобусе к моей пятилетней дочери, грозно глянули на нее и велели оттуда уматывать.

Когда я пришел с работы, дочка мне все рассказала.

— Мне хотелось заплакать, но я не заплакала. Я просто сидела на месте, только очень испугалась.

Первым моим побуждением было узнать имена мальчишек, пойти и настучать их отцам по носу. Но я поступил иначе. Я сделал кое-что поважнее. Я посадил мою малышку к себе на колени, дал ей утонуть в моих объятьях и стал уговаривать ее не волноваться из-за этих переростков, потому что папа ведь здесь и уж он-то позаботится о том, чтобы любой дурак, который хоть пальцем тронет его принцессу, тут же понял, что сам себя наказал. Вот так-то.

И для Дженны этого было достаточно. Она спрыгнула с моих колен и побежала играть на улицу.

Через несколько минут она вернулась вся в слезах. На локте у нее была ссадина.

Подхватив ее на руки, я отнес ее в ванную на медицинские процедуры. Она старалась рассказать мне, что случилось.

— Я... хны-хны... закружила... хны-хны... как вертолет... хны-хны... а потом упа-а-а-а-ла...

— Ничего, скоро заживет, — сказал я, усадив ее на стул.

— Ты дашь мне лейкопластырь?

— Конечно.

— Большой?

— Самый большой.

— Правда?

Я наклеил ей на ссадину лейкопластырь и поднял ее локоть к зеркалу, чтобы она увидела свою «нашивку за ранение».

— Здорово. Можно, я к маме пойду?

— Еще бы, — улыбнулся я.

И для Дженны этого было достаточно.

— Папа...

Голос пришел из другого мира — мира бодрствования. Я его проигнорировал, оставшись в мире снов.

* * *

— Папа, — голос был настойчивым.

Я открыл один глаз. Андреа, наша трехлетняя дочь, стояла у края кровати в каких-то сантиметрах от моего лица.

— Папа, я боюсь.

Я открыл второй глаз. Три часа ночи.

— Что случилось?

— Мне нужен фонарик в спальню.

— Что-что?

— Мне нужен фонарик в спальню.

— Зачем?

— Там темно.

Я сказал ей, что свет включен. Я сказал, что у нее в спальне зажжен ночник и в коридоре горит свет.

— Но, папа, — возразила она, — а если я открою глаза и ничего не увижу?

— Повтори-ка.

— А если я открою глаза и ничего не увижу?

Только я начал говорить ей, что сейчас не лучшее время для философских вопросов, как меня прервала моя жена Деналин. Она объяснила мне, что около полуночи было отключение электричества, так что бедная Андреа проснулась в кромешной тьме. Ночник не горит. Света в коридоре нет. Она открыла глаза и ничего не увидела. Только тьму.

Даже самое суровое сердце смягчилось бы при мысли о ребенке, который просыпается в темноте, такой густой, что даже не найти выход из спальни.

Я встал, подхватил Андреа на руки, взял в кладовке фонарик и отнес дочку в ее кроватку. По пути я все время говорил ей, что мама с папой здесь и бояться ей нечего. Я обнял ее и поцеловал на ночь.

И для Андреа этого было достаточно.

* * *

Моя дочь обижена. Я рассказываю ей, какая она замечательная. Моя дочь поранилась. Я делаю все необходимое, чтобы помочь ей.

Моя дочь испугалась. Я не усну, пока ее не успокою.

Я не герой. Я не супермен. Я не какой-то особенный отец. Я просто отец. Если ребенку плохо, отец делает самое естественное, что может сделать. Отец ему помогает.

И за эту помощь я не взимаю плату Я не прошу об ответных услугах. Когда моя дочь плачет, я не велю ей взять себя в руки, перестать хныкать и крепче стиснуть зубы. И я не лезу в свой кондуит, чтобы упрекнуть ее, почему она опять разбила тот же самый локоть или разбудила меня в три часа ночи.

Я не гений, но и не надо быть гением, чтобы помнить, что ребенок — не взрослый. Нет необходимости быть дипломированным психологом, чтобы понимать, что ребенок находится в «процессе становления». Не нужна мудрость Соломона, чтобы сознавать, что дети вообще-то не просили нас производить их на свет и что разлитое молоко можно вытереть, а разбитые тарелки — заменить другими.

Я не пророк и не из сынов пророческих, но что-то мне подсказывает, что по большому счету описанные мной проявления заботы несравненно важнее, нежели все, что я делаю за своим компьютером или за своей церковной кафедрой. Что-то мне подсказывает, что все хлопоты, которых требуют от меня мои дети, — ничтожно малая цена за счастье однажды увидеть, как моя дочь делает для своей дочери все то, что ее отец когда-то сделал для нее.

Нежная отцовская забота. Как отец могу вас уверить, что для меня это самые счастливые минуты за день. Проявлять такую заботу — естественно. Проявлять ее — просто. Проявлять ее — приятно.

И коль скоро все это так, коль скоро я знаю, что одна из радостей отцовства — утешать своего ребенка, то почему же я с такой неохотой даю моему Небесному Отцу заботиться обо мне?

Почему я думаю, что Он не захочет выслушивать мои жалобы («Все это так ничтожно по сравнению с голодающими в Индии»)?

С чего я взял, что Ему не до меня («Ему нужно заботиться обо всем мироздании»)?

Почему я решил, что Он устал слушать от меня все ту же чепуху?

Почему я боюсь, что Он тяжело вздыхает при моем приближении?

С чего я взял, что Он, когда я прошу о прощении, смотрит в кондуит и сурово спрашивает: «Не кажется ли тебе, что ты уже злоупотребляешь Моим терпением?»

Почему я думаю, что должен говорить с Ним на каком-то особом языке, на котором больше ни с кем не говорю?

Почему я думаю, что Он в мгновение ока не накажет отца лжи так же, как я хотел наказать отцов тех обидчиков из автобуса?

Считаю ли я, что Он просто был в поэтическом настроении, когда спрашивал меня, заботятся ли о чем-то небесные птицы и полевые лилии («Никак нет, сэр»)? А коль скоро они не заботятся, с чего я взял, что я должен делать это («Дык ведь...»)?¹

Почему я не воспринимаю Его всерьез, когда Он спрашивает: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»?²

Почему я не даю моему Отцу сделать для меня то, что сам всегда готов сделать для своих детей?

Я, впрочем, учусь. Побывать родителем бывает важнее, чем прослушать курс богословия. Как родитель, я учусь понимать, что в те дни, когда меня критикуют,

когда мне плохо, когда я в ужасе, рядом есть Отец, готовый меня утешить. Есть Отец, Который меня поддержит, пока мне не станет лучше. Поможет мне, пока я не научусь жить со своей болью. И Который не уснет, если я вдруг испугаюсь, что после пробуждения увижу только тьму.

Он всегда есть.

И этого достаточно.

Блаженны кроткие...

Глава 7 **ПРОСЛАВЛЕННОЕ В ОБЫДЕННОМ**

Есть слово, описывающее ночь, в которую Он пришел, — «обычная».

Небо было самым обычным. Случайный порыв ветра ерошил листву и нагонял волну холода. Звезды бриллиантами сверкали на черном бархате небосвода. Флотилии облаков проплывали, загораживая луну.

Это была красивая ночь — стоящая того, чтобы полюбоваться на нее из окна спальни — но, в сущности, ничем особенно не выделяющаяся. Никаких причин для восторгов. Ничего, что могло бы лишить кого-то сна. Обычная ночь и привычное небо.

Овцы были самые обычные. Одни пожирнее. Другие тощие. У одних брюхо бочкой. У других ноги кривые. Обычные животные. Без золотого руна. Полный ноль для истории. Никаких медалей чемпионов породы. Просто овцы как овцы — бесформенные сонные силуэты на склоне холма.

И пастухи. Деревенщина деревенщиной. У таких, наверное, и одежды-то другой нет, кроме той, что на них. Сами пахнут, как овцы, и такие же заросшие.

Они добросовестно собирались провести всю ночь со своими стадами. Но их посохи не найдешь в музеях, а их мемуары — в библиотеках. Никто не консультировался с ними по вопросам социальной политики или толкования Торы. Безымянные и безвестные.

Обыкновенная ночь с банальными овцами и заурядными пастухами. И если бы не Бог, так любящий ставить знак высшей пробы на самом простом, она бы прошла незаметно для всех. О тех овцах все позабыли бы, а пастухи спокойно подрыхли бы ночь напролет.

Но Бог приглашает нас на танец среди всего самого обыденного. И в тот раз этим танцем стал вальс.

Темное небо озарилось сиянием. Неясные кроны деревьев отчетливо высветились. Безмолвные прежде овцы дружно исполнили ораторию удивленного ожидания. Беспробудно спавшие пастухи протерли глаза и посмотрели в лицо пришельца.

Ночь больше не была обыкновенной.

Ангел Божий сошел ночью, потому что в это время свет заметней всего и больше всего нужен. Бог сошел в обыденность по той же самой причине.

Самые могущественные Его средства одновременно и самые простые.

* * *

Вспомним о посохе Моисея¹. В эту пору своей жизни Моисей пробыл пастухом столь же долго, сколько пробыл царевичем, и начал уже ко всему привыкать. Пасти овец не так интересно, как жить при дворе царя Египта, но и здесь встречаются свои особенные минуты. В частности, та минута, когда Бог заговорил с ним из куста, горящего огнем, но не сгорающего. Бог объявил, что хочет, чтобы Моисей избавил израильтян от египетского рабства. Моисей не был уверен, что он — самый подходящий человек для такого дела. Бог сказал, что здесь не имеет значения, каков сам Моисей, главное — какой у него Бог. И Бог начал это показывать.

— Моисей, — воззвал голос из куста, — брось на землю свой посох.

Моисею, который ходил по горам уже сорок лет, такая перспектива не слишком понравилась.

— Боже, Ты, конечно, знаешь все обо всем, но, может быть, Ты забыл, что тут у нас, ну... особенно-то не походишь, если бросишь свой посох на землю. Никогда ведь не угадаешь...

— Брось его, Моисей.

Моисей бросил посох на землю. Посох превратился в змею, и Моисей кинулся бежать.

— Моисей!

Старый пастух остановился.

— Подними змею.

Моисей поглядел через плечо, сначала на змею, потом на куст, и решился на самый дерзкий ответ, какой только смог придумать:

— Что-что?

— Подними змею... за хвост. (Наверняка в этот момент Бог улыбался.)

— Боже, я ведь и не думаю спорить. Я только хочу сказать, что Ты, конечно, знаешь все обо всем, но мы тут у себя в пустыне, ну... не слишком часто поднимаем с земли змей, а за хвост их вообще никогда не поднимаем.

— Моисей!

— Есть, сэр.

Едва рука Моисея коснулась извивающегося хвоста, как змея окаменела. И Моисей поднял свой посох. Тот же посох он будет поднимать во дворце фараона. Тот же посох он будет поднимать, чтобы разделить воды Чермного моря и повести два миллиона человек через пустыню. Этот посох будет напоминать Моисею, что Бог, коль скоро Он силен превратить палку в змею, а ту — обратно в палку, наверное, может что-то сделать и для Своего народа, упорного и жестокого.

Может преобразить обыденное.

* * *

Или вспомним еще об одном пастухе из Вифлеема².

Есть некоторые вещи, про которые все знают, что проделывать их нельзя. Ты ведь не гоняешься за смерчем, чтобы заарканить его. Не пугаешь льва зубочисткой. Не плюешь против ветра. Не идешь на медведя с пугачом. И не посылаешь пастушка на битву с великаном.

Точнее, не посылаешь, если у тебя есть выбор. У Саула выбора уже не было. Именно когда у нас не остается выбора, мы больше всего открыты для того, чтобы изумляться Божьим чудесам.

Как же изумился Саул!

Царь пробовал вручить Давиду какое-то вооружение:

— Что тебе понадобится, паренек? Щит? Меч? Гранаты? Пулемет? Вертолет? Щас мы сделаем из тебя Рэмбо!

У Давида же на уме было другое. Пять круглых камней и обычная праща из кожаного ремня.

Воины охнули. Саул только вздохнул. Голиаф нагло рассмеялся.

Давид раскрутил пращу. И Бог свершил Свое дело. Всякий, кто недооценивает, что Бог властен сделать из самого обыденного, получит камень в лоб.

* * *

А тот слепец, которого увидели Иисус и Его ученики?³

Следующие за Иисусом подумали, что этот несчастный — удачная тема для богословского исследования.

— Как по-вашему, почему он слеп? — спросил один.

— Должно быть, он согрешил, — откликнулся другой.

— Нет, не он сам, а его родители.

— Иисус, как Ты думаешь, почему он слеп?

— Он слеп, чтобы показать, что может сделать Бог.

Апостолы понимали, что происходит, они уже видели у Иисуса такой взгляд. Они догадались, что Он намерен сделать, но пока не понимали, как именно Он это сделает. «Молния? Гром? Заклинание? Хлопок в ладоши?» Они с интересом наблюдали.

Иисус немножко пожевал губами. Зрители не отрывали глаз. «Что Он делает?» Челюсти двигались, как будто Иисус что-то пережевывал.

Кое-кто поглядывал уже с нетерпением. Иисус просто жевал. Работал челюстями, пока не получил то, что нужно. Слюну. Он просто плюнул.

Если никто и не сказал этого, то уж наверняка кто-то подумал: «Ха-ха».

Сплюнув на землю, Иисус опустил палец в лужицу и стал перемешивать слюну с грязью. Вскоре получился куличик, который Иисус и размазал по глазам слепого.

Тот же Бог, что превратил палку в жезл власти, а гальку — в смертоносный снаряд, теперь сотворил из слюны и пыли целительный бальзам для слепца.

И снова обыденное стало величественным. Снова заурядное стало божественным, банальное — святым. Снова могущество Божье проявилось не в уникальности орудия, а в его обыденности.

«Блаженны кроткие», — объяснил Иисус. Благословенно все обыденное. Благословенны эти каналы, эти русла, эти орудия. Упоительно блаженны те, кто верует, что Бог, коль скоро Он может пользоваться для исполнения Своей воли палками, камнями и слюной, может употребить в качестве Своих орудий и нас.

Нам стоило бы кое-чему поучиться у таких орудий, как палки, камни и слюна. Они не жаловались. Они не сомневались в мудрости Бога. Они не предлагали альтернативные варианты. Может быть, причина, по которой наш Отец так часто использовал для Своих целей неодушевленные объекты, в том и состояла, что они не пытались учить Его, что Ему нужно делать!

Это напоминает анекдот об одном парикмахере, который занялся живописью. На вопрос, почему он сменил профессию, бывший парикмахер ответил: «Холст не указывает мне, что сделать, чтобы он хорошо выглядел».

Так и кроткие.

Именно поэтому весть первой пришла к пастухам. Они не спрашивали Бога, уверен ли Он в том, что все делает правильно. Если бы ангел сначала явился богословам, они бы первым делом зарылись в свои книги с истолкованиями. Если бы он пришел к людям знаменитым, те прежде всего убедились бы, что попадут в вечерний выпуск новостей. Если бы он обратился к людям преуспевающим, они бы предварительно пролистали свои ежедневники.

И он пошел к пастухам. К людям, которым не надо было заботиться о своей репутации, блистать перед публикой и карабкаться по всяким там лестницам. К людям настолько необразованным, что они даже не указали Богу, что хор ангелов не должен выступать перед овцами и что имидж Мессии не позволяет Ему лежать в яслях для скота завернутым в какие-то тряпки.

* * *

Маленькая церковь на окраине Вифлеема стоит в предполагаемом месте рождения Иисуса. Внутри за высоким алтарем находится небольшая пещера, освещаемая серебряными лампадами.

Вы можете, войдя в основное здание, восхищаться интерьерами древней церкви. Вы также можете попасть в тихую пещеру, где мозаикой звезд на полу отмечено место рождения Царя. В последнем случае, правда, есть одно ограничение. Вы будете вынуждены нагнуться. Эта дверь такая низкая, что с гордо поднятой головой в нее не войти.

То же самое можно сказать о приходе ко Христу. Вы можете глядеть на мир с гордо поднятой головой, но чтобы приблизиться к Спасителю, нужно встать на колени.

Итак...

пока богословы дремали,
и знаменитости спали,
пока бизнесмены зевали,
кроткие на колени встали.

Они встали на колени перед Тем, к Кому придут только кроткие. Они встали на колени перед Иисусом.

...Ибо они наследуют землю.

Глава 8 **ПОХИТИТЕЛЬ РАДОСТИ**

Он был профессиональным грабителем. Его имя нагоняло страх, как ветер пустыни гонит перекасти-поле. Тринадцать лет он терроризировал почтовую линию «Уэллс-Фарго», подобно торнадо проносясь по предгорьям хребта Сьерра-Невада и приводя в ужас самых закаленных жителей фронтир⁴. В журналах от Сан-Франциско до Нью-Йорка его имя стало нарицательным обозначением опасностей жизни на приграничной территории.

В расцвет эпохи его террора, с 1875 года по 1883 год, он лишил перевозимых почтой ценностей и остатков личного мужества экипажи двадцати девяти почтовых фургонов. Причем сделал все это без единого выстрела.

Его оружием была репутация. Его броней — распространяемый вокруг страх.

Лицо его скрывалось под капюшоном. Никому из жертв ограблений не удалось его увидеть. Ни один художник не нарисовал даже приблизительный его портрет. Ни один шериф не смог его выследить. Он никогда ни в кого не стрелял и никогда не брал заложников.

⁴ Фронтир — новые земли на западе США. — *Примеч. ред.*

Ему это было ни к чему. Одного его вида было достаточно, чтобы парализовать любого.

Черный Барт. Бандит в капюшоне, владеющий смертоносным оружием.

Он напоминает мне о другом грабителе — о том, который все еще рядом с нами. Вы его знаете. Его лица вы, впрочем, тоже никогда не видели. Вы не смогли бы рассказать, какой у него голос, хоть как-то описать его. Но когда он рядом, вы сразу это чувствуете.

Если вы когда-нибудь были в больнице, вы кожей чувствовали его прикосновения.

Если вам когда-либо казалось, что вас преследуют, вам знакомы эти леденящие дуновения в затылок.

Если вы просыпались ночью, не понимая, где вы и что с вами происходит, это его хриплый шепот лишил вас сна.

Вы его знаете.

Именно этот бандит заставил ваши ладони вспотеть, когда вы пришли на собеседование.

Именно этот жулик убедил вас поступиться честностью ради славы.

Именно этот негодяй нашептывал вам в ухо у выхода с кладбища: «Ты будешь следующим».

Это Черный Барт вашей души. Ему не нужны ваши деньги. Ему ни к чему ваши драгоценности. Он не собирается угонять вашу машину. Его влечет нечто гораздо более ценное. Он хочет лишить вас безмятежности, лишить вас вашей радости.

Как его зовут?

Страх.

Его цель — лишить вас мужества, сделать робким и пугливым.

Его *modus operandi*⁵ — изводить вас неизвестностью и манипулировать вами, нагнав таинственности. Страх смерти, боязнь беды, страх перед Богом, страх перед завтрашним днем — арсенал его обширен. Зачем ему это? Чтобы душа ваша стала трусливой и безрадостной.

Он не хочет, чтобы вы поднялись вверх. Он воображает, что вы, если у него получится достаточно вас запугать, отведете свой взор от вершины и будете довольствоваться тусклым существованием внизу.

* * *

В одной индийской легенде рассказывается о мыши, которая ужасно боялась кошки, пока добрый волшебник не превратил ее саму в кошку. Тогда она перестала бояться... пока не встретила собаку, так что волшебник превратил ее в собаку. Собака, созданная из кошки, созданной из мыши, была всем довольна, пока не встретила тигра — и волшебнику опять пришлось превратить ее в то животное, которое наводило на нее страх. Но когда тигр пришел плакаться, что видел охотника... волшебник отказался ему помогать:

— Превращу-ка я тебя обратно в мышь, ведь даже в теле тигра у тебя осталось мышье сердце.

⁵ *Modus operandi* (лат.) — способ действия. — *Примеч. пер.*

Что, звучит знакомо? Вы ведь знаете людей, напускающих на себя внушительный вид, под которым скрывается дрожь ужаса? Мы гоним прочь свою тревогу, прикидываясь тиграми. Мы противопоставляем страху силу. Военная мощь, системы безопасности, защитные меры — все это выражение нашей убежденности в том, что наращивание мускулов оградит нас от угроз.

Если мы и не прибегаем к силе, то применяем другие методы. Мы накапливаем богатство. Мы защищаемся своим имуществом. Мы стремимся приобрести известность и упрочить свой статус.

Но действенны ли такие способы? Могут ли власть, имущество, слава на самом деле избавить нас от наших страхов?

Если бы власть была на это способна, то Иосиф Сталин стал бы бесстрашным человеком. Но ведь прославленный русский вождь боялся даже лечь спать. У него было семь спален в разных местах. Каждая закрывалась так же надежно, как сейф. Чтобы сбить со следа потенциальных убийц, Сталин каждый раз устраивался на ночлег в другой спальне. Пять правительственных лимузинов требовалось для перевозки его из резиденции в резиденцию, и в каждом окне были плотно занавешены, чтобы никто не догадался, в каком из них сидит Сталин. Глубоко внутри его терзал настолько сильный страх, что он завел специально обученного человека, единственной задачей которого было осматривать и охранять его коробку с чаем для заваривания¹.

Если бы богатство побеждало страх, бесстрашным оказался бы покойный миллиардер Говард Хьюз. Но вам, наверное, известна его история. Недоверие к людям и параноидальный страх перед микробами завели миллиардера в Мексику, где он умер монстроподобным отшельником, с клочковатой бородой до пояса и с ногтями, закручивающимися жутковатыми штопорами².

А что же слава? Слава Джона Леннона из «Битлз» в качестве музыканта, автора песен и кумира молодежи сделала его притчей во языцех, но его фобии сделали его просто несчастным человеком. Биографы Леннона описывают его как вечно испуганного человека, боящегося спать без света и приходящего в ужас при мысли о прикосновении к чему-то нестерильному³.

Хотя Сталин, Хьюз и Леннон — особые случаи, они весьма показательны. «Ведь даже в теле тигра у тебя осталось мышинное сердце...»

Сравним эти факты из их жизни с историей малоизвестного, но отважного молодого человека по имени Пол Китинг. Холодной февральской ночью 1980 года двадцатисемилетний Китинг шел домой по улице в Гринвич-Виллидже (район Нью-Йорка на о. Манхэттен), когда увидел двух вооруженных грабителей, напавших на студента. Китинг, популярный фотограф журнала «Time», человек мягкий, имел все основания не ввязываться в неприятности. Студента этого он не знал. Никто и не подозревал, что он стал свидетелем преступления. Силы были неравны. Китинг ничего не приобретал и мог слишком многое потерять, рискнув вмешаться, и все же он бросился на грабителей. Студент в суматохе улизнул и забежал в ближайшую лавку, чтобы вызвать полицию. Через несколько секунд в ночи прогремели два выстрела, и грабители исчезли. Пол Китинг остался лежать на тротуаре. Он был мертв.

Город Нью-Йорк посмертно наградила его медалью за героизм. Думаю, вы согласитесь с тем, что сказал на церемонии прощания мэр Эдвард Коч: «Никто не видел, что Пол Китинг шел той ночью по улице. Никто не заставлял его шагнуть навстречу опасности. Он поступил так потому, что по-другому поступить просто не мог»⁴.

Верно сказано.

Смелость — это следствие того, кто мы есть. Внешняя поддержка может на время ободрить нас, но смелость рождается только изнутри, от силы характера.

Именно такой внутренней убежденности учит нас Иисус в заповедях блаженства. И помните, глава 5 Евангелия от Матфея — это не набор пословиц, не ряд отдельных изречений, а последовательное, шаг за шагом, изложение процесса преобразования сердца верующего Богом.

Первый наш шаг — попросить о помощи, стать «нищими духом» и признать нашу нужду в Спасителе.

Следующий шаг — скорбь, «блаженны плачущие». Плачущие — это те, кто сознает свою греховность и кается в ней. Никаких оправданий. Никаких отговорок. Только слезы.

Первые два шага суть признание своего несовершенства и раскаяние в гордости. Дальше начинается духовное возрождение: «Блаженны кроткие...» Осознание своей слабости приводит к источнику силы — к Богу. Возрождение начинается, когда мы становимся кроткими — препоручаем свою жизнь Богу, чтобы сделаться орудием в Его руках.

Первые две заповеди блаженства проводят нас через очистительное пламя, третья отдает в руки Наставника.

Каков итог? Смелость — «...они наследуют землю». Земля с ее страхами больше не властвует над нами, ибо мы следуем за Тем, Кто властвует над землей.

* * *

Хотелось бы вам иметь побольше смелости? Вы чаще отступаете, чем идете навстречу опасности? Если так, пусть Наставник снова проведет вас к вершине. Дайте ему напомнить вам, почему Он учит вас: «Не бойтесь». Вспомним о том случае, когда Иисус избавил Своих учеников от нервной дрожи, и посмотрим, не помогут ли Его слова и нам⁵.

Нам нужно помнить, что ученики были обычными людьми, взявшимися за грандиозную задачу. Прежде чем апостолы стали святыми в витражах кафедральных соборов, они были просто чьими-то соседями, старающимися зарабатывать себе на жизнь, кормить семью. Они не родились в сутанах и не были вскормлены сверхъестественной духовной пищей. И все же у них оказалось на крупицу больше преданности, чем страха, почему они и совершали невероятное.

Однако они бы ничего не совершили, если бы не научились противостоять своим страхам. Иисус знал об этом. И обратился к ним со вселяющими мужество словами.

Учеников посылают в самостоятельные странствия. Какое-то время они будут ходить по городам и делать все то же самое, что Иисус, но без Него. Иисус собрал их, чтобы дать Своё напутствие. Наверное, ученики выглядели не слишком уверенно, у

них ведь были причины тревожиться. То, что Иисус говорил им, заставило бы тревожно забиться самое отважное сердце.

Сначала Иисус сказал им, чтобы они не брали с собой денег и смену одежды.

— Идти без денег?

Потом Он объяснил, что посылает их «как овец среди волков».

— Э-э... что это значит, Иисус?

Ответ Его не был успокаивающим. Он сказал, что их будут вести в судилища («о-ох»), бичевать («ого»), заключать в темницы («о, нет»).

Все станет очень плохо перед тем, как придет лучшее.

Иисус продолжает рассказывать, какое воздействие их миссия произведет на людей: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется»⁶.

Кто-то потупил взор. У кого-то глаза расширились до предела. Кто-то с трудом сглотнул комок. Переступают с ноги на ногу. Потирают лоб. И хотя никто этого не сказал, понятно, что кое-кто подумал: «Не поздно ли еще от всего отказаться?»

Такова была обстановка в то время, когда Иисус проповедовал смелость. Три раза в отрывке из пяти стихов⁷ Он говорит «не бойтесь». Прочтите эти слова и вникните в Его призыв к смелости и соответствующие обоснования. Посмотрите сами, почему вам сегодня ночью можно спать спокойно: «Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано»⁸.

На первый взгляд эти слова кажутся скорее достаточной причиной для того, чтобы запаниковать, а не успокоиться. Кто из нас хотел бы, чтобы его тайные мысли стали явными? Кто мечтал бы, чтобы открылись его тщательно скрываемые грехи? Кто обрадовался бы мысли о том, что любое его несправедное дело станет известно всем и каждому?

Вы правы, никому бы это не понравилось. Но нам снова и снова говорится, что *так и будет*:

И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет.

...Он открывает глубокое и сокровенное, знает, что во мраке, и свет обитает с Ним.

Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда...

Ты положил беззакония наши пред Тобою и тайное наше пред светом лица Твоего.

...Господь, Который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения...⁹

Мысль о раскрытии моих тайн вызывает у меня такие чувства, как смятение, унижение, стыд. Из всего содеянного мной есть и такое, что лучше бы никто об этом не узнал. Среди моих мыслей встречались и такие, что я ни за что не хотел бы, чтобы кто-то их услышал. Так почему же Иисус указывает на тот день, когда все раскроется,

в качестве причины *не бояться*? Как я могу черпать силы в том, что принесет мне мучения?

Ответ можно найти в Рим. 2:16. Со вздохом облегчения прочтите последние три слова этого стиха: «...в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа».

Понимаете? Иисус — та завеса, через которую смотрит Бог, когда судит наши грехи. Прочтем еще подборку цитат, и задумаемся над тем, что нам обещано:

Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу...

...Явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.

...И во всем... оправдывается Им всякий верующий.

...Потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более.

Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге¹⁰.

Коль скоро ты — во Христе, такие обетования становятся не только источником радости. Они также дают основу для подлинной смелости. Ведь ты точно знаешь, что жертвой Иисуса твои грехи будут отброшены, будут покрыты и отменены. Глядя на тебя, Бог видит не тебя; Он видит Того, в Кого ты облекся. Твоя победа несомненна. Как же тут не быть храбрым?

Взгляните на это с такой стороны: представьте себе, что вы участвуете в соревнованиях по фигурному катанию. Вы уверенно лидируете в общем зачете, и осталось только одно, финальное выступление. Если вы сейчас не подкачаете, медаль ваша. Но вы нервничаете, тревожитесь, боитесь.

И тут, за какую-то минуту до вашего выхода на лед к вам подбегает ваш тренер с потрясающей новостью: «Ты уже победил! Судьи подсчитали суммарные баллы, и оказалось, что ты недосыгаем для всех своих соперников. Они слишком сильно отстали».

Обрадует вас эта весть? Да, и еще как! А как вы будете кататься? Скованно? Осторожно? Конечно, нет. Может быть, смело и уверенно? Да уж не без этого. Вы покажете лучшее, на что способны, потому что медаль уже ваша. Вы откатаетесь как чемпион, потому что вы и есть чемпион! Вы услышите овации победителю.

Отсюда и такие слова в Послании к Евреям: «Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа... да приступаем с искренним сердцем, с полною верою...»"

Суть ясна: истина восторжествует. Отец истины победит, а приверженцы истины будут спасены.

И поэтому Иисус призывает нас не бояться:

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне¹².

Земные страхи — это и не страхи вовсе. Все тайное станет явным. Ваша участь в вечности предрешена. Ответьте на главный вопрос жизни вечной, и мелкие вопросы жизни земной встанут на свое место в общей картине.

И кстати, помните Черного Барта? Как оказалась, там тоже абсолютно нечего было бояться. Когда с него сняли капюшон, ничего страшного под ним не увидели. Однажды этого грабителя наконец-то выследили, и обнаружили отнюдь не кровожадного бандита из Долины Смерти, а застенчивого аптекаря из городка Декейтер (штат Иллинойс). Преступник, которого в газетах изображали черным всадником среди гор, в действительности так боялся сесть в седло, что на свои ограбления ездил не верхом, а в коляске. Это был Чарлз Э. Боулс — грабитель, который никогда не стрелял, потому что он и ружье-то свое ни разу не заряжал¹³.

Нет ли в окружающем вас мире подобных лживых личин?

Блаженны алчущие и жаждущие правды...

Глава 9 **УТОЛЕННАЯ ЖАЖДА**

— Мам, так пить хочется. Надо попить.

Сусанна Петросян слышала мольбы своей дочери, но ничего не могла поделать. Она с четырехлетней Гаяне оказалась в ловушке под многими тоннами обрушившихся железобетонных конструкций. Недалеко от них во тьме лежало тело Карины, золовки Сусанны, одной из пятидесяти пяти тысяч жертв самого страшного землетрясения в истории советской Армении.

Беда перед своим приходом никогда не стучится, а на этот раз она и вовсе вышибла дверь.

Сусанна зашла к Карине, чтобы примерить платье. Это было 7 декабря 1988 года в 11 часов 30 минут. В 11 часов 41 минуту началось землетрясение. Сусанна только что сняла платье, оставшись в одних чулках и комбинации, когда квартиру Карины на

пятом этаже затрясло. Сусанна схватила на руки дочь, но через пару шагов опоры под ногами уже не было. Сусанна, Гаяне и Карина провалились в подвал, оказавшись погребенными под обломками девятиэтажного дома.

— Мам, мне надо попить. Пожалуйста, дай мне что-нибудь.

Сусанне нечего было дать ей.

Сусанна лежала навзничь, распростершись на спине. Нависшая сверху бетонная панель и придавившая плечи искореженная труба не давали ей встать. Пошарив в темноте, Сусанна нашла чудом уцелевшую семисотграммовую банку с ежевичным вареньем. Она все отдала дочери. На второй день варенье кончилось.

— Мамочка, так пить хочется...

Сусанна знала, что умирает, но хотела, чтобы дочь осталась жива. Она нашла платье, может быть, то самое, которое примеряла, и сделала из него постель для Гаяне. Хотя было ужасно холодно, она стянула с себя чулки и укрыла ими ребенка, чтобы хоть чуть-чуть согреть.

Они прожили под завалами восемь дней.

В темноте Сусанна утратила ощущение времени. Из-за холода ступни и ладони онемели. Из-за невозможности двигаться она рассталась с надеждой. «Я просто лежала и ждала смерти».

Начались галлюцинации. Мысли путались. Милосердный сон время от времени избавлял ее от ужаса погребения заживо, но долгим сон не бывал. Ее постоянно что-нибудь будило: холод, голод или — чаще всего — голос дочери.

— Мам, я пить хочу.

В какой-то момент этой нескончаемой ночи Сусанну осенила идея. Она вспомнила телепередачу об одном исследователе Арктики, который умирал от жажды. Его товарищ разрезал себе руку и дал ему напиться крови.

«У нас не было ни воды, ни сока, вообще никакого питья. Тогда-то я и вспомнила, что у меня еще есть моя кровь».

Онемевшими от холода пальцами Сусанна нащупала осколок стекла. Надрезав себе левый указательный палец, она дала пососать его дочери.

Нескольких капелек крови было мало.

— Мамочка, пожалуйста, еще. Разрежь еще палец.

Сусанна и счет потеряла, сколько раз она себя резала. Она только знала, что иначе Гаяне умрет. Ее кровь стала последней надеждой для ее дочери.

* * *

«...Сия чаша есть новый завет в Моей Крови...» — сказал Иисус, взяв чашу¹.

Эти слова должны были озадачить апостолов. Их учили истолкованию смысла пасхальной чаши. Вино символизировало кровь агнцев, которою израильтяне в тот давний день, когда решились бежать из Египта, намазали дверные косяки своих домов. Эта кровь отвела смерть от их домов, спасла их первенцев. Она помогла им вырваться из рабства.

Тысячи поколений израильтян соблюдали праздник Пасхи, принося в жертву агнца. Каждый год проливалась кровь, каждый год праздновался Исход из Египта.

Закон требовал пролить кровь агнца. Этого было достаточно.

Этого было достаточно, чтобы соблюсти Закон. Этого было достаточно, чтобы исполнить заповедь. Этого было достаточно, чтобы удовлетворить Божью праведность.

Но этого не было достаточно, чтобы уничтожить грех.

«...Ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи»².

Жертвоприношения давали решение проблемы на время, но только Бог может решить ее раз и навсегда.

И Он это сделал.

Под обломками падшего мира Он окровавил Свои ладони. Среди погибающего под завалами человечества Он истек кровью из пронзенного бока. Его дети погибали, заживо погребенные, и Он отдал им Свою Кровь.

Это было все, что у Него осталось. Друзья Его прятались. Силы кончались. Его имущество разыгрывали в кости у подножия креста. Даже Отец отвернулся от Него. У Него осталась только Его кровь. Но только Его кровь и была нужна.

«Кто жаждет, — сказал однажды Иисус, — иди ко Мне и пей»³.

Признание своей жажды не дается нам легко. Ее обманчиво заглушают глотки подслащенного фальсификата удовольствий. Но приходят времена, когда никакие удовольствия уже не помогают. В жизни каждого человека есть свой черный день, когда мир вокруг рушится, и ты остаешься лежать под завалами реальности, медленно умирая от жажды.

Иным людям легче умереть, чем признать свою жажду. Другие же признают ее и спасаются от смерти.

«Боже, мне нужна помощь».

И жаждущие приходят. Вся наша пестрая компания, объединенная только своими несбывшимися мечтами и нарушенными обещаниями. Благополучие и достаток, так и не достигнутые. Семья, так и не созданная. Обещания, так и не выполненные. Дети с огромными глазами, заживо погребенные в подzemелье нашей вины.

И жажда наша сильна.

Мы жаждем не славы, денег, удовлетворения страстишек. Из этих луж мы уже пили. Они подобны солончаковым водам в пустыне. Они не утоляют жажду — они убивают.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды...»

Правда как праведность. Этого мы и жаждем. Мы жаждем жить с чистой совестью. Нам нужно начать с чистого листа. Все начать с самого начала. Мы молим Бога о руке, которая проникнет в наше мрачное подземелье и сделает для нас то, что мы не в силах сделать сами — поднимет нас к новой жизни⁴.

* * *

«Мамочка, так пить хочется», — просила Гаяне.

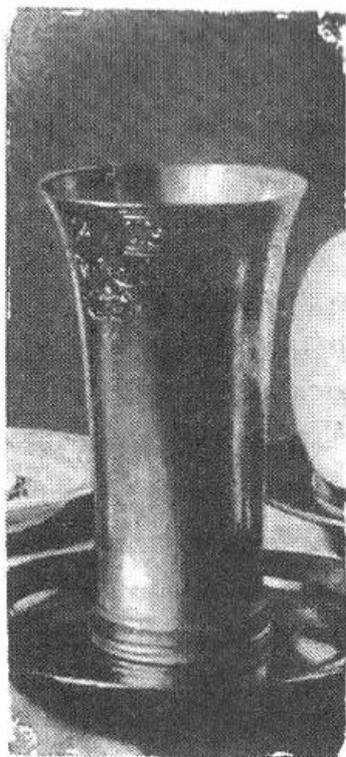
«Тогда-то я и вспомнила, что у меня еще есть моя кровь», — рассказывает Сусанна.

И ладонь была пронзена, и кровь пролита, и дитя было спасено.

«Боже, мы так жаждем», — молимся мы.

«...Сие есть Кровь Моя нового завета, — отвечает Иисус, — за многих изливаемая во оставление грехов»⁵.

И ладони пронзены,
и кровь пролита,
и дети спасены.

...Ибо они насытятся.

Глава 10 **ЖИЗНЬ В ЗАГОНЧИКЕ**

Не так давно я возил двух своих старших дочерей в океанариум. Жены не было в городе, и мы с Дженной и Андреа решили целый день смотреть, как дельфины ныряют, моржи вздыхают и пингвины ковыляют.

Мы отлично провели время. Хот-доги. Мороженое. Плюшевые киты. Игрушки, игрушки и снова игрушки. Девочки поняли, что папа всегда поддастся на волшебное слово «пожа-а-алста». Мне бы следовало быть поумнее. Интерес к морским сувенирам держится в среднем двадцать минут и тридцать две секунды. А потом начинается:

- Пап, понеси ее ты, она слишком тяжелая.
- Я же тебе говорил, что нечего ее покупать, если ты не сможешь ее нести.
- Ну, пожа-а-алста...

Так что к концу дня я тащил: два изящных канцелярских набора, несколько солнцезащитных очков, надувного пингвина, акулий зуб (с акулой в придачу), чучело касатки в натуральную величину, шесть воздушных шариков и живую черепаху (ладно, я преувеличиваю, шариков было только пять). Добавьте к этому жару, прыжки от внезапных водопадов соленых брызг, торт из мороженого, растаявший у меня на рубашке, и вы поймете, как мне была нужна передышка.

Именно поэтому я так обрадовался, увидев загончик с мячиками. Одного этого аттракциона вполне достаточно, чтобы убедить вас продлевать и продлевать сезонный абонемент. Это большой, затененный, прохладный, спокойный павильон.

Под навесом находится углубленный на четыре фута загончик размером с небольшой бассейн. Но наполнен он не водой, а мячиками — тысячи и тысячи легких пластмассовых мячей всех цветов радуги.

В центре загончика стоит что-то вроде стола с отверстиями, из которых вырываются мощные потоки воздуха. Детишки пробираются туда через мячики, хватают их, подносят к отверстиям, и — *фьюитъ* — мячики ракетой уносятся вверх.

Самое главное во всем аттракционе — зона для родителей. Пока ребята барахтаются среди мячей, родители спокойно сидят неподалеку на коврах и отдыхают.

Моя старшая дочь Дженна быстро разобралась, что к чему. Она бросилась в море мячиков и напрямик устремилась к столу.

Однако трехлетняя Андреа столкнулась с трудностями. Сделав всего один шаг в загончике, она набрала себе полные руки мячиков.

Между тем пробираться к столу по пояс в мячиках достаточно трудно, даже если для равновесия раскинешь руки в стороны. Но с мячиками в охапку это просто невозможно!

Андреа сделала один шаг и упала. Она попыталась пробиться вперед, не выпуская мячей. Не смогла. Она заплакала. Я подошел к краю загончика.

— Андреа, — мягко сказал я. — Брось мячики, и ты сможешь идти.

— Нет! — закричала Андреа, барахтаясь и падая. Я потянулся к ней и помог встать на ноги. Она по-прежнему прижимала к себе свои сокровища.

— Андреа, — сказал ее мудрый и терпеливый отец. — Если ты оставишь мячики здесь, ты сможешь идти. Между прочим, там, около стола, полно других мячей.

— Нет!

Она сделала еще два шага и опять упала.

Вообще-то родителей в загончик не пускают. Я попробовал дотянуться до Андреа с края, но уже не смог. Она оказалась погребена под мячами, и я сказал куда-то в ту сторону:

— Андреа, отпусти мячи и сможешь выбраться.

Я увидел какие-то толчки в глубине.

— Не-е-е-ет!!!!

— Андреа, — сказал ее слегка раздосадованный отец. — Ты сможешь подняться, если отпустишь...

— Н-не-е-е-ет!!!!

— Дженна, подойди сюда и помоги своей сестре.

К этому времени другие родители начали на меня поглядывать. Дженна пробралась через мячи к своей младшей сестре. Нагнувшись, она попыталась поднять Андреа на ноги. Дженне не хватало силенок, а Андреа ей ничем не помогала, потому что по-прежнему сжимала те же самые мячи, которые схватила с самого начала.

Выпрямившись, Дженна отрицательно покачала головой:

— Папа, я не могу ее поднять.

— Андреа, — громко сказал ее все больше раздражающийся отец. — Немедленно брось мячи и поднимайся!

Из-под мячей донесся утробный, но явственно слышный вопль:

— Н-н-не-е-е-ет!!!!

«Прекрасно, — сказал я сам себе, — она получила то, чего хотела, и будет теперь, хоть убей, за это держаться».

— Дженна, — жестко сказал ее уже нескрываемо сердитый отец. — Отними у своей сестры эти мячи.

И Дженна нырнула, роясь в мячах, как щенок в земле. Я понял, что она отыскала свою младшую сестру, и между ними завязалась смертельная схватка, когда по глади мячей в загончике пошли сейсмические волны.

Другие родители начали перешептываться и показывать на нас пальцем. Я жалобно взглянул на сотрудника, присматривающего за аттракционом. Мне даже не пришлось ничего говорить.

— Спускайтесь, — предложил он мне.

Я прошел через мячи к двум моим ангелочкам, взял обеих под мышки и понес к центру загончика. Там я воткнул их в мячи поближе к столу (другие дети, завидев мое приближение, кинулись врассыпную). Затем я прошел назад и сел на край загончика.

Глядя, как девочки играют с мячами, я задал себе вопрос: «Что заставляет детей доводить себя до полной беспомощности, так отчаянно цепляясь за свои игрушки?»

И даже немного вздрогнул, вдруг осознав, как звучит ответ. «Что бы это ни было, они научились этому от родителей».

Упрямство Андреа, держащейся за свои мячи, — ничто по сравнению с нашей железной хваткой, проявляющейся в жизни. Если вы не считаете, что для Дженны было очень трудным делом отнять у Андреа мячи, то попробуйте разжать наши пальцы, когда мы вцепимся в наши земные сокровища. Попробуйте отобрать пенсионные накопления у пятидесятипятилетнего. Или уговорить яппи отказаться от его BMW. Или попытайте удачи с модницей и ее гардеробом. Мы так цепляемся за наше имущество и наши копейки, что можно подумать, будто без них нам не жить.

Увы...

Обетование Иисуса всеобъемлюще: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Мы обычно получаем то, чего алчем и жаждем. Проблема в том, что земные сокровища не приносят удовлетворения. Обетование же состоит в том, что принесут его сокровища небесные.

Поэтому блаженны те, кто держит свои земные сокровища в свободно раскрытых ладонях. Блаженны те, кто, лишившись всего имущества, сочтут это не более чем неудобством, ибо истинные их сокровища не здесь. Блаженны те, кто в своей радости полностью зависят от Иисуса.

«Андреа, — уговаривал ее отец, — возле стола этих мячей более чем достаточно. Лучше постарайся туда пойти».

«Макс, — увещевает Небесный Отец, — на пиршественном столе сокровищ больше, чем ты мог бы мечтать. Лучше постарайся туда пойти».

Наше сопротивление нашему Отцу — такое же ребячество, как поведение Андреа. Бог ради нашего же блага старается ослабить нашу хватку в отношении тех вещей, из-за которых и происходит наше падение. Но мы не поддаемся.

«Нет, не променяю я свои субботние свиданья на вечное блаженство».

«Отказаться от жизни под кайфом ради безмятежности и небесных обетований? Что за шутки?»

«Я не хочу умереть. Я не хочу нового тела. Я хочу старое. Не важно, что оно жирное, лысое и обречено на разложение. Мне нужно это мое тело».

И мы лежим, погребенные в загончике, отчаянно цепляясь за те самые вещи, от которых нам одна беда.

Удивительно, что Отец еще не отвернулся от нас.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Глава 11 **ОБРАЗ ОТЦА В ЧЕРТАХ ВРАГА**

Двадцать четвертое марта 1989 года. Холодная ночь у берегов Аляски.

Капитан танкера выкрикивал приказы второму помощнику. Приказы были неясными, ночь — темной, и авария произошла ужасная. Танкер «Эксон Валдиз» натолкнулся на риф Блай и разлил среди едва ли не самых живописных в мире вод одиннадцать миллионов галлонов сырой нефти. Нефть изгадила все — воды океана, пляжи, каланов, чаек. По Аляске прокатилась волна возмущения, и компания «Эксон», которой принадлежало судно, подверглась остракизму.

Эта катастрофа, как бы ужасно она ни выглядела, еще пустяк по сравнению с тем, что ежедневно происходит в наших взаимоотношениях с близкими. Это случалось и с вами. Кто-то обманул все ваши ожидания. Не выполнил обещания. И вот из кобуры вытаскивается словесное оружие, и пошла перепалка.

Каков итог? Корабль вашего сердца получает пробоину при ударе о риф чьих-то дел. Драгоценная энергия утекает, а на душу оседает вредоносная пленка горечи. Черная обида заволакивает мир, все отравляет и искажает, душит радость.

Есть ли у вас пробоины в сердце?

Возможно, рана застарелая. Кто-то из родителей был к вам жесток. Учительница вас третировала. Супруг или супруга предали. Партнер вышел из бизнеса, предоставив вам обанкротиться или оплачивать бесконечные счета.

И вы сердиты.

А может быть, рана свежая. Друг, у которого хранились ваши деньги, просто уехал на своей новой машине в неизвестном направлении. Начальник, который обещал скорое повышение, нанимая вас на работу, теперь даже не помнит, как вас зовут. Вся ваша дружеская компания поехала на пикник, а вас никто не позвал. Дети, которых вы вырастили, похоже, забыли о вашем существовании.

И вам обидно.

Отчасти вы чувствуете душевный надлом, отчасти — возмущение. Отчасти вам хочется рыдать, отчасти — драться. Плачете вы горячими слезами, потому что идут они из самого сердца, а в сердце вашем пылает огонь. Это огонь ярости. Он жжет вас. Он пожирает вас. Языки этого пламени не дают остыть кипящему котлу мстительности.

И приходится принимать решение. «Погасить огонь или раздуть его? Я постараюсь покончить с этим или попытаюсь поквитаться? Буду освобождаться или возмущаться? Поведу ли себя так, чтобы моя обида прошла, или так, чтобы она превратилась в ненависть?»

Вот хорошее определение такой озлобленности: озлобленность — это когда ты допускаешь, чтобы твоя обида превратилась в ненависть. Когда позволяешь тому, что тебя пожирает, пожрать тебя. Когда разжигаешь и раздуваешь пламя, подбрасываешь новых дров, ворошишь угли, вновь и вновь бередишь все ту же рану.

Это сознательное решение лелеять обиду, пока из нее не вырастет черная мохнатая злоба.

* * *

Выражение «грызет злоба» говорит само за себя. Одно только его звучание сразу проясняет его смысл.

Произнесите его медленно и с нажимом: «г-г-р-р-ыззет з-злоба».

Оно начинается с рычания. Так и видится зловонная пасть поднятого из берлоги медведя или оскал шелудивого пса, охраняющего свою недогрызенную кость. Г-г-р-р-ы-ы...

Находиться рядом с озлобленным человеком и возиться с рычащим цепным псом одинаково приятно.

Не любите ли вы просто посидеть рядом с человеком, который лелеет свою обиду? Разве не наслаждение — послушать его песнь вечной жалобы? А эта его жизнерадостность! У него столько светлых надежд. Он полон жизни.

Но вас не проведешь. Вы не хуже меня знаете, что озлобленные, если чем-то и наполнены, так исключительно злобой. А из всех радостей у них только одна — уколоть ядовитыми шипами осуждения людей, чем-то их обидевших. У них много общего с агрессивными животными. Те и другие злятся. Те и другие могут впасть в ярость. Те и другие становятся опасными. Надо бы сделать специальный знак, чтобы вешать на спину озлобленных: «Осторожно, гигантский злобоносец».

Можно немножко изменить слово, и из «грызть» получится «грязь». Без нее злобносы не обходятся. Только обвинить какого-то человека недостаточно; следует еще опорочить его. Мало ткнуть перстом, нужно прицелиться из винтовки. Извергается клевета. Бранные слова так и сыплются. Черта проведена. Стена построена. Враги созданы.

И по такой же грязи злобносы совершают свой путь. Слякоть. Черное глубокое липкое недовольство, которое крадет упругость походки. Уже не до того, чтобы радостно пробежать по росистому лугу. Никаких бодрящих прогулок по горам. Только день за днем — преодоление встречного ветра, туловище упрямо наклонено вперед, ноги вязнут во всей той дряни, что подкидывает нам жизнь.

Именно так вы справляетесь со своими обидами? Допускаете, чтобы обида превратилась в ненависть? Если да, то спросите себя: а что из этого получается? Приносит ли вам ненависть что-то хорошее? Приводит ли ваше негодование к какому-то облегчению, к какой-то умиротворенности? Дарит ли вам радость?

Допустим, вы свели счеты. Предположим, вы дали сдачи. Ваши свирепые мечты о мести сбылись, и за всю свою боль вы рассчитались сторицей. Вообразите, что вы попираете ногой труп своего врага. Станете ли вы теперь свободны?

Женщина, которая написала приведенное ниже письмо, думала, что станет. Она надеялась, что месть принесет с собой облегчение. Но получила иной урок.

Я застала своего мужа в постели с другой женщиной. Он клялся, что такого больше не повторится. Он умолял простить его, но я не могла простить. Я чувствовала такое возмущение, такое нежелание спрятать свою гордость, что не могла думать ни о чем, кроме мести. Я решила заставить его поплатиться, и поплатиться дорого. Я хотела взять свое.

Я подала на развод, хотя дети и просили меня одуматься.

После развода муж два года пытался меня вернуть. Я отказывалась иметь с ним хоть что-то общее. Он ударил первым — теперь была моя очередь. Я только хотела заставить его поплатиться.

В конце концов он махнул на меня рукой и женился на симпатичной молодой вдове с двумя маленькими детьми. Он начал заново выстраивать свою жизнь — без меня.

Иногда я их вижу, и он кажется таким счастливым. И вся его семья. А что сказать про меня? Я одинокая, старая, несчастная женщина, которая позволила своей эгоистичной гордости и дурацкому упрямству разрушить свою жизнь.

Супружеская неверность — грех. Мстительность ужасна. Но самое худшее во всех этих ситуациях — то, что без прощения ближних у нас остается только горечь.

* * *

Наше негодование — словно кокаин. Оно заставляет кровь течь быстрее и позволяет ощутить прилив сил.

Но так же, как кокаин, оно требует все больших доз и все чаще. Существует опасная точка, после которой негодование перестает быть просто эмоцией, а

становится движущей силой. Человек, склонный к мстительности, неосознанно все дальше и дальше уходит от способности прощать, ведь для него остаться без своей злобы — значит остаться без энергетической подпитки.

Этим и объясняется готовность негодующих жаловаться всем, кто согласится их слушать. Они стараются раздувать свое пламя. Это помогает понять, почему существуют куклуксклановцы, скинхеды и прочие фанаты ненависти. Участники таких группировок подпитывают друг друга своей злобой. Именно поэтому озлобленные люди часто кажутся безрассудными. Это наркоманы своего негодования. Они не хотели бы, чтобы их ярость ушла, ведь тогда бы из их жизни ушел и всякий смысл.

Отнимите у расиста его расизм, и что останется? Без ненависти в сердце жизнь фанатика окажется пустой. Если у женофоба не будет тендерного шовинизма, чем ему жить?

Озлобленность похожа на кокаин и в другом аспекте. Кокаин может убить наркомана. А озлобленность — озлобленного.

Она может убить физически. Постоянную раздраженность связывают с повышенными холестерином и кровяным давлением, а также другими опасными факторами. Она может убивать эмоционально, так как повышает тревожность и ведет к депрессии¹.

И может оказаться смертельной духовно. Она иссушает душу.

Ненависть — как бешеный пес, бросающийся на хозяина. Мечь — это разбушевавшийся пожар, сжигающий поджигателя. Негодование становится капканом для охотника.

А милосердие — альтернатива, способная от всего этого освободить.

* * *

«Блаженны милостивые...» — сказал Иисус на той горе. Те, кто милостив к другим людям, поистине блаженны. Почему? Иисус ответил на этот вопрос: «...ибо они помилованы будут».

Милосердные, говорит Иисус, видели милосердие. Они стали очевидцами благодати. Они блаженны, потому что свидетельствуют о большей, нежели человеческая, благодати. Прощая других людей, мы способны понять, как Бог прощает нас. Распространение благодати является ключом к пониманию благодати, ведь именно тогда, когда мы прощаем других, мы начинаем чувствовать то, что чувствует Бог.

Иисус рассказывал притчу о царе, который решил упорядочить финансовые отношения со своими подданными². Он призвал к себе должников и велел им заплатить. Один человек задолжал слишком большую, невыносимую сумму — выплатить ее он никогда бы не смог. Но когда царь встретился с ним и выслушал его историю, сердце его смягчилось, так что он простил долг.

Когда этот человек вышел из дворца, он встретил своего товарища, который задолжал ему сравнительно скромную сумму. Он схватил своего должника и душил его, требуя возврата долга. Как тот ни молил о милосердии, он его не дождался. Нет, человек, которому только что простили огромный долг, засадил своего должника в темницу.

Когда слух об этом дошел до царя, тот аж побагровел. Иисус говорит: «...разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга»³.

Действительно ли может тот, кому простили долг в миллион долларов, не найти в себе сил простить долг в пару сотен? Может ли человек, получивший свободу, отнять ее у другого?

Не нужно быть богословом, чтобы ответить на эти вопросы, — вам достаточно просто взглянуть в зеркало. Кто из нас по воскресеньям не молился о Божьей благодати, по понедельникам требуя соблюдения своих прав? Кто не оказывался плотиной на пути потоков благодати? Есть ли кто-нибудь, кого в то или иное время нельзя было бы упрекнуть: «...пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию».⁴

Обратите внимание, как поступает Бог, когда мы скупно отмеряем свое сострадание. Он предоставляет страдать нам самим. Чтобы нас сжигала ярость. Душила обида. Мучила жажда мести.

Таково наказание для тех, кто испробовал Божью благодать, но отказался ею делиться.

А вот для того, кто испытал на себе Божью благодать и дарит ее другим, наградой становится благословенное освобождение. Дверь узилища распахивается, и выходящий на свободу узник — это ты сам.

В одной из глав этой книги я уже упомянул моего дорогого бразильского друга Даниэля (Даниэль взял меня с собой, когда навещал в тюрьме Анибала).

Даниэль — настоящий гигант. На жизнь он зарабатывал тем, что сам тягал штангу и учил тому же других. Фотоальбом Даниэля пестрит карточками, где он — в свои лучшие годы — принимает позы культуриста и играет буграми мускулов.

Единственное, что больше бицепсов Даниэля — это его сердце. Позвольте мне рассказать о случае, когда его сердце растаяло.

Даниэль тогда жил на самом юге страны, в городе Порту-Алегри. Он работал в спортзале и мечтал стать его владельцем. Банк согласился дать кредит на покупку, если он найдет кого-то, кто подпишет обязательство вместе с ним. Брат Даниэля сказал, что сделает это.

Братья заполнили все бумаги и стали ждать утверждения кредита. Все прошло гладко, и вскоре Даниэлю позвонили из банка, приглашая прийти за чеком. Как только Даниэль освободился на работе, он отправился в банк.

Ведающий кредитами сотрудник, увидев Даниэля, очень удивился и спросил, зачем тот пожаловал.

— Забрать чек, — ответил Даниэль.

— Странно, — протянул банковский служащий. — Ведь ваш брат уже побывал у нас. Он забрал деньги и потратил их на выкуп закладной на свой дом.

Даниэль пришел в ярость. Ему и в голову не приходило, что родной брат может так его обмануть. Бросившись к нему домой, он забарабанил в дверь. Брат открыл дверь с дочуркой на руках. Он знал, что Даниэль не ударит его, пока он держит ребенка.

Он был прав. Даниэль его не ударил. Но пообещал брату, что, увидев его еще раз, обязательно сломает ему шею.

Даниэль отправился домой, его большое сердце болело и стонало из-за предательства. Ему ничего не оставалось, как вернуться на свою работу в спортзал и отрабатывать долг.

Через несколько месяцев Даниэль познакомился с молодым американским миссионером по имени Аллен Даттон. Аллен подружился с Даниэлем и стал рассказывать ему об Иисусе Христе. Вскоре Даниэль и его жена стали христианами и преданными последователями Иисуса.

Но, хотя самому Даниэлю столь многое простилось, он все равно не мог найти в себе силы простить брата. Рана оказалась слишком глубока. Мстительность все еще кипела в нем. Он два года не видел брата. Даниэль не смог бы заставить себя взглянуть в лицо человеку, который его предал. А его брат слишком дорожил своим лицом, чтобы позволить Даниэлю его увидеть.

Однако столкновение было неизбежно. Оба брата понимали, что рано или поздно где-нибудь да встретятся. И никто не знал, чем это кончится.

Однажды, на оживленной городской улице, эта встреча все-таки случилась. Дадим-ка слово Даниэлю, пусть сам расскажет, что тогда произошло.

Я его увидел, а он меня — нет. Я почувствовал, как мои кулаки сами собой сжались и кровь прилила к лицу. Первым моим порывом было схватить его за горло и душить, пока не сдохнет.

Но я смотрел на его лицо, и злость моя куда-то улетучивалась. Глядя на него, я увидел черты нашего отца. Я увидел глаза отца. Узнал его взгляд. Его выражение лица. И когда я увидел в его лице образ нашего отца, мой смертный враг снова стал моим братом.

Даниэль подошел к брату. Тот вздрогнул, развернулся и бросился бежать, но быстро устал. Догнав брата, Даниэль схватил его за плечо. Тот содрогнулся, ожидая самого худшего. Но почувствовал не кольцо стальных пальцев на горле, а крепкое дружеское объятие. И вот два брата стояли в потоке куда-то спешащих людей и плакали.

Слова Даниэля стоят того, чтобы их повторить: «Когда я увидел в его лице образ нашего отца, мой смертный враг снова стал моим братом».

Увидеть в лице своего врага образ нашего Отца. Постарайтесь сделать это. Когда в следующий раз вы вспомните или увидите того, кто ранил вас в самое сердце, всмотритесь в его лицо пристальней. И в этом лице попытайтесь разглядеть Его лицо — лицо Того, Кто простил вас. Вглядитесь в глаза Царя, Который плакал, когда вы молили о милосердии. Посмотрите в лицо Отцу, Который изливает на вас благодать тогда, когда никто не дает вам ни малейшего шанса. Отыщите в лице своего врага образ Бога, Который прощает. И пусть тогда Бог, простивший вам больше, чем вы призваны за всю свою жизнь простить другим людям, дарует вашему врагу — и вам самому — свободу.

И исцелит эту рану в вашем сердце.

Блаженны чистые сердцем...

Глава 12

СОСТОЯНИЕ СЕРДЦА

Я до сих пор помню, как впервые его увидел. Я вышел на работу вместе с отцом — настоящее приключение для десятилетнего мальчишки, чей отец работает на тexasских нефтепромыслах. Я уселся в кабине пикапа, как можно выше вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть нескончаемые равнины западного Техаса. Они были плоскими и предсказуемыми, не способными поразить воображение чем-то грандиозней ветряков и нефтекачалок. Может быть, поэтому он и показался таким огромным. Он высился над горизонтом, словно небоскреб из научно-фантастического фильма.

— Что это?

— Это нефтеочистительный завод, — объяснил папа.

Стальные джунгли труб и резервуаров, колонн, нефтепроводов, компрессоров, котлов, фильтров, насосов, вентилях, шлангов, фланцев и прочего. Это выглядело как гигантский детский конструктор.

Назначение этого циклопического сооружения ясно из его названия — здесь идет очистка. Топливо, масла, химикаты — завод принимает сырую нефть и очищает ее, чтобы получились все эти полезные продукты.

Такой завод делает с нефтью то, что должно делать для вас ваше сердце — убирать плохое и давать ход хорошему.

Мы склонны рассматривать сердце как вместилище наших чувств. Мы говорим о «дрожии в сердце», о «сердечных сожалениях» и «разбитом сердце».

Но Иисус говорит «Блаженны чистые сердцем...» в другом контексте. Для слушателей Иисуса «сердце» было совокупностью проявлений внутреннего человека, своего рода центром управления. Считалось, что характер человека заключен в его сердце — источнике его желаний, привязанностей, представлений, мыслей, рассуждений, его воображения, его совести, его стремлений и намерений, его воли и его веры.

Поэтому мудрец наставляет: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни»¹.

В иудейском мировоззрении сердце предстает перекрестком, где пересекаются потоки всех желаний, предубеждений и мудрых мыслей человека. Это сортировочный узел, на котором вагоны, груженные настроениями, идеями, чувствами и убеждениями, направляются на надлежащие пути.

И точно так же, как бензин с примесями или низкосортное масло заставят вас усомниться в качестве работы нефтезавода, злые дела и нечистые мысли заставляют нас сомневаться в хорошем состоянии нашего сердца.

А исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления...²

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его³.

В этих стихах Евангелия отчеканена та же истина: сердце является средоточием духовной жизни. Когда плоды дерева плохи, вы не пытаетесь их исправить; вы занимаетесь корневой системой. А когда дела человека злы, недостаточно поменять привычный образ жизни; необходимо заниматься тем, что лежит глубже. Нужно добраться до самого сердца проблемы, которая как раз и есть проблема сердца.

Поэтому так важно состояние сердца. В каком состоянии ваше сердце?

Когда кто-то вас облает, вы склонны обляять его в ответ или прикусить язык? Это зависит от состояния вашего сердца.

Когда у вас слишком напряженный рабочий график и список неотложных дел слишком велик, вам изменяет выдержка или же вы внутренне остаетесь спокойным? Это зависит от состояния вашего сердца.

Когда вам предлагают посмаковать свежую сплетню, щедро приправленную клеветой, вы откажетесь слушать или будете еще и пересказывать ее другим? Это зависит от состояния вашего сердца.

Смотрите ли вы на уличного попрошайку как на обузу для общества или как на возможность служения Богу? И это тоже зависит от состояния вашего сердца.

Состояние вашего сердца предопределяет, станете ли вы лелеять обиды или дарить благодать, погрязнете ли в жалости к самому себе или устремитесь к Христу, предпочтете ли упиваться человеческим ничтожеством или же испробовать Божье милосердие.

Так что совершенно естественен обращенный ко всем нам призыв: «Больше всего хранимого храни сердце твое...»

Молитва Давида должна стать нашей молитвой: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже...»⁴

Истина звучит в словах Иисуса: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Обратите внимание на очередность в этой заповеди блаженства: *сначала* очисти сердце, *тогда* увидишь Бога. Добейся правильной работы очистителя, и на выходе будет чистый продукт.

Обычно мы действуем в обратном порядке. Мы пытаемся изменить то, что внутри, изменяя то, что снаружи. Позвольте мне привести один пример.

* * *

Когда наша семья жила в Рио-де-Жанейро, у меня был мощный радиоприемник. Он стоял на кухне на холодильнике. Если мы куда-то уезжали, я всегда вынимал вилку из розетки и отсоединял антенну.

Однажды, когда мы уезжали на целую неделю, я вдруг вспомнил, что забыл отключить приемник. Я помчался назад в квартиру, вырвал вилку из розетки и скатился вниз по лестнице.

Но я выдернул не ту вилку. Отключенным оказался холодильник. Для Бразилии это были летние месяцы, а в Рио-де-Жанейро в такую пору только-только начинаешь понимать, что *на самом деле* означает слово «жарко». Наша квартира находилась прямо под крышей четырнадцатизэтажного дома. Таким образом, семь дней набитый продуктами холодильник простоял отключенным от сети в чем-то вроде сауны (кто-то застонал или мне послышалось?).

Когда мы вернулись домой, Деналин захотела что-то достать из холодильника. И вот она открыла дверцу — ладно, не буду вдаваться в подробности, что она там обнаружила, скажу только, что это открытие никого не оставило равнодушным.

Догадываетесь, на кого сразу обратились указующие персты в качестве виновника произошедшего с холодильником несчастья и кого сразу назначили ответственным за ликвидацию его последствий? Правильно. И я принялся за дело.

Как лучше всего очистить гниль внутри? Я точно знал, что для этого требуется. Я взял тряпку, ведро с мыльным раствором и начал наводить на холодильник глянец. Я был уверен, что стоит мне придать ему немного внешнего лоска, и зловоние исчезнет, поэтому я протирал, надраивал и полировал стенки. Результат моей работы любой салага мог бы с гордостью предъявить самому придирчивому морскому служаке. Холодильник просто сиял чистотой.

Но когда я открыл дверцу, внутри все было по-прежнему ужасно.

(Вы, наверное, удивляетесь: «Что это за дурацкий подход к делу»? Читайте дальше и все поймете.)

Ничего страшного, подумал я. Я знаю, в чем проблема. Этому холодильнику нужно завести побольше друзей. Со мной тоже было бы неприятно иметь дело, если бы в своей общественной жизни я был просто одной из кухонных машин. Поэтому я организовал праздник. Я созвал на него всех обитателей соседних кухонь. Мне пришлось нелегко, но я заполнил нашу квартирку холодильниками, электроплитами, комбайнами, микроволновками и стиральными машинами. Праздник удался. Парочка тостеров даже возобновила знакомство времен своей юности в магазине. Все поиграли во втыкание вилок в розетки и посмеялись над короткими гарантийными сроками. Одна шашлычница воскликнула, как ей нравится возвращаться в хорошем обществе. Впрочем, душой компании стали миксеры. Оказалось, что они умеют не только смешивать, но и смешить.

Я был уверен, что такое общение исцелит все недуги моего холодильника, но ошибался. Я его открыл, а воняло еще сильнее!

Как же быть?

Мне пришла в голову еще одна идея. Если придание внешнего лоска не помогло и общение с друзьями ничего не дало, то я могу повысить его социальный статус!

Я купил стикер от «мерседеса» и приклеил его на дверцу холодильника. Изобразил на нем галстук с затейливым орнаментом. Сзади присобачил наклейку «Спасем китов», а сбоку пристроил сотовый телефон. Получилось классно. Он выглядел стильно. По-настоящему элегантно. Я опрыскал его одеколоном и для солидности снабдил кредитной картой.

Потом отступил на шаг и полюбовался этим импозантным холодильником. «Ты мог бы украсить собой обложку "Популярной механики"⁶», — сказал я ему. Он даже немного смутился. Тогда я открыл дверцу, надеясь увидеть сияющие чистотой внутренности, но там все было так же отвратительно, как и раньше, — одна зловонная мерзость.

Мне уже ничего не приходило в голову, кроме одной, последней возможности. Моему холодильнику нужна новая энергетика наслаждений! Я незамедлительно купил ему несколько номеров журнала «Плейбыт», где было много фотографий стиральных машин с дверцами нараспашку. Взял напрокат несколько фильмов о похождениях гаджетов (мой любимый — «Гад же ты»). Даже попытался устроить моему холодильнику свидание с соседской «Атлантой», но та отнеслась к нему с прохладцей.

Через несколько дней этих изысканных размораживающих удовольствий я открыл дверцу. И меня чуть не стошнило.

Я знаю, что вы сейчас подумали. Хуже, чем с юмором, дела у Макса обстоят только со здравым смыслом. Кто же станет заниматься внешним, если проблема коренится внутри?

Действительно хотите услышать ответ?

Вот домохозяйка мучается депрессией. И какое решение проблемы предлагает добрая подруга? Купить новое платье.

Мужу его интрижка на стороне приносит ничуть не меньше мук совести, чем удовольствия. Решение проблемы? Поменять круг общения. Общаться только с теми людьми, рядом с которыми он не будет чувствовать себя виноватым!

Честолюбивый молодой человек изнывает от чувства одиночества. Из-за одержимости мечтой о профессиональной карьере он не может найти себе друзей. Босс подбрасывает ему идею: измени имидж. Сделай новую прическу. Потраться на себя.

Раз за разом наводится внешний лоск, при этом внутреннее содержание игнорируется — полировка снаружи, что бы там ни было внутри. И каков же результат?

Домохозяйка покупает новое платье, и депрессия отступает... может быть, на целый день. Потом тени возвращаются.

Неверный муж заводит компанию приятелей, которые одобрительно относятся к его приключениям. Что в итоге? Довольство жизнью... пока толпа не схлынет. Потом возвращается чувство вины.

⁶ «Popular Mechanics» — американский научно-популярный журнал, освещающий вопросы науки и техники: новые технологии, оружие, авиация, космос, автомобили. С 2002 года издается в России под названием «Популярная механика». — Примеч. ред.

Честолюбивый молодой человек распространяет вокруг ауру своего нового имиджа, и люди реагируют... пока мода не изменится. Тогда приходится крутиться и покупать все новые и новые вещи, чтобы не выглядеть старомодным.

Внешнее полируется, внутреннее гниет. Видимость меняется; суть не улучшается. Ясно одно — все косметические процедуры поверхностны.

К настоящему моменту вы уже могли бы сами написать проповедь о блаженстве. Суть ее ясна: свою жизнь меняешь, меняя свое сердце.

* * *

А как изменить свое сердце? Иисус в Нагорной проповеди указывает последовательность действий. Вернемся еще раз к заповедям блаженства и рассмотрим их по порядку.

Первый шаг — это признание своей нищеты: «Блаженны нищие духом...» Божья отрада приходит не к тем, кто ее заслужил, а к тем, кто признает, что ее не заслуживает. К Сарре, Петру и Павлу радость пришла тогда, когда они уже не надеялись на себя, когда молили о спасательном круге, а не об уроках плавания, когда искали Спасителя, а не систему безопасности.

Второй шаг — это печаль: «Блаженны плачущие...» Отрада приходит к тем, кто искренне опечален своими грехами. Мы открываем для себя радость, когда выходим из узилища гордости и раскаиваемся в своем непокорстве.

За печалью следует кротость. Кроткие — те, кто готов стать Божьими орудиями. Их изумление тем, что Бог их спасает, так велико, что Бог может сделать их Своими орудиями. Это группа кларнетистов из соседней школы, приглашенная сыграть вместе с Бостонским симфоническим оркестром. Они не берутся подсказывать маэстро, как надо дирижировать; они счастливы просто участвовать в концерте.

Каков итог первых трех шагов? Жажда. Ты никогда не видел ничего подобного! Признал свой грех — и ты спасен. Признал свою слабость — и обрел силу. Сказал, что сожалеешь — и ты прощен. Это удивительный, ни с чем не сравнимый, непредсказуемый путь, полный радостных открытий. Наконец-то ты можешь упиваться чем-то хорошим, тем, что дает тебе новую жизнь, а не отнимает ее у тебя. И тебе хочется еще и еще.

Затем приходит милосердие. Чем больше получаешь, тем больше отдаешь. Тебе легче дарить благодать, поскольку ты знаешь, как много ее даровано тебе. Все прегрешения против тебя — ничто по сравнению с твоими прегрешениями перед Богом.

Впервые в своей жизни ты обретаешь непреходящую радость, которая не зависит от твоих капризов и твоих действий. Это радость от Бога, которую никто не может у тебя отнять.

Священная отрада пришла в твое сердце.

Она священная, потому что даровать ее может только Бог.

А отрада, потому что ты не смел на такое и надеяться.

И хотя в сердце твоём нет совершенства, оно не испорчено. И хотя у тебя нет неуязвимости, ты по крайней мере борешься. И можешь быть уверен, что Тот, Кто тебя создал, знает, как очистить тебя — очистить изнутри.

...Ибо они Бога узрят.

Глава 13 **ДВОРЕЦ БЕЗ ЦАРЯ**

Давным-давно жил один царь, у которого было много жен. И все было прекрасно в его царстве, как и в его гареме. Но из всех своих жен он больше всего любил одну.

Когда эта любимая жена умерла, царь очень сильно опечалился. Ни в чем не находя утешения, он решил в память о возлюбленной построить храм, который стал бы ее мавзолеем. Ее гроб поставили в центре большого участка земли, а вокруг начали возводить храм. Никакие траты не казались царю чрезмерными в его стремлении сделать место ее последнего упокоения настоящей жемчужиной архитектуры.

Однако же проходили недели, потом и месяцы, и увлеченность царя строительством постепенно вытесняла его горе. Он больше не оплакивал свою утрату. Теперь его интересовало только зодчество. Однажды царь, спеша на важный участок стройки, споткнулся о какой-то деревянный ящик. Отряхнув с ног пыль, царь приказал рабочим вынести ящик за ограду.

Царь и не понял, что сам приказал вынести гроб жены — давно позабытый, полужасыпанный мусором времени.

Так была предана забвению та, в память о которой воздвигался храм, — но храм все равно был построен.

Вам трудно в это поверить? Может быть. Картина, тем не менее, невеселая.

Можно ли возвести храм и забыть, для чего он предназначен? Можно ли построить дворец, но запомнить о царе? Можно ли воспеть подвиг, предав забвению самого героя?

Ответьте-ка на эти вопросы. Ответьте на них в церкви. Когда в следующий раз вы присоединитесь к вашим верующим собратьям, встаньте так, чтобы можно было понаблюдать. А потом сделайте выводы.

Вы сможете отличить людей, которые помнят о Том, Кто умер. В их широко открытых глазах читается ожидание. Это дети, застывшие в предвкушении долгожданного подарка. Это служители, затаившие дыхание, пока мимо проходит царь. Ведь в присутствии монарха не станешь клевать носом. И разве будешь зевать, получая дар от самого царя?

Вы сможете отличить и тех, кто видит только храм. Глаза у них блуждают, а сами они переминаются с ноги на ногу. Их руки не находят себе места, а рты раскрыты — но не потому, что эти люди подпевают хору. Они зевают. Как бы они ни старались выглядеть взволнованными, взгляд их довольно скоро становится стеклянным. Всякий храм через какое-то время утрачивает свой блеск.

Созерцатели храма вообще-то не собирались скучать. Им нравится ходить в церковь. Они помнят, что сказано в ее брошюрах, и хвалят ее пасторов. Они не хотели стать такими косными. Они надевают шляпы и бриджи, пиджаки и галстуки, они приходят каждую неделю. И все же чего-то им не хватает. Того, Кому они первоначально собирались поклоняться, больше не видно.

А вот те, кто Его видит, не могут о Нем забыть. Они ищут и находят Его, зачастую не благодаря храму, а вопреки ему. Они стирают пыль и потрясенно застывают перед Его гробом — Его пустым гробом.

Тот, кто строит храмы, и тот, кто ищет Спасителя. Того и другого вы встретите в одной и той же церкви, на одной и той же скамье — иногда даже под одной и той же шляпой. Один смотрит на здание и восклицает: «Какой чудесный у нас храм!» Другой смотрит на Христа и восклицает: «Какой чудесный у нас Спаситель!»

А куда смотрите вы?

Блаженны миротворцы...

Глава 14 **СЕМЕНА МИРА**

Хотите увидеть чудо? Попробуйте сделать так.

Возьмите зернышко размером с маковое. Присыпьте его землей. Обеспечьте, чтобы было достаточно воды, света и удобрений. И приготовьтесь. Горы сдвинутся. Не имеет значения, что земля в триллионы раз объемнее и тяжелее семян. Семена ее подвинут.

Каждую весну мечтатели по всему миру сажают крошечные надежды в перелопаченную почву. И каждую весну, вопреки всему, их надежды расцветают и приносят плоды.

Нельзя недооценивать силу семян.

Насколько мне известно, Иаков, автор одного из посланий Нового Завета, земледельцем не был. Но он знал, как неудержимо прорастают семена в плодородной почве.

«Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир»¹.

В миротворчестве принцип тот же, что в земледелии: нельзя недооценивать силу семян.

Хорошим примером может послужить история мальчика Хайнца. Европа, 1934 год. Континент заражен чумой гитлеровского антисемитизма. Кто-то от нее спасся. Кого-то она погубила. А одиннадцатилетнего Хайнца научила мудрости. Он узнал о силе посеянных семян мира.

Хайнц был евреем.

Баварская деревня Фурт, где жил Хайнц, кишела гитлеровскими молодчиками. Отец Хайнца, школьный учитель, лишился работы. Мирная жизнь замерла. На улицах росла напряженность.

Еврейские семьи держались обычаев, которые их объединяли, — они отмечали Шаббат, Йом-Кипур и Рош-Хашана. Старые обычаи приобрели новый смысл. Тучи гонений чернели и набухали над этими людьми, но древние традиции оставались надежным уступом на мощной скале их веры.

А когда улицы превращались в поле битвы, такая твердыня могла стать спасительной.

Гитлер-югенд рыскал по окрестностям в поисках приключений. Хайнц выучился держать ухо остро. Завидев банду хулиганов, он переходил на другую сторону улицы. Иногда ему удавалось избежать стычки, но иногда и нет.

Однажды произошло самое главное из таких столкновений в жизни мальчика. Он оказался один на один с хулиганом из гитлер-югенда. Драка казалась неизбежной. В этот раз, однако, Хайнц ушел домой без синяков — не благодаря тому, что сделал, а благодаря тому, что сказал. Он не полез в драку; он стал вести переговоры. Он убедил агрессора, что в драке нет необходимости. Его слова погасили конфликт.

И Хайнц на личном опыте узнал, что слова могут принести мир.

Он освоил искусство улаживать конфликты с помощью слов. А для юного еврея в гитлеровской Европе открывалось много возможностей это искусство оттачивать.

К счастью, семья Хайнца смогла уехать из Баварии и добраться до Америки. Позже, уже став взрослым, он не считал, что те события детства оказали на него такое уж сильное влияние.

Но тут есть о чем задуматься. Ведь когда Хайнц вырос, его имя стало синонимом миротворчества. Его наследие — это наследие человека, умеющего возводить мосты, которые соединяют людей. Где-то он узнал о силе вовремя сказанных

миротворческих слов. И трудно не заподозрить, что это знание пришло к нему еще на баварских улицах.

Мы знаем его не под именем Хайнца. У нас на слуху американизированная форма его имени — Генри. Это Генри Киссинджер².

Нельзя недооценивать силу семян.

* * *

Насколько хорошо вы умеете сеять семена мира?

Может быть, вас не позовут урегулировать международный конфликт, но у вас есть возможность делать нечто более важное — нести мир беспокойным сердцам.

Примером здесь служит Иисус. Мы не видим, чтобы Он постоянно вмешивался в споры или улаживал конфликты. Зато мы видим, как Иисус созидал внутреннюю гармонию через дела любви:

Он омыл ноги человеку, который, как Он знал, замыслил предать Его;

сел за один стол с коррумпированным городским чиновником;

похвалил грешную женщину, которую все презирали.

Он возводит мосты, исцеляя сердца. Он предотвращает столкновения, прикасаясь к тому, что внутри человека. Он созидает гармонию, сея в плодородных сердцах семена мира.

Сделайте мне одолжение. Остановитесь на минутку и задумайтесь о людях, населяющих ваш мир. Пройдитесь по галерее их портретов — тех, кто наиболее важен для вас. Мысленно пролистайте альбом с фотографиями тех, кого часто видите.

Вспомнили их лица? Ваши близкие. Ваши лучшие друзья. Ваши партнеры по гольфу. Ваши знакомые из Ассоциации родителей школьников. Ваши дети. Ваша тетя с другого конца страны. Ваши соседи. Вахтер на работе. Новая секретарша в офисе.

Зафиксируйте перед своим мысленным взором их лица, пока я буду рассказывать вам, что чувствуют некоторые из этих людей.

Не так давно я посетил нашего семейного врача. Я впервые проходил медицинское обследование после того, давнего, что потребовалось мне семнадцать лет назад для зачисления в школьную футбольную команду.

Поскольку прошло так много времени, я попросил проверить все. Одна медсестра уложила меня на стол и прилепила на грудь маленькие холодные присоски. Другая обернула мне руку манжетой и сжимала черную грушу, пока рука не онемела. Потом они прокололи мне палец (это всегда больно) и приказали наполнить баночку (а это всегда так неловко). Потом, после всех подготовительных процедур, они отвели меня в кабинет, велев снять рубашку и ждать доктора.

Есть во всех этих манипуляциях что-то такое, что чувствуешь себя словно луковица посреди кухни. Усевшись на шаткий стульчик, я смотрел в стену.

Вы разрешите мне напомнить вам кое-что известное, но, возможно, забытое? Кто-то из вашего окружения чувствует себя так же, как я тогда чувствовал себя в кабинете врача. Ежедневно жизнь нас «обследует» и может оставить усталыми и

опустошенными. Кто-то из вашего альбома сидит сейчас на шатком стульчике своей неуверенности и тискает больничный халат, боясь показать, как мало гордости у него осталось. И такому человеку отчаянно нужно слышать умиротворяющие слова.

Кто-то нуждается в том, чтобы вы сделали для него то же самое, что доктор Джим сделал для меня.

Джим — это сельский врач в большом городе. Он все еще помнит имена пациентов и держит на стене в кабинете фотокарточки младенцев, роды которых в свое время принял. И хотя отлично знаешь, как он занят, он дает тебе почувствовать себя единственным его пациентом.

Поговорив о том, о сем, задав пару вопросов о моих отношениях с медициной, он положил на стол мою карточку и сказал:

— Давайте-ка я на минутку сниму свою «профессиональную шляпу» и поговорю с вами просто как друг.

Такая наша беседа длилась минут пять. Он расспрашивал меня о семье. Он расспрашивал меня о работе. Он расспрашивал меня о стрессах. Он сказал мне, что, по его мнению, я многое делаю в церкви и что ему нравится читать мои книги.

Ничего особенного, никакого зондирования. Он не влезал глубже, чем мне было удобно. Но у меня осталось ощущение, что он добрался бы до самых глубин моей бездны, если бы я в этом нуждался.

После этих нескольких минут доктор Джим принялся за обычную рутину — выстукивание колена резиновым молоточком, осмотр горла, оттягивание века, прослушивание грудной клетки стетоскопом. Когда все это было сделано и я застегивал рубашку, он снова надел свою «профессиональную шляпу» и предостерег меня от попыток держать весь мир на собственных плечах.

— И обязательно любите свою жену, почаще обнимайте детей, потому что в сухом, так сказать, остатке вы без них не очень-то много значите.

— Спасибо, Джим, — сказал я.

И он вышел так же стремительно, как вошел, — сеятель семян в белом врачебном халате.

* * *

Хотите увидеть чудо? Посадите слово любви глубоко в сердце человека. Вращивайте его с улыбкой и молитвой, и увидите, что произойдет.

Подчиненные слышат комплименты. Жена получает букет цветов. Соседи — кусочек испеченного вами торта. Вдова — внимание. Заправщик на бензоколонке — уважение. Проповедник — заслуженные похвалы.

Сеять семена мира — примерно как сеять бобы. Никогда не понимаешь, почему все получается; знаешь только, что получается. Семена прорастают, сдвигая в сторону щебень обид.

Не забудьте главный принцип. Нельзя недооценивать силу семян.

Бог не забывает. Когда Его царство подвергалось разграблению, а Его народ забыл Его имя, Он сеял Свои семена.

Когда почва сердца человеческого окаменела, Он сеял Свои семена. Когда религия вырождалась в ритуал, а храм превратился в место торговли, Он сеял Свои семена.

Хотите увидеть чудо? Посмотрите, что случилось, когда Он посеял Свое семя в плодородную утробу иудейской девы.

Оно проросло, «как отпрыск и как росток из сухой земли»³. Семя Божье постоянно сдвигало в сторону камни, старавшиеся не дать Ему прорасти. Служением Его была уборка камней, портящих почву Его Отца.

Камни законничества, обременяющие спину.

Камни угнетения, ломающие кости.

Камни предвзятости, забором окружающие бедняков.

Но появился и последний камень, оказавшийся главным испытанием для семени Божьего. Камень смерти — подкаченный людьми и приваленный сатаной к двери гроба. На миг могло показаться, что семя останется под землей. Какое-то мгновение камень выглядел слишком тяжелым, чтобы его сдвинуть.

Но потом, где-то в самом сердце земли семя Божье шевельнулось, ожило и проросло. Земля содрогнулась, и камень был отвален от гроба. И расцвел цветок Пасхи.

Нельзя недооценивать силу семян.

...Ибо они будут наречены сынами Божиими.

Глава 15 **СКОЛЬЗКАЯ ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ**

К власти приходится проталкиваться.

Вы умеете разговаривать на языке власти. Вы играли в эти игры. Вы примеряли эти костюмы.

Вы полагаете, у вас имеется все необходимое для власти? Подумайте хорошенько, и милости прошу на обед. За столом власти существует свой этикет.

«Хорошие манеры приведут вас туда, куда не приведут деньги», — утверждает «королева этикета» Мариа-белла Стюарт. Эта дама, крестоносец воспитанности,

организовала семинар, где вас научат изящно прогрызть свой путь к вершине. За шесть тысяч долларов можно усвоить манеры, открывающие двери во власть.

Вот несколько правил поведения за столом, соблюдение которых, по словам Стюарт, наделяет человека «чертами властности»:

- никогда не закладывай салфетку за воротник;
- никогда не оставляй отпечатков губной помады на краешке бокала;
- никогда не разминай и не размешивай поданное блюдо;
- никогда не пререкайся по поводу выписанного счета;
- никогда и ни за что не протягивай свою тарелку официанту;
- никогда не читай меню, словно Библию; ты здесь не для еды, а для дела;
- никогда не нагибайся, чтобы поднять упавшее столовое серебро¹.

Собственно говоря, главный практический принцип стремления к власти в том и состоит, чтобы вообще никогда не нагибаться.

Никогда не нагибайся — чтобы не иметь ничего общего со слабаками. Никогда не склоняй голову, чтобы признать свои ошибки. Никогда не наклоняйся, чтобы помочь кому-то, кому нечем тебя отблагодарить. Никогда не снисходи на уровень, где может ослабнуть твоя хватка за свое место под солнцем.

Добавьте такой «кодекс властности» к умению невзначай обронить знаменитое имя, похвастаться визитной карточкой, блеснуть титулами и званиями. Все это внесите в длинный список игр, в которые мы играем, чтобы сделать себе имя.

Власть — это просто игра в «царя горы» для взрослых.

Помните, как мы играли в нее в детстве? Цель игры состоит в том, чтобы залезть на бугор и удержаться на нем. Толкаешься, царапаешься и рвешься вперед, пока не заберешься. А оказавшись наверху, сражаешься, чтобы удержаться. Даже не думай о том, чтобы отдохнуть. Забудь об открывающейся панораме. Зазеваешься хоть на секунду, и тебя сбросят к подножию холма. И тогда придется все начинать сначала.

Став взрослыми, мы продолжаем играть в «царя горы», но теперь ставки повыше. Харрисон Форд в фильме «Деловая девушка» говорит об этом так:

В наше время одной убыточной сделки достаточно, чтобы тебя уволили. На моем селекторе у каждой кнопки наклеены кусочки ленты уже в дюйм толщиной — имена новых сотрудников поверх имен старых — людей хороших, но больше не сидящих у того телефона всего лишь из-за одной убыточной сделки. Я не хочу, чтобы меня похоронили под кусочком ленты.

К власти приходится проталкиваться. И большинство из нас толкается и получает толчки.

Я хотел бы указать на различие между стремлением к совершенству и стремлением к власти. Стремление к совершенству — это дар Божий, весьма полезный для общества. Оно характеризуется благоговением перед идеалом и стараниями проявить свои данные Богом дарования так, чтобы угодить Ему. Вспомним слова Антонио Страдивари, скрипичного мастера XVII века, чье латинизированное имя Stradivarius стало синонимом совершенства:

Любой маэстро, коснувшись подбородком и рукой моей скрипки, порадуетя, что Страдивари жил на свете, делал скрипки и делал их хорошо... Если бы рука моя стала нерадивой, я совершил бы преступление против Бога — ибо Он есть совершеннейшее благо...

Но и Он не смог бы сделать скрипку Антонио Страдивари без Антонио².

Страдивари был прав. Бог не смог бы делать скрипки Страдивари без Антонио Страдивари. Этот гений получил такие дары, которые не достались ни одному другому скрипичному мастеру.

Точно так же существует то, что вы сможете сделать, а никто другой не сможет. Скажем, это воспитание ваших детей, строительство дома, утешение обездоленных. Есть вещи, сделать которые под силу *только вам*, и вы живете для того, чтобы это сделать. В грандиозном оркестровом концерте, который мы называем жизнью человечества, у вас есть свой инструмент и своя мелодия, и вы перед Богом обязаны играть блистательно.

Но есть целая бездна различий между тем, чтобы изо всех своих сил прославлять Бога, и тем, чтобы всеми возможными средствами прославлять себя самого. Стремление к совершенству — признак зрелости. Стремление к власти — ребячество.

* * *

Может быть, вас заинтересует, что первые игры во власть начались не на Уолл-стрит и не на поле битвы, а в саду. Первое обещание о повышении статуса было прошептано с шипением, с подмигиванием и со змеиной улыбкой падшего ангела.

Заползший в тень дерева познания добра и зла сатана знал, что предложить Еве, чтобы соблазнить ее съесть яблоко. И это не были удовольствия. Это не было крепкое здоровье. Это не было преуспевание. Это было... ладно, вы сами читали его слова и видели, в чем соблазн: «...знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»³.

Эти слова находят брешь в обороне.

«...Вы будете, как боги...»

Ева поглаживает подбородок, повторяя это обещание.

«...Вы будете, как боги...»

Сатана отдернул занавес в тронном зале и пригласил Еву немножко посидеть. Примерить корону. Подержать скипетр. Накинуть мантию. Почувствовать, что это значит — иметь власть. Почувствовать, что может означать твое имя. Почувствовать, каково там, наверху!

Ева проглотила наживку. Соблазн уподобиться Богу затмил все ее представления о Боге, и хруст яблока раздавался по всему Царству. Остальную часть истории вы знаете.

Так вот, может быть, ваше заигрывание с властью не было таким откровенным. Вы, несомненно, рады, что сэкономили шесть штук «зелени» на семинарах по застольному этикету. Вы, несомненно, только головой качаете, слушая об аферах дельцов с Уолл-стрит. Вас коробит от заказных убийств в мире наркомафии и «больших людей». Такого рода игры во власть вас не привлекают. Если бы змей стал

прельщать вас обещанием власти, вы бы послали его обратно в преисподнюю, не так ли?

Или... Игра в «царя горы» может принимать самые разные формы.

Вот начальник, никогда не хвалящий подчиненных. В конце концов, они должны знать свое место.

А вот муж, отказывающийся быть с женой поласковее. Он знает, что из-за этого лишился бы самого сильного своего оружия — ее страха, что он ее бросит.

Вот служащий, который личные амбиции ставит выше личной честности.

А вот жена, которая использует секс или отказ от него для манипулирования мужем, — своего рода политика кнута и пряника.

Можно устранить человека, а можно всего лишь отодвинуть. Это может быть требование, подкрепленное наведенным пистолетом или надутыми губками. Это может быть авторитаризм политика в стране или проповедника в церкви.

Но все они твердят одно и то же: В-Л-А-С-Т-Ь.

И цель у них одна и та же: «Я получу то, что мне надо, за твой счет».

У всех одна и та же стратегия игры: толкнуть и пнуть, урвать и соврать.

Все слушали одного и того же змея, все того же лживого Люцифера, который шепчет в уши любому, кто его слушает: «...вы будете, как боги...»

И всех ждет один и тот же конец: тщета. Выслушайте, пожалуйста, внимательно то, что я сейчас скажу. Абсолютная власть недостижима. Столб намазан салом, а ступеньки лестницы сделаны из картона. Когда доберешься до верха — если доберешься — остается только падать вниз. А это зачастую болезненно.

Спросите Мухаммеда Али.

Вы, конечно, слышали об Али, троекратном чемпионе мира по боксу в тяжелом весе. На обложку журнала «Sports Illustrated» он попадал чаще, чем любой другой спортсмен. На ринге девизом этого короля бокса было «порхать как бабочка и жалить как пчела». Его свита, целый сонм репортеров, тренеров и прочего персонала, тянулась за ним по всему миру.

Но это было вчера. А где Мухаммед Али сегодня? Спортивный журналист Гэри Смит отправился это выяснить.

Али проводил Смита к напоминающему амбар строению рядом с домом на своей ферме. На полу, прислоненные к стенам, стояли напоминания о лучших годах жизни Али. Фотографии жалеющего и порхающего чемпиона. Скульптурно вылепленное тело. Вскинутый вверх кулак. Торжествующе поднятый чемпионский пояс. «Мы победили в Маниле».

Но на изображениях виднелись белесые потеки — птичий помет. Али глянул на стропила, где жили поселившиеся в его спортзале голуби. А потом он сделал очень важную вещь. Может быть, это был прощальный жест. Может быть, признание безысходности. Как бы то ни было, он подошел к своим фотографиям и перевернул их, одну за другой, изображением к стене. Потом встал в дверях и, глядя куда-то вдаль, заговорил так тихо, что Смиту пришлось переспрашивать. Али повторил:

— Весь мир был мой. И это что-то да значило. А теперь смотреть не на что⁴.

Вертикаль власти — она скользкая.

Император Римской империи Шарлемань (Карл Великий) знал это. С похоронами этого знаменитого монарха связана интересная история. Согласно легенде, он

завещал похоронить себя сидящим на троне. На его голову должна была быть надета корона, а в руку вложен скипетр. На плечах — королевская мантия, а на коленях — раскрытая книга.

Карла похоронили в 814 году от Р. Х. Почти через двести лет император Оттон решил выяснить, была ли исполнена последняя воля умершего. Говорят, что он послал людей вскрыть гробницу и представить ему подробный доклад. Они обнаружили, что завещание Карла было в точности выполнено. Только теперь, спустя два столетия, все выглядело несколько иначе. Корона съехала набекрень, мантия истлела, тело имело ужасный вид. Но на коленях скелета лежала указанная Карлом книга — Библия. Костлявый палец упирался в стих Мф. 16:26: «...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»⁵

Вы можете ответить на этот вопрос.

* * *

Когда у меня начали формироваться все эти мысли о власти, я оказался на банкете.

Между прочим, в списке моих любимых дел в свободный вечерок посещение банкетов находится в самом низу. У меня возникают такие ассоциации: остывшая еда, душные залы, плохая акустика, многословные ораторы, жирные пятна на моем галстуке. Простите мой социальный нигилизм, но я лучше посмотрю хорошее кино или бейсбольный матч.

Данный банкет отнюдь не предназначался для того, чтобы помочь мне побороть свои предубеждения. Это была церемония награждения, слишком многолюдная и слишком поздно начавшаяся. Распорядителю было очень трудно привлечь и удержать внимание публики. Конкуренцию ему составил эскадрон официантов, пронесившихся по залу каждые тринадцать секунд. Награды вручались с утомительно подробными разъяснениями. В ответ произносились благодарственные — и не менее затянутые — речи. Я начал посматривать на часы и грызть кубики льда.

Тогда-то нам и был представлен царь.

«Настоящий царь?» — вглядывался я, думая, что увижу корону и мантию. Их не было. Я увидел, что на сцену почтительно препроводили элегантно одетого молодого человека.

«Так вот, значит, как выглядят цари», — подумал я. Другие, по-моему, тоже были заинтригованы. Все притихли.

Царя звали Гудвилл. Семнадцатый монарх зулусов, африканской народности. Титул впечатляющий. Но еще важнее мне показался тот факт, что у царя Гудвилла тоже есть Царь. Гудвилл — верующий. Он признал Христа своим Господом и призвал свой народ следовать его примеру.

Хотя примечательной была вся речь царя Гудвилла, в свою записную книжку я записал первую его фразу:

— Я царь, но приветствую вас как моих братьев.

Царь, который считает меня своим братом. Монарх принимает меня в свою семью. Мне даруется причастность к царству.

Его слова напомнили мне о другом Царе, Который поступал так же.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

«Будь политиканом, — лгал змей, — и станешь как Бог».

«Будь миротворцем, — обещал Царь, — и наречешься сыном Божиим».

Что предпочли бы лично вы? Сделаться «царем горы» на день-другой? Или навечно стать чадом Божиим?

У детей Божьих есть и еще одно преимущество. Коль скоро вы — дитя Божье, то что может предложить вам мир? Можно ли получить лучший титул, чем тот, что у вас уже есть?

Ответьте на такой вопрос: пройдет тысяча лет, и будет ли иметь значение, какой титул получили вы от мира сего? Нет, значение будет иметь лишь одно — чье вы дитя.

И последнее замечание о том банкете. По его окончании я немного задержался, надеясь еще посмотреть на царя. Сначала я не смог его найти. Потом заметил вместе с женой и свитой в боковом вестибюле. И знаете, что они делали? Хохотали! Должно быть, кто-то отколол по-настоящему убойную шутку, потому что они просто пополам сгибались.

Смеющийся царь. Приятно посмотреть.

Я не назвал бы смех до колик в животе атрибутом игр во власть. Это, скорее, одна из радостей жизни. Думаю, когда ты царь, тебе не приходится много волноваться о своем статусе; ведь у тебя уже есть все, что тебе нужно.

Это относится и к детям нашего Царя.

Я подумываю о том, чтобы на следующем банкете заложить салфетку за воротник.

Блаженны изгнанные за правду...

Глава 16

ТЕМНИЦА СОМНЕНИЙ

Он был сыном пустыни. Смуглое лицо. Дубленая кожа. Одежда из шкур животных. Вся его собственность умещалась в одной котомке. Стенами для него были горы, а потолком — звездное небо.

Но так было раньше. Сейчас простор от него отгорожен, горизонт скрыт. Звезды сияют лишь в памяти. О свежем воздухе можно только мечтать. И тюремный смрад непрестанно напоминает сыну пустыни, что отныне он — царский узник¹.

В какой-нибудь другой книге Иоанн Креститель заслужил бы лучшее обхождение. В конце концов, разве он не предтеча Христа? Разве не родственник Мессии? И уж во всяком случае, разве не от него исходил бесстрашный призыв к покаянию?

И вот что случилось совсем недавно. Этот призыв открыл двери не к духовному возрождению, а двери в темницу. Для него самого.

Беды Иоанна начались с того, что он призвал к ответу царя. Во время поездки в Рим царь Ирод поддался чарам Иродиады, жены своего брата. Решив, что пусть лучше Иродиада будет его женой, чем невесткой, он развелся с прежней своей женой и перевез Иродиаду к себе во дворец.

Бульварная пресса была в восторге, только Иоанн Креститель рассердился. Он накинулся на Ирода, как скорпион, объявив этот брак тем, чем он и был на самом деле, — прелюбодеянием.

Ирод мог бы и не трогать Иоанна. Но не Иродиада. Порочная соблазнительница вовсе не хотела разоблачения своих честолюбивых амбиций. Она предложила Ироду лишить Иоанна права голоса, поместив его в темницу. Ирод откашливался и что-то мямлил, пока она его обхаживала и все нашептывала свое. Наконец, Ирод уступил.

Но царице этого было мало. Она устроила сольное выступление своей дочери на пышном банкете Ирода с его министрами. Ирод, которого одурачить было так же легко, как очаровать, заявил прелестному юному созданию в стрингах, что выполнит любую ее просьбу.

— Любую?

— Только назови, — облизывался Ирод.

Она посоветовалась с матерью, ждавшей за кулисами, и вернулась с указаниями.

— Хочу Иоанна Крестителя.

— Ты хочешь свидания с пророком?

— Я хочу его голову, — ответила танцовщица. А затем, поощряемая кивками матери, добавила: — На серебряном блюде, если вас не затруднит.

Ирод посмотрел на лица окружающих. Он знал, что это будет несправедливо, но он также знал, что все застыли в ожидании. И ведь он обещал выполнить любую просьбу. Хотя лично он ничего не имел против этого провинциального проповедника, мнение подданных значило для него больше, чем жизнь Иоанна. В конце концов, что важнее — сохранить свое лицо или голову какого-то сумасбродного пророка?

Сюжет отдаёт отвратительной несправедливостью.

Иоанн погиб из-за похотей Ирода.

Добро убито, а зло ухмыляется.

Человек Божий умирает, пока человек страстей подмигивает собственной племяннице.

Так ли Бог вознаграждает Своих помазанников? Так ли ценит верных? Так ли венчает Своих избранных? Разве для них — темница и сверкнувшее во мраке лезвие?

Иоанн не мог смириться с такой несообразностью. Еще до того, как Ирод вынес ему приговор, он мучился многими вопросами. Душа его металась ничуть не меньше, чем металось по тесной камере тело. Когда появилась возможность обратиться к Иисусу, в вопросе Иоанна засквозило отчаяние:

«Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»²

* * *

Обратим внимание на то, чем продиктован вопрос Иоанна. Дело было не в темнице и даже не в грозящей Иоанну смерти. Главной была проблема несбывшихся ожиданий — тот факт, что Иоанн в беде, а Иисус занят все тем же, чем и обычно.

Так ли поступают Мессии в гибельное время? Так ли действует Бог, когда Его последователи попадают в беду?

Молчания Иисуса было достаточно, чтобы плотина веры Иоанна дала течь. «Ты ли это? Или я следовал не за тем Господом?»

Если бы Библию писали в агентстве по связям с общественностью, этот стих вычеркнули бы. Далеко не лучшая пиар-стратегия — признать, что у одного из министров возникли сомнения относительно президента. Нельзя даже давать пищу для подобных слухов, когда стараешься укрепить партийное единство.

Но Писание было создано не рекламщиками; его творцов вдохновлял вечный Бог, Который знал, что отныне каждый ученик побывает в своей темнице сомнений.

Хотя обстоятельства меняются, сомнения остаются.

Вопросы возникают каждый раз, когда верные страдают от рук неверующих. Каждый раз, когда человек делает шаг в верном направлении, но тут же падает из-за подножки, когда творит добрые дела, но получает плачевный результат, когда занимает твердую позицию, но почва уходит из-под ног... вопросы так и сыплются:

«Если Бог так хорош, почему мне так плохо?»

«Если Бог действительно есть, почему нет ответа?»

«Что я сделал, чтобы заслужить такое?»

«Не допустил ли тут Бог ошибку?»

«Почему праведные претерпевают гонения?»

В своей книге «Разочарование в Боге» Филип Янси приводит одно письмо, в котором проблема несбывшихся ожиданий поднимается во всей своей мучительной реальности. Мег Вудсон уже потеряла двоих своих детей из-за муковисцидоза, и смерть ее дочери в возрасте двадцати трех лет стала особенно тяжелым ударом. Приведенные ниже слова выражают ее боль и сомнения в попытках осмыслить произошедшее:

Я сидела у ее постели. За несколько дней до смерти Пегги стала кричать. Никогда не забуду этот пронзительный, хриплый, примитивный вопль. <...> Что сказать о Боге? Ведь Он-то способен помочь, но Он смотрел, как умирает молодая девушка, всей душой преданная Ему, готовая отдать жизнь ради Его славы. И Он не вмешивался, Он допустил, чтобы список жертв муковисцидоза увеличился еще на одну единицу³.

Сидит ли иногда Бог сложа руки? Предпочитает ли Он иногда ничего не делать? Решает ли Он по временам молчать, даже если я захожусь в ужасном крике?

* * *

Некоторое время назад я повел свою семью в магазин, чтобы купить велосипед пятилетней Дженне. Она выбрала блестящий «старлетт» с удлиненным седлом и двумя дополнительными колесиками для устойчивости. А трехлетняя Андреа решила, что тоже хочет такой.

Я объяснил Андреа, что она еще слишком мала. Я сказал ей, что она и трехколесным-то велосипедом еще не совсем овладела, а уж с двухколесным ей никак не справиться. Безуспешно, она все равно хотела такой велосипед. Я обещал ей купить его, когда она чуть-чуть подрастет. Она молча смотрела на меня.

Я попытался сказать, что такой большой велосипед принесет ей больше мучений, чем удовольствия, больше царапин, чем восторгов. Она отвернулась и ничего не говорила.

Наконец я со вздохом сказал, что папе виднее насчет этого велосипеда. Знаете, что она сделала? Она закричала так громко, что слышно было всем в магазине:

— Тогда я хочу другого папу!

Хотя это слова ребенка, они выражают чувства многих взрослых.

Разочарование требует перемены власти. Когда мы не соглашаемся с тем, кто принимает решения, мы зачастую ведем себя так же, как Андреа — или как Иоанн. «Годится ли он вообще для этого?» Как спрашивал Иоанн: «Ты ли — Он? Или ждать нам другого?»

Андреа с ее разумом трехлетки поверить не могла, что новый велосипед ей не подойдет. С ее точки зрения, он оказался бы источником вечного блаженства. И, с ее же точки зрения, тот, кто мог бы подарить ей это блаженство, просто «сидел сложа руки».

Иоанн не мог поверить, чтобы что-то другое, кроме его немедленного освобождения, могло бы оказаться самым правильным решением. По его мнению, пора было восстановить справедливость и начать действовать. Но Тот, Кто мог бы это сделать, «сидел сложа руки».

Я не могу поверить, что Бог молча сидит, когда где-то начинаются гонения на миссионеров, или христианина подвергают дискриминации из-за его религиозных убеждений, или верующую жену обижает неверующий муж. Это всего лишь три пункта из моего списка молитвенных нужд — три ситуации, о которых я молюсь, но не слышу ответа.

Простое правило: туман сомнений возникает, когда теплый и влажный воздух наших ожиданий встречается с холодным фронтом Божьего молчания.

Если вы слышите только молчание Бога, если вы остаетесь в темнице сомнений, то не закрывайте эту книгу, пока не прочтете следующую главу. Вы сможете узнать, как узнал Иоанн, что проблема не столько в молчании Бога, сколько в вашей способности слышать.

...Ибо их есть Царство Небесное.

Глава 17

ЦАРСТВО, РАДИ КОТОРОГО СТОИТ УМЕРЕТЬ

«...Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют...»¹

Таков был ответ Иисуса на отчаянный вопрос Иоанна Крестителя из темницы сомнений: «...Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»²

Однако прежде чем углубляться в то, что сказал Иисус, сделаем пару замечаний о том, чего Он не стал говорить.

Прежде всего, Он не рассердился. Он не воздел с возмущением руки. Он не вскричал: «Да что еще Я должен сделать для Иоанна?! Я уже стал плотью! Я уже три десятилетия безгрешен. Я разрешил ему крестить Меня. Что ему еще надобно? Пойдите и скажите этому неблагодарному поедателю саранчи, что его неверие просто возмутительно».

Он мог бы так поступить (я бы так и поступил).

Но Иисус поступил иначе. Отметьте этот факт: Бог *никогда не отворачивается от вопросов искренних искателей истины*. Ни от вопросов Иова, Авраама, Моисея, Иоанна, Фомы, Макса, ни от ваших вопросов.

Но заметьте также, что Иисус не спас Иоанна. Тот, Кто ходил по воде, легко мог бы повлиять на разум Ирода, но не стал. Тот, Кто изгонял бесов, мог бы разогнать войско царя, но не стал. Никакого плана операции спасения. Никакой атаки спецназа. Никаких обнаженных мечей. Только слова — слова о Царстве.

«Скажите Иоанну, что все идет как задумано. Царство приближается».

В словах Иисуса заключено нечто намного большее, чем в пророчествах Исаии³. Это проповедь приблизившегося Царства Небесного.

Несравненного Царства. Невидимого Царства. Царства, имеющего три особенности.

Прежде всего, это Царство, в которое вхожи отверженные.

«...Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат...» Никого так не сторонились в том обществе, как слепых, хромых, прокаженных и глухих. Им не было места. Они были безымянными. Не имевшими ценности. Ходячие язвы общества. Лишние люди на обочине дороги. Но тех, кого остальные считали отбросами, Иисус почитал за сокровище.

В моем шкафу висит вязаный жакет, который я почти не надеваю. Он мне мал. Рукава слишком короткие, в плечах жмет. Уже и пуговиц не хватает, и локти протерлись. Мне следовало бы его выбросить. Никакой пользы от него нет. Я больше никогда не буду его носить. Логика диктует, что нужно освободить место в шкафу, избавившись от этого жакета.

Это диктует мне логика.

Но любовь запрещает.

Есть в этом жакете нечто особенное, что заставляет меня бережно хранить его. И что же это? Ну, для начала, на нем нет этикетки. Ни с лицевой, ни с изнаночной стороны не найдете вы ярлычка с надписью «Made in Taiwan» или «Стирать в холодной воде». Этикетки нет, потому что жакет изготовлен не на фабрике. На него не пришивали ярлычков на конвейере. Это не произведение безвестной работницы, зарабатывающей себе на пропитание. Это труд заботливой матери, вложившей в него свою любовь.

Этот жакет уникален. Он — единственный в своем роде. Его ничем нельзя заменить. Каждая его нить заботливо подобрана к другой. Каждая петля связана с любовью.

И хотя пользы от жакета не осталось, его ценность для меня не стала меньше. Он ценен не тем, для чего нужен, а тем, кто его сделал.

Должно быть, о чем-то таком думал псалмопевец, когда написал: «...Ты... соткал меня во чреве матери моей»⁴.

Задумайтесь об этих словах. Вы сотканы. Вы — не случайность. И не продукт массового производства. Вы не сошли с конвейера. Вас задумал, наделил особыми дарами и с любовью привел на эту землю великий Мастер.

«Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять»⁵.

Для общества, где совсем мало места отведено вторым скрипкам, это добрая весть. Для цивилизации, в которой дверь возможностей открывается только один раз, а потом захлопывается наглухо, это откровение. В системе, где ценность человеческого существа определяется тем, сколько он зарабатывает, или насколько красивые у него ноги... позвольте мне сказать вам одну вещь: замысел Иисуса дает нам причину для радости!

Иисус сказал Иоанну Крестителю, что грядет новое Царство — Царство, в котором люди ценятся не за то, что они делают, а за то, Чьи они.

Вторая особенность Царства — такая же могучая, как первая: «...мертвые воскресают...» Смерть лишена власти.

Год 1899 ознаменовался смертью двух выдающихся людей — это были Дуайт Л. Мооди, признанный проповедник, и Роберт Ингерсолл, знаменитый адвокат, оратор и политический деятель.

У этих двух людей было много общего. Оба воспитывались в христианских семьях. Оба были прекрасными ораторами. Оба много ездили по стране и пользовались большим авторитетом. Оба собирали огромные толпы слушателей и завоевывали себе преданных сторонников. Но существовало и поразительное различие между ними — в части их отношения к Богу.

Ингерсолл был агностиком, приверженцем натурализма; в вечность он не верил, делая упор на важности жизни здесь и сейчас. Ингерсолл свысока относился к Библии, утверждая, что «свобода мысли даст нам познать истину». Библию он определял как «басни, непристойность, притворство, подлог и ложь»⁶. Он резко выступал против христианской веры. Он заявлял, что христианский «символ веры — невежественное прошлое, которое издевается над просвещенным настоящим»⁷.

У современника Ингерсолла проповедника Дуайта Мооди были другие убеждения. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы говорить умирающим о воскресшем Царе. Он воспринимал Библию как надежду для рода человеческого, а распятие — как переломный момент истории. Его наследием стали произнесенные и записанные проповеди, образовательные учреждения, церкви, преобразование жизни множества людей.

Два человека. Оба — авторитетные ораторы и влиятельные деятели. Один отвергал Бога, другой принимал Его. Последствия их жизненного выбора яснее всего видны в том, как они умерли. Почитаем, как один из биографов сравнивает две эти смерти.

Ингерсолл умер внезапно. Весть о его смерти сразила его семью. Тело умершего оставалось в доме на протяжении нескольких дней, потому что вдова не хотела с ним расстаться. В конце концов, ее убедили это сделать ради здоровья семьи.

Останки Ингерсолла были кремированы, а восприятие обществом его кончины оказалось весьма мрачным. Для человека, связывавшего все свои упования с этим миром, смерть стала трагедией без какой-либо утешительной надежды.

Другим оказалось наследие Мооди. 22 декабря 1899 года проповедник встретил свой последний зимний рассвет. Заметно утратив силы за ночь, он заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Земля уходит, передо мной открываются небеса!

Его сын Уилл, находившийся неподалеку, поспешил к постели отца.

— Отец, ты гредишь, — сказал он.

— Нет, это не сон, Уилл, — ответил Мооди. — Это прекрасно. Это как экстаз. Если это смерть, она сладка. Бог призывает меня, и я должен идти. Не зовите меня назад.

К этому времени семья собралась вокруг него, а через несколько мгновений великий проповедник умер. Это был день его коронации — день, которого он ждал много лет. Он пришел к своему Господу.

В прощании с Дуайтом Мооди отразилась та же убежденность. Отчаяния не было. Близкие собрались, чтобы восславить Бога в торжественном домашнем богослужении. Многим вспомнились слова из речи, произнесенной проповедником в том самом году в Нью-Йорке: «Однажды вы прочитаете в газетах, что Мооди умер. Не верьте ни единому слову. В то мгновение я буду жив больше, чем сейчас... Я родился от плоти в 1837 году, я родился от Духа в 1855 году. То, что рождено от плоти, может умереть. То, что рождено от Духа, будет жить вечно»⁸.

Иисус посмотрел в глаза ученикам Иоанна и передал Свой ответ: «...скажите Иоанну, что... мертвые воскресают...» Иисус не забыл об узлах Иоанна. Он не закрывал глаза на его бедственное положение. Но Он готовил освобождение от уз более страшных, чем в темнице Ирода; Он готовил освобождение от уз смерти.

* * *

И на этом Иисус не остановился. Он добавил еще одно свидетельство, чтобы разогнать туман сомнений в сердце Иоанна: «...нищие благовествуют...»

Несколько месяцев назад я опаздывал на самолет, вылетающий из аэропорта Сан-Антонио. Не так уж сильно, но достаточно, чтобы меня успели вычеркнуть из списка и отдать мое место кому-то из ждущих оказии пассажиров.

Когда служащая авиакомпании сказала, что мне не удастся улететь этим рейсом, я попытался пустить в ход всю свою силу убеждения.

— Но ведь самолет еще не улетел.

— Да, но вы приехали слишком поздно.

— Я приехал до того, как самолет улетел. Разве это поздно?

— Правила гласят, что вы должны подойти сюда не позднее, чем за десять минут до времени отправления рейса. Последний срок истек две минуты назад.

— Но, мадам, — просил я, — мне необходимо сегодня вечером быть в Хьюстоне.

Она была терпелива, но тверда:

— Сожалею, сэр, но правила гласят, что пассажир должен подойти к выходу за десять минут до времени отправления рейса.

— Я знаю, что гласят правила, — объяснял я. — Но я не взываю к справедливости, я взываю к милосердию.

Она отказала мне в милосердии.

Однако Бог не отказывает. Пусть я и виновен «по правилам», но по Божьей любви получаю еще один шанс. Хотя я осужден по закону, но в силу милосердия могу начать все сначала.

«Ибо благодатью вы спасены через веру... не от дел, чтобы никто не хвалился»⁹.

Ни в одной другой из мировых религий нет такого принципа. Все остальные требуют правильного поведения, правильных жертвоприношений, правильных песнопений, правильных обрядов, правильной медитации или молитв. Их Царство, в сущности, «бартер», купля-продажа. Сделай то, и Бог даст тебе это.

Каков итог? Самонадеянность или страх. Самонадеянность, если думаешь, что достиг Царства, и страх, если боишься, что нет.

В Царстве Христа все полностью противоположно. Это Царство для нищих. Царство, вход в которое *даруется*, а не *покупается*. Ты допущен в Божье Царство. Ты «усыновлен». И происходит это не тогда, когда ты сделаешь достаточно, а когда ты признаешь, что *не можешь* сделать достаточно. Ты этого не заслуживаешь; ты просто это получаешь. И в итоге ты совершаешь служение не из самонадеянности или страха, а из благодарности.

Недавно я прочитал рассказ о женщине, которая много лет жила с суровым, грубым мужем. Каждый день он оставлял ей список дел, которые необходимо сделать к вечеру, к его возвращению домой. «Убрать во дворе. Уложить дрова в поленницу. Вымыть окна...»

Если она не справлялась с заданием, он приходил в бешенство. Но даже если она выполняла все пункты списка, муж никогда не был доволен; в сделанном ею он находил всевозможные изъяны.

Когда тот муж скончался, она вышла замуж во второй раз — за человека, который относился к ней с трогательной нежностью и обожанием.

Однажды, разбирая ящик со старыми бумагами, она наткнулась на один из списков ее первого мужа. Она внимательно его просмотрела, и вдруг слезы радости закапали на листок.

— Я по-прежнему делаю все это, но никто мне не приказывает. Я делаю это, потому что люблю его.

В этом — неповторимое чудо нового Царства. Его подданные трудятся не для того, чтобы попасть на небеса; они трудятся, *потому что* попадут на небеса. Вместо самонадеянности и страха — радость и благодарность.

* * *

Приход такого Царства и провозглашает Иисус — Царства любви, вечной жизни и прощения.

Мы не знаем, как воспринял Иоанн переданные ему слова Иисуса, но можем это себе представить. Мне хочется думать, что легкая улыбка озарила лицо Иоанна, когда он услышал слова своего Наставника.

— Вот оно что... Вот каким будет Царство. Вот что сделает Царь.

Теперь он понял. Дело не в том, что Иисус молчал; дело в том, что сам Иоанн хотел услышать неверный ответ. Иоанн ждал ответа о своих земных бедах, тогда как Иисус занимался его обустройством на небесах.

Об этом стоит помнить в следующий раз, когда вы услышите молчание Бога.

Если вы просили себе супруга, но постель ваша по-прежнему пуста... если вы молились о ребенке, но чрево все еще бесплодно... если вы молились об исцелении, но болезнь не уходит... не думайте, что Бог вас не слушает. Он слышит. И отвечает на просьбы, которые вы даже не высказывали.

Святая Тереза Авильская⁷ была достаточно мудра, чтобы молиться: «Не наказывай меня, даруя то, чего я хочу или о чем прошу»¹⁰.

⁷ Святая Тереза Авильская (1515-1582) — испанская монахиня и писательница. — *Примеч. пер.*

У апостола Павла хватило честности написать: «...мы не знаем, о чем молиться, как должно...»¹¹

По сути дела, Иоанн Креститель не просил слишком многого, он просил слишком малого. Он просил Отца уладить то, что временно, тогда как Иисус занимался тем, что вечно. Иоанн просил о помощи здесь и сейчас, а Иисус готовил спасение в грядущем.

Означает ли это, что Иисусу и дела нет до несправедливости? Нет. Он заботится о гонимых. Ему небезразличны неравноправие, голод и предубеждения. И Он знает, каково нести наказание за то, чего не совершал. Он знает, что значит кричать: «Да это же неправильно!»

Ведь не было правильно, что люди плевали в глаза Тому, Кто их оплакивал. Не было правильно, что воины бичами окровавили спину своего Спасителя. Не было правильно, что гвоздями пронзили руки, сотворившие землю. И не было правильно, что Сын Божий вынужден был слышать молчание Бога.

Это не было правильно, но это произошло.

Ведь пока Иисус был на кресте, Бог действительно сидел сложа руки. Он отвернулся. Он не слушал стоны Невинного.

Он хранил молчание, когда грехи всего мира возлагались на Его Сына. И Он ничего не сделал, когда крик в миллион раз отчаяннее, чем упрек Иоанна, ударился в мрачное небо: «...Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»¹²

Было это правильно? Нет.

Было это честно? Нет.

Была это любовь? Да.

В мире несправедливости Бог единожды и навсегда склонил чашу весов в сторону надежды. И сделал Он это Своими руками, чтобы мы смогли познать Царство Божье.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда...

Глава 18

НЕБЕСНЫЕ ОВАЦИИ

Я почти дома. Пять дней, четыре кровати в разных отелях, одиннадцать ресторанов, двадцать две чашки кофе — и я почти дома. Восемь самолетных кресел, пять аэропортов, две задержки рейса, одна прочитанная книжка, пятьсот тринадцать пакетиков арахиса — и я почти дома.

Подо мной подрагивает пол салона. Позади плачет младенец. С боков переговариваются какие-то бизнесмены. Но важно только то, что впереди — мой дом.

Родной дом. Проснувшись сегодня утром, я первым делом подумал о нем. Сходя с последней кафедры, я первым делом подумал о нем. Поблагодарив служащую в последнем аэропорту, я первым делом подумал о нем.

Нет другой такой двери, как дверь родного дома. Нет лучше места, чтобы вытянуть ноги, чем под столом у себя дома. Никакой кофе не сравнится с кофе из твоей домашней турки. Нет вкуснее еды, чем домашняя. И никакие объятия не сравнятся с объятиями родных и близких.

Родной дом. Самая долгая часть возвращения домой — часть последняя, когда самолет рулит от взлетно-посадочной полосы к терминалу аэропорта. Я из тех, кого стюардессы всегда по два раза просят оставаться на своих местах. Это я сижу, одной рукой взявшись за свой кейс, а другой — за застежку ремня безопасности. Я усвоил, что есть критическая доля секунды, за которую можно успеть прорваться по проходу в салон первого класса, прежде чем поток пассажиров начнет выливаться в дверь.

Я веду себя так не в каждом полете. Только когда возвращаюсь домой.

Когда я выхожу из самолета, мое сердце вздрагивает. У меня едва не дрожат руки, пока я спускаюсь по трапу. Я иду след в след за пассажиром впереди. Тискаю свою сумку. Мой желудок сжимается. Ладони потеют. В зал прибытия я вхожу, как актер выходит на сцену. Занавес поднят, и публика стоит полукругом. Большинство встречающих видят, что я не тот, кто им нужен, и смотрят мимо меня.

Но вот сбоку я слышу знакомый крик двух маленьких девочек:

— Папочка!

Повернувшись, я вижу милые умытые личики. Это мои дочки встали на кресла и прыгают от радости, что главный мужчина в их жизни идет к ним. Дженна на минутку перестает прыгать, чтобы захлопать в ладоши. Она встречает меня аплодисментами! Не знаю, кто ее этому научил, но уж будьте уверены — я не стану говорить ей, чтобы она сейчас же прекратила.

За ними я вижу третье личико — маленькая Сара, всего-то нескольких месяцев отроду. Она сладко спит, но слегка морщит лобик от шума.

И тогда я вижу и четвертое лицо — моя жена Деналин. Каким-то образом она нашла время, чтобы сделать себе прическу, надеть новое платье, придать себе праздничный вид. Каким-то образом, хотя и уставшая, и утомленная, она дает мне почувствовать, что важнее всего, как прошла неделя у меня. Лица родных.

Именно поэтому так неотразимо звучит обетование в конце заповедей блаженства: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» Какова наша награда? Родной дом.

* * *

Книгу Откровение можно было бы называть «Книгой возвращения домой» — ведь в ней мы видим изображение нашего дома на небесах.

От слов Иоанна о нашем будущем перехватывает дыхание. Его описание последней битвы очень красочно. Добро сходит в бою со злом. Святые противостоят грешникам. Страницы книги наполнены отзвуками рева драконов и отблесками пламени из озера огненного. Но посередине поля битвы растет роза. Иоанн говорит об этом в 21-й главе Откровения:

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое¹.

Иоанн был уже стар, когда писал эту книгу. Годы берут свое. Тело изношено. Друзей больше нет с ним. Петр убит. Павел замучен. Андрей, Иаков, Нафанаил... теряющиеся в дымке фигуры из дней юности.

И когда любимый ученик Иисуса слышит голос с престола, мне интересно, вспоминает ли он тот день, когда слышал этот голос на горе? Ведь это тот же самый Иоанн и Тот же самый Иисус. Те же ноги, что давным-давно поднимались за Иисусом на гору, вновь готовы повести Иоанна вслед за Ним. Те же глаза, что видели, как Назарянин проповедует с вершины, опять вглядываются в Него. Те же уши, что слышали, как Иисус в первый раз говорил о священной отраде, снова слышат эти откровения.

В этой заключительной встрече на вершине горы Бог отдергивает занавес и дает Иоанну по-настоящему взглянуть на отчизну. Получив задание описать, что он увидел, Иоанн выбирает самое красивое сравнение, какое можно найти на земле.

Святой город, говорит Иоанн, «как невеста, украшенная для мужа своего».

Что может быть прекраснее невесты? Одно из дополнительных преимуществ пасторского служения — то, что я могу первым увидеть невесту, когда она появляется в ведущем к алтарю проходе. И должен сказать, что никогда не видел некрасивой невесты. Я видел женихов, которым не помешало бы сходить к косметологу, но не невест. Может быть, дело в этой ауре белизны, которая окружает невесту, как роса розу. А может быть, это жемчужное сияние в ее глазах. Или краска любви, от которой розовеют щеки, или букет обещаний, который она несет с собой. Как бы то ни было, когда смотришь на невесту, всегда возникает ощущение, что видишь перед собой чистейшую красоту, какой только может похвалиться мир.

Невеста. Любовь и верность в изящнейшем облачении. «Я навеки буду с тобой». День завтрашний несет надежду сегодняшнему. Исполнившееся обещание чистоты.

Когда вы читаете, что наш небесный дом подобен украшенной невесте, скажите, разве вам не хотелось бы вернуться домой?

Мой мир, тот мир, в котором я проснулся сегодня утром, нельзя сравнить с невестой, украшенной для своего мужа. А ваш можно?

Часть того мира, в котором я проснулся, погружена в скорбь. Подросток в предрассветной тьме лишил себя жизни. Записки нет. Объяснения отсутствуют. Только сраженная горем мать и мучительно недоумевающий отец, обреченные теперь вечно терзаться вопросами, на которые уже не узнать ответа.

Часть того мира, в котором я проснулся, лишилась иллюзий. Еще одного лидера нации обличили в обмане. Из сетевых новостей мы узнали, что он с трудом сдерживал слезы и негодование. Еще поколение назад мы согласились бы с «недоказанностью ввиду возможных сомнений». Но не в наше время.

Часть того мира, в котором я проснулся сегодня утром, просто ужасна. Трехлетней девочке перерезал горло родной отец. Студента медицинских курсов расчленили и принесли в жертву сатанисты. Муж после тридцати лет брака сбежал с другим мужчиной (нет, не с женщиной, именно с мужчиной).

При взгляде на этот мир, запятанный кровью невинных и испачканный эгоизмом, разве не хотелось бы вам вернуться домой?

Вот и мне тоже.

Как говорит нам священнописатель, когда мы вернемся домой, Сам Бог утрит наши слезы.

В юности меня окружало множество людей, способных утереть мои слезы. У меня были две взрослые сестры, готовые приютить меня под своим крылышком. У меня была добрая дюжина дядюшек и тетушек. По ночам мать работала сиделкой, а днем — моей мамой, то и другое делая с нежностью и заботой. У меня даже был брат на три года старше, который иногда мне сочувствовал.

Но, думая о человеке, утирающем мои слезы, я вспоминаю отца. Руки у него были мозолистые, жесткие, пальцы — короткие и сильные. И когда он утирал мне слезу, появлялось чувство, что он утирает ее навсегда. Было в его прикосновении что-то такое, что не просто убирало каплю обиды с моей щеки, но и изгоняло мой страх.

Иоанн говорит, что однажды Бог отрет всякую вашу слезу. Та же рука, что распростерла небеса, прикоснется к вашей щеке. Те же ладони, что громоздили горы, будут ласково гладить вас по лицу. Те же руки, что содрогнулись от боли, когда их пробил римский гвоздь, однажды обнимут вас и утрут ваши слезы. Навсегда.

При мысли о мире, где не будет причин плакать, разве не хотелось бы вам вернуться домой?

«...Смерти не будет уже...» — провозглашает Иоанн. Можете себе это представить? Мир без катафалков и моргов, без кладбищ и надгробий. Можете вообразить себе мир, где никогда не кидают землю на гроб? Не высекают имен на надгробных плитах? Где нет похорон. Нет траурных одежд. Не существует погребальных венков.

Если одна из радостей пасторского служения — вид идущей к алтарю невесты, то одна из его печалей — вид тела в лакированном ящике, который стоит перед кафедрой. Прощание никогда не бывает легким. Всегда трудно повернуться и уйти. Самое тяжелое в этом мире — поцеловать на прощание холодные губы, которые не шевельнутся в ответ. Самое тяжелое в этом мире — прощаться.

В грядущем мире, говорит Иоанн, прощаний не будет.

Скажите, разве не хотелось бы вам вернуться домой?

* * *

Самые обнадеживающие слова в этом отрывке из Откровения вот эти: «...се, творю все новое». Они произнесены Богом.

Тяжело смотреть, как все стареет. Городок, в котором я рос, состарился. Я был там недавно. Некоторые дома заколочены досками. Другие и вовсе пошли на снос. Часть моих школьных учителей давно на пенсии, другие — на кладбище. Старая киношка, куда я водил девчонок, выставлена на продажу — ей уже никак не выдержать конкуренции с новыми кинозалами, где идет по восемь фильмов одновременно. Единственная оставшаяся жизнь на площадке для автомобилистов перед кинотеатром — это шарики перекаати-поля да крысы. Воспоминания о первых свиданиях и танцах на выпускных вечерах размыты нескончаемым дождем прошедших лет. Мои школьные пассии в разводе. Звезда спортивной группы поддержки умерла от аневризмы. Наш лучший полузащитник похоронен в нескольких шагах от моего отца.

Хотел бы я все это сделать новым. Чтобы можно было сдуть пыль с улиц. Прогуляться по знакомым местам, улыбнуться знакомым лицам, посвистеть знакомым собакам и еще разок пройти все базы на стадионе Малой бейсбольной лиги. Хорошо бы прогуляться по Мейн-стрит, покупая что-нибудь у торговцев, вышедших на пенсию, открывая заколоченные досками двери. Я хотел бы, чтобы я мог сделать все новым... но я не могу.

Моя мать все еще живет в том же самом доме. Ее не уговорить переехать отсюда. Дом, который был в моем детстве таким большим, теперь кажется крошечным. На стенах висят фотографии мамы в молодости — медно-каштановые волосы, неотразимая прелесть лица. Смотрю на нее сейчас — все еще в добром здравии, по-прежнему энергичная, но морщины, седина, замедлившаяся походка... Ах, если бы я мог взмахнуть волшебной палочкой и опять сделать все новым! Если бы

я мог снова перенести ее в объятия того лихого ковбоя, которого она любила и которого ей выпало похоронить. Если бы я мог разгладить морщины, избавить ее от очков, вернуть упругость походки. Если бы я мог сделать все новым... но я не могу.

Я не могу. Но Бог может. «Он... подкрепляет⁸ душу мою...»², — написал пастух. Он не переделывает, Он восстанавливает. Он не приукрашивает старое, Он порождает новое. Строитель достанет первоначальный план и восстановит все как было. Он восстановит бодрость. Восстановит силы. Возродит надежду. Он возродит душу.

Когда вы видите, как этот мир чахнет и стареет, а потом читаете о нашем доме, где все соделано новым, разве вам не хочется вернуться домой?

На что бы вы променяли такой дом? Неужели вы действительно предпочли бы жалкое достояние на земле вечному достоянию на небесах? Неужели вы действительно предпочли бы жизнь в рабстве у своих страстей настоящей свободе? Вы, положив руку на сердце, отказались бы от небесного дворца ради низкопробного мотеля на земле?

«...Велика, — сказал Иисус, — ваша награда на небесах...» Должно быть, Он улыбался, когда говорил это. Должно быть, в глазах Его играла радость, а рука указывала в небо.

Ведь Он об этом знает. Это Его замысел. Это Его дом.

Скоро я буду дома. Самолет приближается к Сан- Антонио. Я чувствую, как он уже ныряет вниз. Я вижу, что стюардессы готовятся к посадке. Деналин сейчас где-нибудь на парковке, поставила машину и торопливо ведет наших девочек к терминалу.

* * *

Скоро я буду дома. Самолет приземлится. Я спущусь по трапу, услышу, как они меня окликают, и увижу их лица. Скоро я буду дома.

Вы тоже скоро будете дома. Возможно, вы этого не заметили, но сейчас вы ближе к небесам, чем когда-либо раньше. С каждым мгновением на шаг ближе. Каждый вдох — перевернутая страница. Каждый день — еще одна пройденная миля, покоренная вершина. Вы ближе к дому, чем когда бы то ни было.

Прежде чем вы это поймете, подойдет назначенный час прибытия; вы спуститесь по трапу и войдете в Город.

Вы увидите лица тех, кто вас ждет. Вы услышите свое имя — зов тех, кто вас любит. И может быть — ну, мало ли — где-то там, позади, за всеми этими людьми, Тот, Кто скорее умрет, чем будет жить без вас, вскинет пронзенные ладони из-под Своих небесных одеяний и... встретит вас овациями.

⁸ В английском переводе, которым пользуется автор: «возрождает». — *Примеч. пер.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Священная отрада

1. 1 Тим. 1:11.
2. 1 Тим. 6:15.

Глава 2. Его вершина

1. «How Americans Are Running out of Time», *Time*, 24 April 1989, 74-76.
2. Мф. 11:28.
3. Walter Burkhardt, *Tell the Next Generation* (Ramsey, NJ: Paulist, 1982), 80, цитируется по: Brennan Mannin, *Lion and Lamb* (Old Tappan, NJ: Chosen, Revell, 1986), 129.

Глава 3. Богатый нищий

1. История о нем рассказана в главах Мф. 19; Мк. 10; Лк. 18.
2. Лк. 18:27.
3. Мк. 10:23.
4. Мф. 7:22.
5. Мф. 7:23.
6. Рим. 8:3.
7. Фредерик Дейл Брунер так поясняет это в своем истолковании Мф. 5:3: «...блаженны те, кто ощущает свою нищету... и поэтому взывает к небесам». Frederick Dale Bruner, *The Christbook: Matthew 1-12* (Waco, TX: Word, 1987), 135.
8. Слово, которым Иисус обозначает «нищих», при употреблении в своем базовом значении «указывает не на бедняка, не на того, кто настолько беден, что вынужден каждый день зарабатывать себе на пропитание, а на нищего, попрошайку, на того, кто живет милостыней». William Hendricksen, *Exposition of the Gospel of Matthew* (Grand Rapids, MI: Baker, 1973), 269.

Глава 4. Царство абсурда

1. См.: Быт. 16-18; 21.
2. См.: Лк. 5.
3. 2 Кор. 12:9.
4. Флп. 3:4-6.
5. 1 Тим. 1:15.
6. Деян. 22:16.
7. 1 Кор. 1:23.
8. 1 Кор. 1:23; Еф. 2:8.
9. 2 Кор. 5:14.

Глава 5. Узилище гордости

1. 1 Ин. 1:9 (курсив мой. — М. И.).
2. Замечательно формулирует это Брунер: «Бог помогает тем, кто не может помочь себе сам, и Бог помогает тем, кто старается помочь другим, но ни в одном из "блаженств" Бог не помогает тем, кто думает, будто бы может помочь себе сам, — идея зачастую безбожная и антисоциальная». *The Christbook*, 152.
3. Мф. 14:28.

Глава 6. Нежное касание

1. Мф. 6:28-33.
2. Мф. 7:11.

Глава 7. Прославленное в обыденном

1. См.: Исх. 4:1-4.
2. См.: 1 Цар. 17.

3. См.: Ин. 9:1-6.

Глава 8. Похититель радости

1. Ian Grey, *Stalin* (Garden City, NY: Doubleday, 1979), 457. Alex De Jonge, *Stalin and the Shaping of the Soviet Union* (New York: William Morrow, 1986), 450.

2. «The Secret Life of Howard Hughes», *Time*, 13 December 1976, 22-41.

3. «John Lennon: In the Hard Day's Light», *People Weekly*, 15 August 1989, 68-69.

4. «In Praise of Courage», *Quest*, November 1980, 23.

5. См.: Мф. 10:1-28.

6. Мф. 10:21-22.

7. Мф. 10:26-31.

8. Мф. 10:26.

9. Евр. 4:13; Дан. 2:22; Мф. 12:36; Пс. 89:8; 1 Кор. 4:5. Ю.Рим. 8:1; 3:26; Деян. 13:39; Евр. 8:12; Кол. 3:3.

11. Евр. 10:19, 22 (курсив мой. — М. JJ.).

12. Мф. 10:27-28.

13. Paul Harvey, *Paul Harvey's The Rest of the Story* (New York, NY: Bantam, 1977), 117.

Глава 9. Утоленная жажда

1. Лк. 22:20.

2. Евр. 10:4.

3. Ин. 7:37.

4. «Недостаточно, чтобы мы просто хотели праведности, если нет у нас жестокой жажды ее» — Св. Иероним, цитируется по: Bruner, *The Christbook*, 142.

5. Мф. 26:28.

Глава 11. Образ Отца в чертах врага

1. Archibald Hart, *The Hidden Link between Adrenaline and Stress* (Waco, TX: Word, 1986), 101, 142-145.

2. Мф. 18:21-35.

3. Мф. 18:34.

4. Рим. 2:4.

Глава 12. Состояние сердца

1. Притч. 4:23.

2. Мф. 15:18-19.

3. Лк. 6:45.

4. Пс. 50:12.

Глава 14. Семена мира

1. Иак. 3:18.

2. Paul Harvey, *Paul Harvey's The Rest of the Story* (New York, NY: Bantam, 1977), 49.

3. Ис. 53:2.

Глава 15. Скользящая вертикаль власти

1. *USA Today*, 22 March 1988, 5D.

2. Henry Emerson Fosdick, цитируется по: *A Guide to Prayer for Ministers and Other Servants* (Nashville: The Upper Room, 1983), 263.

3. Быт. 3:5.

4. Gary Smith, «Ali and His Entourage», *Sports Illustrated*, 16 April 1988, 48-49.

5. Paul Lee Tan, ed., *Encyclopedia of 7700 Illustrations* (Rockville, MD: Assurance Publishers, 1979), 1213-1214.

Глава 16. Темница сомнений

1. Мф. 14:1-12.
2. Мф. 11:2-3.
3. Филип Янси, *Разочарование в Боге*. М.: Триада, 2009. С. 158.

Глава 17. Царство, ради которого стоит умереть

1. Мф. 11:4-5.
2. Мф. 11:3.
3. Ис. 35:5; 61:1.
4. Пс. 138:13.
5. Еф. 2:10.
6. George Sweeting and Donald Sweeting, «The Evangelist and the Agnostic», *Moody Monthly*, July/August 1989, 69.
7. Ibid., 67.
8. Ibid., 69.
9. Еф. 2:8-9.
10. Цитируется по: *A Guide to Prayer for Ministers and Other Servants*, 345.
11. Рим. 8:26.
12. Мф. 27:46.

Глава 18. Небесные овации

1. Откр. 21:1-5.
2. Пс. 22:2-3.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

ВСТРЕЧА С ХРИСТОМ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Написание этой книги не было для автора самоцелью.

Если она выполнит свою задачу, то откроет вам путь к общению с Христом на вершине горы. И следующее ниже руководство предназначается для того, чтобы помочь вам установить эту связь между чтением книги и встречами с Христом.

Таким образом, это не столько изучение книги, сколько изучение проповеди Христа, своего рода катализатор, который поможет книге ввести в сердцевину вашей жизни то, что Он проповедовал. Здесь изучается не одна глава за другой, а одна заповедь блаженства за другой, тогда как содержащиеся в соответствующей главе идеи становятся отправной точкой для ваших собственных размышлений и изысканий.

«Руководство» состоит из десяти занятий. Если вы проводите групповые встречи, можно попробовать работать над материалами одного занятия в неделю (примечание для руководителей групп: поскольку некоторые вопросы в «Руководстве» имеют очень личный характер, ответы вслух должны быть делом добровольным). Если вы прорабатываете «Руководство» в индивидуальном порядке, выберите удобный для вас темп, дожидаясь, чтобы каждая заповедь блаженства оказала свое преобразующее влияние на ваше духовное состояние и черты характера.

Я предлагаю вам на каждую групповую встречу приходить с Библией и блокнотом для записи ваших мыслей и наблюдений. Но еще важнее приходить с молитвенным настроением, будучи в душе открытым для перемен. И заранее приготовьтесь к тому, как удивительна священная отрада встречи с Христом на вершине горы.

* * *

Занятие 1. Главы 1-2

Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел... учил их, говоря: блаженны...

1. Опишите самый счастливый момент своей жизни, который только сможете вспомнить. Укажите некоторые из сопутствующих обстоятельств — кто еще при этом присутствовал, когда это произошло, как долго длилось ваше счастье. А теперь вспомните то время в вашей жизни, когда вы были несчастнее всего. Что тогда произошло? Каким образом обстоятельства вашей жизни влияют на ваши радости и печали?

2. В чем разница между «решением оставаться жизнерадостной», как говорит Беверли Силлс, и тем, чтобы с помощью маски жизнерадостности скрывать или отрицать свое горе? При каких обстоятельствах, если такое вообще бывает, «решение оставаться жизнерадостной» может оказаться негативным решением?

3. Следующие ветхозаветные тексты раскрывают определенные представления о счастье, на которых выросли слушатели Иисуса. Как в каждом случае характеризуется счастливый (блаженный) человек?

- Пс. 1:1-6;
- Пс. 2:10-12;
- Пс. 31:1-2,5-7,10-11;
- Пс. 40:2—4;
- Пс. 83:5-6,12-13;
- Пс. 93:12-13;
- Пс. 111:1-9;
- Притч. 8:1-2, 32-36 (обратите внимание, кто это «говорит»).

4. В главе 1 говорится, что греческое слово, которое Иисус употребляет в заповедях блаженства (*makarios*), встречается также у Павла как характеристика Бога. В другой античной литературе оно обозначает «счастливое состояние богов, возвышающихся над земными страданиями», указывая на «высочайшее счастье жизни без забот, труда и смерти» (*Theological Dictionary of the New Testament*, 4:362). Каким образом употребление Иисусом слова с таким значением раскрывает природу того счастья, которое Он нам обещает?

5. Прочтите Мф. 4:23-25. Какие события в служении Иисуса непосредственно предшествовали Его восхождению на гору для проповеди? Что вы думаете о значении именно такого порядка событий? Почему Иисус ушел на гору со Своими учениками именно в это время?

6. Какое время и какие места лучше всего способствуют тому, чтобы вы «поднялись на вершину горы»? Какие ваши обязанности и занятия обычно этому мешают?

7. В главе 1 говорится, что «до отрады вам остался один решительный шаг». В главе 2 говорится, что «лишь один решительный шаг отделяет тебя от вершины». В чем конкретно состоит этот шаг? Что это за решение?

* * *

Занятие 2. Главы 3-4

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

1. Как в главе 3 трактуется выражение «нищие духом»? Как это соотносится с какими-то прежними вашими представлениями о сути этого изречения из числа заповедей блаженства?

2. В параллельном месте у Луки (см.: Лк. 6:20, 24) сказано, что «богатые» уже получили свою награду на земле и потому не могут ждать награды на небесах. А Иисус прямо говорит богатому юноше из начальствующих, что «трудно богатому войти в Царство Небесное» (см.: Мф. 19:23-24). Считаете ли вы, что первая заповедь блаженства относится в особенности к тем, кто беден в материальном аспекте? Если нет, то почему Матфей приводит это специфическое высказывание именно о материальном богатстве? (некоторые идеи вы можете почерпнуть в примечаниях к данной главе).

3. Назовите три причины, по которым большинству из нас так трудно быть «нищими духом» (как это понимается в разбираемых двух главах). Почему нам никак не хочется признавать свои ошибки и недостатки даже перед Богом и самими собой?
4. Перечислите пять самых главных своих достоинств и пять самых главных недостатков. Затем проанализируйте этот список в свете главы 3. Требуется ли отрицать ваши достоинства или прекратить бороться с недостатками, чтобы стать «нищими духом»? Подразумевает ли это «придирчивость» к самому себе? Почему да или почему нет?
5. Можно ли быть самонадеянным и тревожным в одно и то же время? Какие побудительные мотивы привели богатого юношу из начальствующих к самооправданию и чрезмерным усилиям преуспеть?
6. В чем разница между стараниями обрести спасение и стараниями быть угодным Богу? Между тем, чтобы быть «нищими духом» и плохо распорядиться своими Богом данными дарами?
7. Прочитайте следующие притчи, в которых говорится о «Царстве Небесном»: Мф. 13:24-33, 44-50. Какой дополнительный свет проливают эти притчи на природу Царства, в котором живут «нищие духом»?
8. Прочтите текст Мф. 16:13-20, где рассказывается, при каких обстоятельствах Петр получил новое имя и «ключи Царства Небесного». Какие элементы этого повествования указывают на то, что Петр — «нищий духом»? Что этот текст открывает нам относительно природы Царства?
9. Какие перемены к лучшему вам хотелось бы видеть в своей жизни? Что могло бы стать вашей лучшей стратегией для осуществления этих перемен с точки зрения разбираемых двух глав?

* * *

Занятие 3. Главы 5-6

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

1. Прочитав эти две главы, закончите предложение: «Блаженны плачущие о...» О каких причинах горя говорится в этих главах?
2. Попробуйте описать случаи, когда признание своей неудачи может превратиться в отговорку, в оправдание отказа от деятельности. Какова разница (если она существует) между «плачем» и капитуляцией перед неудачами?
3. У большинства из нас повседневные ситуации не так драматичны, как у Анибала или Петра; наши решения не столь явно сводятся к вопросу жизни и смерти. Как мы могли бы острее сознавать свою нужду в Иисусе даже тогда, когда ситуация далека от кризисной?
4. Прочтите Ос. 7:14 и 2 Кор. 7:9-11. О какого рода плаче здесь говорится? Подразумевается ли он во второй из заповедей блаженства Иисуса?
5. К каким вещам, людям или занятиям (взрослым аналогам утешительных объятий, лейкопластыря и фонарика) вы склонны обращаться в поисках утешения? Помогает ли это вам? Как по-вашему, есть ли что-то внутренне неправильное в таких попытках «спрятаться под одеялом»?

6. Как мы ощущаем Божье утешение в реальной жизни? Какую форму оно принимает и как приходит к нам? Вы когда-нибудь ощущали его (идеи для ответа ищите в Быт. 5:29; 24:67; 1 Пар. 7:22; Иов 6:10; Пс. 22:4; 70:21; 118:50-52; 39:2-6; Ис. 52:70-9; 57:14-19; Ин. 11:19; 15:15-21; 14:1-6; 2 Кор. 1:3-4; 7:6-7)?

7. Как по-вашему, почему столь многие из нас думают, будто Бог не хочет слышать о наших проблемах или устал нас прощать?

8. Прочтите 2 Кор. 1:3-4. При каких обстоятельствах призваны мы быть посредниками между Богом и плачущими?

9. Назовите три способа утешения других людей. Какие способы не действуют? Опишите ситуацию, в которой вы смогли бы кого-то утешить.

10. Как связаны между собой «плачущие» и «нищие духом»? В чем сходство между ними? В чем различие?

* * *

Занятие 4. Главы 7-8

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

1. Как в главе 7 трактуется слово «кроткие»? Чем такое истолкование отличается от ваших прежних представлений о «кротости»?

2. Считаете ли вы себя «обыкновенным»? Почему да или почему нет? Считаете ли вы такую характеристику утешительной или обидной?

3. Подберите синонимы слова «кроткие» в Нагорной проповеди. Идеи для ответа вы можете почерпнуть в текстах Числ. 12:3; Пс. 24:9; Ис. 11:4; 61:1; Мф. 11:29; 1 Пет. 3:4.

4. Что означает быть «кротким» с практической точки зрения, если понимать это слово как готовность позволить Богу пользоваться вами как Своим орудием? Как вы можете узнать, каких дел ждет от вас Бог, если Он не говорит с вами через ангела или из горящего куста?

5. Как вам удастся избежать своеволия или искушения «учить Его, что Ему нужно делать», и все же делать что-то для Иисуса?

6. В главе 8 фраза «кроткие... наследуют землю» истолкована в том смысле, что эти люди не дают себя запугать, не боятся никаких земных авторитетов и властей. Удовлетворяет ли вас такое объяснение? Разве мы не предпочли бы услышать: «Блаженны кроткие, ибо их есть Царство Небесное»? Как по-вашему, почему Иисус говорит здесь именно о «земле»?

7. В Пс. 36:11 тоже сказано, что кроткие наследуют землю. Прочтите Пс. 36:1-17, чтобы воспринять этот стих в контексте. В чем суть сказанного в этом псалме? Согласуется ли это с третьей заповедью блаженства? Позволяет ли этот псалом по-новому взглянуть на данное изречение Иисуса?

8. Расскажите об одном случае из вашей жизни, когда страх помешал вам сделать то, что вы должны были сделать.

9. Какие три способа, которыми мы стараемся побороть свой страх, перечислены в главе 8? К которому из трех вы более склонны прибегать (пусть вас не сбивают с толку примеры «больших людей», этот защитный психологический механизм проявляет себя в самых разных формах)? Приведите пример из своей жизни, когда вы воспользовались одним из этих трех способов защиты.

10. Какие причины для бесстрашия называет Иисус Своим ученикам? Почему благодаря Его словам можно обрести смелость?

11. Что бы вы сделали завтра, если бы у вас была гарантия, что все получится и ничто не сможет повредить вам? Назовите хотя бы одно желание.

* * *

Занятие 5. Главы 9-10

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

1. Недавно на рынке появилась компьютерная программа «Как писать беллетристику», один из предлагаемых ею вопросов звучит так: «Что хочет»? Идея состоит в том, что все сюжеты (а значит, и все повествования) развиваются на основе базовых потребностей и стремлений людей. Если бы вы писали роман о самом себе, как бы вы ответили на этот вопрос? Чего вы больше всего «алчете и жаждете»?

2. Как в главе 9 трактуется понятие праведности? Какое определение дали бы вы сами?

3. Прочтите Мф. 23:27-28. Что так рассердило Иисуса в отношении фарисеев к праведности?

4. Прочтите Рим. 3:10-31. Что этот отрывок (а также Мф. 23:27-28) говорит нам о наших потугах быть праведными благодаря собственным усилиям, хвалиться своей праведностью или считать себя праведными на основании того, что «мы соблюдаем все предписания»? Чем такие люди отличаются от «алчущих и жаждущих правды»?

5. Каким способом мы можем «насытиться», когда мы «алчем и жаждем правды», согласно главам 9-10 книги Лукадо и Рим. 3:21-31?

6. Какова причина того, что «алчущие и жаждущие правды... насытятся», согласно главе 9?

7. Как соотносится жажда праведности с готовностью держать «свои земные сокровища в свободно раскрытых ладонях» и в своей радости полностью зависеть от Иисуса, согласно главе 10?

8. Из главы 10 можно понять, что полностью мы «насытимся» праведностью на небесах. Но можем ли мы хотя бы отчасти ощутить такое насыщение здесь, на земле? Если да, то как?

9. Вернитесь к первым трем заповедям блаженства. Что между ними общего? Чем похоже на них четвертое изречение? Чем оно отличается?

* * *

Занятие 6. Глава 11

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

1. Что, согласно сказанному в главе 11, является противоположностью милосердия?

2. Прочтите Мф. 6:12; 7:1-2. Как эти высказывания из продолжения Нагорной проповеди проясняют идею о том, что милосердие проявляют по отношению к милосердным?

3. Является ли «милосердие» синонимом «прощения»? Почему да или почему нет?

4. Почему так трудно унять свое негодование? Во что нам обходится милосердие?

5. Каким образом озлобленность вредит нам самим? Назовите три конкретных последствия.

6. Благодаря чему способны мы быть милосердными и прощать, согласно главе 11?

7. Перечислите от одного до пяти дел, которые вам надо сделать на следующей неделе либо для возмещения причиненного вами вреда, либо для прощения тех, кто причинил вред вам (будьте честны с собой: если не можете заставить себя простить кого-то или принять Божье прощение, просто напишите, что будете молиться о том, чтобы найти в себе силы для этого).

* * *

Занятие 7. Главы 12-13

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

1. Вытекает ли из утверждения Иисуса о том, что «исходящее» от человека определяет его доброту или злобу, тот факт, что «входящее» особого значения не имеет? Почему да или почему нет?

2. Обратитесь к 3 Цар. 18:26-28 и Деян. 22:3. Можно ли сказать, что чистота — то же самое, что искренность или благие намерения? Может ли человек одновременно быть чистым и вести себя неправильно?

3. Обратитесь к 1 Пет 1:22; 1 Тим. 1:5-8; Ин. 8:31-32. Чем определяется чистота сердца?

4. Теперь вернитесь к Мф. 12:34. Что, согласно этому тексту, является самым важным для чистоты сердца?

5. Должны ли мы непременно добиваться «внутренней чистоты», для того чтобы вести себя праведно и видеть Бога? Почему да или почему нет?

6. Обратитесь к Ин. 14:5-14. Как, согласно сказанному Иоанном, мы можем «увидеть Бога»? В каком свете это раскрывает нам понятие чистоты сердца?

7. В чем разница между теми, кто «строит храмы», и теми, кто «ищет Спасителя», согласно главе 13?

8. Приведите пример из жизни, когда вы или кто-нибудь из ваших знакомых настолько увлеклись исполнением какого-то плана, что совсем забыли о его изначальном смысле. Доводилось ли вам настолько погрузиться в церковные или религиозные дела, что вы утрачивали близость к Богу?

9. В какие периоды своей жизни вы острее всего ощущали, что «видите Бога»? А когда вы могли «видеть» Его только в ретроспективе? В чем разница между «строительством храма» и такого рода «засухами», которые бывают у каждого христианина?

10. В чем предназначение организованной церковной жизни, если те, кто «ищет Спасителя», зачастую находят Его «вопреки храму»? Что мы не можем сделать в одиночку?

* * *

Занятие 8. Главы 14-15

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

1. Как бы вы определили «мир» в соответствии с его пониманием в главе 14? Чем такая концепция мира отличается от более распространенных представлений о нем?
2. Комментатор Библии Дейл Брунер пишет: «Мы, пожалуй, могли бы перевести ключевое здесь слово "миротворцы" как "всетворцы"... Библейское слово *shalom* содержит в себе идею круга; оно означает всестороннее благополучие, благополучие во всех направлениях и аспектах... Если бы можно было без потери смысла перевести эту фразу как "блаженны круготворцы", мы бы так и сделали. В Писании творить мир — это объединять. "Миротворцы приводят к согласию"» (*The Christbook*, 149). Насколько примеры миротворчества, приведенные в данной главе, согласуются с определением Брунера?
3. Прочтите как минимум три из следующих библейских отрывков: Числ. 6:24-26; Пс. 28:11; Лк. 1:76-79; Ин. 14:27; 16:33; Рим. 5:1; 1 Кор. 14:33; Гал. 5:22; Еф. 2:14-17; Флп. 4:7. Каков высший источник мира, согласно перечисленным текстам, а также главе 14 книги Лукадо?
4. Прочтите Иак. 3:13-18. Каковы «предпосылки» миротворчества? Что должно произойти внутри нас, прежде чем мы сможем стать миротворцами?
5. Прочтите Мф. 10:34-39. Бывает ли так, что миротворчество предполагает участие в конфликте, а не уход от него? Может ли миротворчество в каких-то случаях предполагать *развязывание* конфликта? Приведите библейский или современный пример.
6. Достаточно ли просто посеять семена мира? Бывает ли у нас возможность позаботиться о них, помочь им прорасти?
7. Является ли «стремление к власти» базовой составляющей природы человека? Может ли в нем быть что-то положительное? Каким образом мы можем удерживаться от него?
8. Как власть соотносится с миротворчеством? Может ли власть как-то использоваться в *служении* миротворчества? Почему да или почему нет?
9. Напишите имена трех важных для вас людей, которым пошло бы на пользу исходящее от вас миротворческое слово или поступок. Напротив каждого имени набросайте идею, какими могли бы быть для них «семена мира». И наконец напишите конкретную дату и время, когда вы посеете эти семена, а затем придерживайтесь своего плана. Если вы прорабатываете данное «Руководство» в группе, то приготовьтесь рассказать о своих «семенах мира» (не обязательно об их «всходах») на ближайшем занятии. Если индивидуально — подумайте о друге, с которым вы могли бы поделиться своими планами и попросить его контролировать их выполнение вами.

* * *

Занятие 9. Главы 16-17

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

1. Почему, согласно главе 16, Иоанн послал спросить у Иисуса, в самом ли деле Он — Мессия?

2. Опишите ситуацию, в которой вы чувствовали себя гонимым за правду. Чем все закончилось?

3. Какие объяснения молчания Бога вам доводилось слышать? Какие объяснения представляются вам наиболее удовлетворительными? А какие вас не устраивают?

4. Всегда ли гонения и молчание Бога идут рука об руку или это две разные вещи? Почему вы так считаете?

5. Какими способами (как негласно, так и в открытую) христиан преследуют «за правду»?

6. Прочтите Притч. 21:2 и Иер. 17:9. Как, согласно этим отрывкам, мы можем объяснить преследующие нас невзгоды? Каким образом мы можем убедиться, что нас преследуют «за правду», что мы страдаем за правое дело?

7. В главе 17 утверждается, что «Бог никогда не отворачивается от вопросов искренних искателей истины». Как вы относитесь к идее о том, чтобы задавать вопросы Богу? Какие вопросы вы хотели бы задать Богу, оказавшись на небесах?

8. Книга Иова — еще одно библейское повествование о человеке, который, испытывая незаслуженные страдания, мучился из-за кажущегося молчания Бога. Несправедливо пораженный многочисленными несчастьями, он тоже задавал вопросы Создателю. Однако в случае Иова вопросы были другие, как и полученные им ответы, как и окончание его истории.

- Прочтите Иов 3:23; 7:20-21; 10:2-7; 13:20-24; 24:1-12. Какие вопросы Иов задавал Богу?

- Прочтите Иов 38:1-21; 40:1-14; 42:1-6. Что отвечал Бог? В чем здесь сходство с ответом Иисуса Иоанну Крестителю? В чем отличие?

9. Напишите три характеристики Небесного Царства, которые подразумеваются в ответе Иисуса Иоанну Крестителю. Видите ли вы, что эти характеристики Царства актуальны и для нашего времени?

10. Данная заповедь блаженства соотнесена в главе 17 с первой («блаженны нищие духом»), которая также утверждает: «.. ибо их есть Царство Небесное». Как по-вашему, почему эта фраза повторяется? Как «нищие духом» связаны с теми, кто «изгнан за правду»?

11. Прочтите наставление Иисуса о том, как нужно молиться, в Мф. 6:9-13. Как, по вашему мнению, связана эта молитва с нашим поведением во время гонений и сомнений?

* * *

Занятие 10. Глава 18

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда...

1. Какова высшая радость, обещанная последователям Иисуса, согласно главе 18?

2. Опишите свое самое радостное возвращение домой. Кто при этом присутствовал? Как вы вернулись домой? Где вы побывали? Почему этот конкретный случай был таким радостным?

3. Какие библейские образы используются в Книге Откровение для описания нашей «отчизны», согласно главе 18? Как эти библейские образы раскрывают наше будущее с Христом?

4. Что из пережитого (вами лично или кем-то, кого вы хорошо знаете) в этом мире вызывает у вас стремление «вернуться домой», в мир, соделанный новым? Каким вам видится ваш небесный дом?

5. Что говорят нам заповеди блаженства о возможности услышать «небесные овации» еще на земле?

6. Прочтите параллельное место к заповедям блаженства у Матфея в Евангелии от Луки (Лк. 6:20-26). Чем различаются эти два варианта проповеди? В чем они сходны? В каком новом ракурсе рассказ Луки раскрывает нам учение Иисуса о священной отраде?

7. Большинство из нас склонно видеть в заповедях блаженства изречения, состоящие из причины и следствия: если достигнешь чистоты сердца, то (как следствие) увидишь Бога. Если будешь плакать о своих грехах, то утетишься. Поэтому заповеди блаженства зачастую воспринимаются как требования, которые невозможно выполнить. Чтобы взглянуть на них с другой точки зрения, забудем на время об идее причин и следствий. Будем считать все заповеди блаженства следствиями — описанием того, что происходит, когда мы принимаем Христа. Если рассматривать все заповеди таким образом, две части каждой из них можно понимать как две ступени — немедленное, земное следствие, и следствие заключительное, духовное. Вооружитесь такими идеями и заполните строки таблицы для каждой заповеди, опираясь на то, что сказано в соответствующих главах. В первой строке приведенной ниже таблицы дан образец заполнения.

Заповедь блаженства	Причина	Следствие	Заключительное следствие
Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...	..мы начинаем остро сознавать свои пороки; мы становимся «нищими духом»...	...мы становимся обитателями Небесного Царства Христа; мы получаем новое имя и новое понимание себя.
Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны плачущие, ибо они утешатся.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		
Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.	Мы истинно воспринимаем реальность того, каков Христос и каковы мы...		

«Некоторые вещи относительно Бога представить себе легко. Я могу вообразить, как Он создает вселенную и развешивает звезды. <...> Я в силах постичь Бога, Который знает меня, Который создал меня... Но Бог, Который меня любит? Бог, Который меня обожает? Который мне аплодирует?»

Однако об этом говорится в Библии. Наш Отец без усталости зовет Своих детей. Он призывает нас вернуться домой Своим Словом, открыв нам путь Своей кровью, и ждет не дожидаясь нашего возвращения.

О любви Бога к Своим детям сказано в Библии. Об этом же речь идет и в моей книге», — говорит Макс Лукадо.

Вообразите, что вы видите Царя царей в секции ваших болельщиков и слышите небесные овации... это овации лично вам. Но не ограничивайтесь одним только воображением. Откройте свое сердце навстречу небесной отраде познания Бога, Который радуется за вас.

Эта книга, уже ставшая классикой, вызовет у вас желание перечитать ее еще раз, а также познакомит ваших родных и близких с вдохновляющими словами Макса Лукадо, чтобы побудить их подойти на шаг ближе к Иисусу.

МАКС ЛУКАДО — один из самых популярных христианских писателей Америки, автор многих книг, которые принесли ему известность как в христианских, так и в светских кругах; служитель церкви «Оак Хиллз» в г. Сан-Антонио (штат Техас).